

**UNIVERSITATEA DE STAT «ALECU RUSSO»
DIN BĂLȚI, REPUBLICA MOLDOVA**

Limbaj și context

**Revistă internațională de lingvistică,
semiotică și știință literară**

Anul IV, nr. 2, 2012

Volumul este consacrat memoriei și aniversării a 70-ea de la nașterea lui Mircea IONIȚĂ, profesor universitar, distins cercetător bălțean, creator de școală lingvistică, pedagog iscusit, traducător francofon.

Din 2011, revista apare cu suportul financiar al Guvernului orașului Basel (Elveția).

Revista este indexată în *EBSCO, Index Copernicus (pentru 2011, indexul fiind de 5,09) DOAJ, Summon Serials Solutions, ProQuest, La Criée: périodiques en ligne, Vaggi.org Directory, Unified Database for Serial Titles, WorldCat, Open Library, The Linguist List, NewJour, Fabula și Journ Open Directory.*

**ALECU RUSSO STATE UNIVERSITY OF BĂLȚI,
REPUBLIC OF MOLDOVA**

Speech and Context

**International Journal of Linguistics,
Semiotics and Literary Science**

2(IV)2012

This volume is dedicated to the memory of M. Ionita, commemorating the 70 anniversary of a remarkable university professor, outstanding linguist and researcher, the founder of Bălți linguistic school, skillful teacher and francophone translator.

Since 2011, the administration of Bâle Town (Switzerland) is the sponsor of the journal.

Journal Indexing: EBSCO, Index Copernicus (2011 journal index: 5,09) DOAJ, Summon Serials Solutions, ProQuest, La Criée: périodiques en ligne, Vaggi.org Directory, Unified Database for Serial Titles, WorldCat, Open Library, The Linguist List, NewJour, Fabula and Jurn Open Directory.

COLEGIUL DE REDACȚIE AL REVISTEI

Redactor-șef:

Conf. univ., dr. Angela COȘCIUG (Universitatea de Stat „Alec Russo” din Bălți, Republica Moldova).

Secretar de redacție:

Lect. univ. Silvia BOGDAN (Universitatea de Stat „Alec Russo” din Bălți, Republica Moldova).

Comitetul onorific:

Prof. univ., dr. Adriana-Gertruda ROMEDEA (Universitatea din Bacău, România); Prof. univ., dr. hab. Alexandr OGUI (Universitatea Națională „Yuri Fedkovici”, Cernăuți, Ucraina); Prof. univ., dr. hab. Ana BONDARENCO (Universitatea de Stat din Moldova); Prof. univ., dr. Bernard Mulo FARENKIA (Universitatea din Cape Breton, Canada); Prof. univ. emerit, dr. Catherine KERBRAT-ORECCHIONI (Universitatea Lumière Lyon 2, Franța); Prof. univ., dr. Daniel LEBAUD (Universitatea din Franche-Comté, Franța); Prof. univ., dr. Dominique MAINGUENEAU (Universitatea Paris 12 Val-de-Marne, Franța); Prof. univ., dr. hab. Gheorghe GOGIN (Academia de Științe a Republicii Moldova); Prof. univ., dr. Gina MĂCIUCĂ (Universitatea „Ștefan cel Mare” din Suceava, România); Prof. univ., dr. hab. Ion DUMBRĂVEANU (Universitatea de Stat din Moldova); Prof. univ., dr. hab. Iurie MOSENKIS (Universitatea Națională „Taras Șevcenko” din Kiev, Ucraina); Prof. univ., dr. Laura BĂDESCU (Universitatea din Pitești, România); Prof. univ., dr. Lelia TROCAN (Universitatea din Craiova, România); Prof. univ., dr. Luminița HOARȚĂ CĂRĂUȘU (Universitatea „Alexandru Ioan Cuza” din Iași, România); Prof. univ., dr. hab. Natalia HALINA (Universitatea de Stat din Altai, Rusia); Prof. univ., dr. hab. Nicanor BABĂRĂ (Universitatea de Stat din Moldova); Prof. univ., dr. Nicolae IOANA (Universitatea „Dunărea de Jos”, Galați, România); Prof. univ., dr. Norbert BACHLEITNER (Universitatea din Viena, Austria); Prof. univ., dr. Sanda-Maria ARDELEANU (Universitatea „Ștefan cel Mare” din Suceava, România); Prof. univ., dr. Simona ANTOFI (Universitatea „Dunărea de Jos” din Galați, România); Prof. univ., dr. Sophie MOIRAND (Universitatea Paris 3 Sorbona Nouă, Franța); Prof. univ., dr. Thomas WILHELMI (Universitatea din Heidelberg, Germania).

Comitetul de lectură:

Conf. univ., dr. Ala SAINENCO (Universitatea de Stat „Alec Russo” din Bălți, Republica Moldova); Prof. univ., dr. hab. Ana BONDARENCO (Universitatea de Stat din Moldova); Conf. univ., dr. Angela COȘCIUG (Universitatea de Stat „Alec Russo” din Bălți, Republica Moldova); Prof. univ., dr. Bernard Mulo FARENKIA (Universitatea din Cape Breton, Canada); Conf. univ., dr. Diana VRABIE (Universitatea de Stat „Alec Russo” din Bălți, Republica Moldova); Conf. univ., dr. Elena SIROTA (Universitatea de Stat „Alec Russo” din Bălți, Republica Moldova); Conf. univ., dr. Estelle VARIOT (Universitatea din Provence, Centrul Aix, Franța); Conf. univ., dr. Georgeta CÎȘLARU (Universitatea Paris 3 Sorbona Nouă, Franța); Conf. univ., dr. Grigore CANTEMIR (Universitatea de Stat „Alec Russo” din Bălți, Republica Moldova); Conf. univ., dr. Irina KOBIAKOVA (Universitatea Lingvistică de Stat din Piatigorsk, Rusia); Conf. univ., dr. Iulia IGNATIUC (Universitatea de Stat „Alec Russo” din Bălți, Republica Moldova); Conf. univ., dr. Lace Marie BROGDEN (Universitatea din Regina, Canada); Conf. univ., dr. Ludmila BRANIȘTE (Universitatea „A.I. Cuza”, Iași, România); Prof. univ., dr. Luminița HOARȚĂ CĂRĂUȘU (Universitatea „Alexandru Ioan Cuza” din Iași, România); Conf. univ., dr. Margareta ABRAMCIUC (Universitatea de Stat „Alec Russo” din Bălți, Republica Moldova); Cerc. șt. sup., dr. Mioara DRAGOMIR (Institutul de Filologie Română „A. Philippide” din Iași, România); Prof. univ., dr. hab. Natalia HALINA (Universitatea de Stat din Altai, Rusia); Prof. univ., dr. hab. Nicanor BABĂRĂ

(Universitatea de Stat din Moldova); Conf. univ., dr. Solomia BUK (Universitatea Națională „Ivan Franko” din Lvov, Ucraina); Dr. Tatiana POTÎNG (Ministerul Educației, Republica Moldova); Prof. univ., dr. Thomas WILHELMI (Universitatea din Heidelberg, Germania); Conf. univ., dr. Valeriu VOROBCENCO (Universitatea de Stat „Alec Russo” din Bălți, Republica Moldova); Conf. univ., dr. Valentina ENCIU (Universitatea de Stat „Alec Russo” din Bălți, Republica Moldova); Conf. univ., dr. Valentina ȘMATOV (Universitatea de Stat „Alec Russo” din Bălți, Republica Moldova); Conf. univ., dr. Victor SCHIBA (Universitatea de Stat „Alec Russo” din Bălți, Republica Moldova).

Comitetul literar:

Conf. univ., dr. Georgeta CÎȘLARU (Universitatea Paris 3 Sorbona Nouă, Franța); Lect. univ., dr. Ioana-Crina COROI (Universitatea „Ștefan cel Mare” din Suceava, România); Drd, lect. sup. Irina CIORNAIA (Universitatea de Stat „Alec Russo” din Bălți, Republica Moldova); Conf. univ., dr. Iulia IGNATIUC (Universitatea de Stat „Alec Russo” din Bălți, Republica Moldova); Lect. univ. Marina TETERIN (Universitatea de Stat „Alec Russo” din Bălți, Republica Moldova); Lect. univ., drd Oxana CHIRA (Universitatea de Stat „Alec Russo” din Bălți, Republica Moldova); Lect. univ., drd Svetlana STANȚIERU (Universitatea de Stat „Alec Russo” din Bălți, Republica Moldova); Lect. univ. Tatiana GOREA (Universitatea de Stat „Alec Russo” din Bălți, Republica Moldova); Conf. univ., dr. Valentina ȘMATOV (Universitatea de Stat „Alec Russo” din Bălți, Republica Moldova); Conf. univ., dr. Victor SCHIBA (Universitatea de Stat „Alec Russo” din Bălți, Republica Moldova).

Tehnoredactare:

Lect. univ. Liliana EVDOKHIMOV (Universitatea de Stat „Alec Russo” din Bălți, Republica Moldova).

Adresa colegiului de redacție:

Catedra de filologie franceză, aula 412, bloc 4,
Universitatea de Stat „Alec Russo”,
38, str. Pușkin, 3100, Bălți, Republica Moldova

Telefon: +37323124195

Fax: +37323123039

E-mail: acosciug@yahoo.com

Tiparul: Tipografia Universității de Stat „Alec Russo”.

Pagina electronică a revistei: http://www.usb.md/limbaj_context/

Pagina alternativă a revistei și blogul: <http://limbaj-si-context.blogspot.com>

Revista apare de două ori pe an. Ea publică materiale în limbile română, franceză, engleză, germană, spaniolă, portugheză, rusă și ucraineană.

Materialele incluse în volum au fost recenzate în prealabil de specialiști în domeniu.

ISSN 1857-4149

© Universitatea de Stat „Alec Russo” din Bălți, Republica Moldova, 2012

EDITORIAL BOARD MEMBERS

Editor-in-chief:

Angela COȘCIUG, Associate Professor, Ph.D. (Alec Russo State University of Bălți, Republic of Moldova).

Editing Secretary:

Silvia BOGDAN, Lecturer (Alec Russo State University of Bălți, Republic of Moldova).

Honorary Board:

Adriana-Gertruda ROMEDEA, Professor, Ph.D. (University of Bacău, Romania); Alexander OGUY, Professor, Ph.D. (Yuri Fedkovich National University of Chernovitsy, Ukraine); Ana BONDARENCO, Professor, Ph.D. (Moldova State University); Bernard Mulo FARENKIA, Professor, Ph.D. (Cape Breton University, Canada); Catherine KERBRAT-ORECCHIONI, Professor Emerita, Ph.D. (Lyon 2 Lumière University, France); Daniel LEBAUD, Professor, Ph.D. (University of Franche-Comté, France); Dominique MAINGUENEAU, Professor, Ph.D. (University of Paris 12 Val-de-Marne, France); Gheorghe GOGIN, Professor, Ph.D. (Academy of Sciences, Republic of Moldova); Gina MĂCIUCĂ, Professor, Ph.D. (Ștefan cel Mare University of Suceava, Romania); Ion DUMBRĂVEANU, Professor, Ph.D. (Moldova State University); Yuri MOSENKIS, Professor, Ph.D., Corresponding Member of Academy of Sciences of Ukraine (Taras Șevcenko National University of Kiev, Ukraine); Laura BĂDESCU, Professor, Ph.D. (University of Pitești, Romania); Lelia TROCAN, Professor, Ph.D. (University of Craiova, Romania); Luminița HOARȚĂ CĂRĂUȘU, Professor, Ph.D. (Alexandru Ioan Cuza University of Iași, Romania); Natalia HALINA, Professor, Ph.D. (Altai State University, Russia); Nicanor BABĂRĂ, Professor, Ph.D. (Moldova State University); Nicolae IOANA, Professor, Ph.D. (Dunarea de Jos University of Galați, Romania); Norbert BACHLEITNER, Professor, Ph.D. (University of Vienna, Austria); Sanda-Maria ARDELEANU, Professor, Ph.D. (Ștefan cel Mare University of Suceava, Romania); Simona ANTOFI, Professor, Ph.D. (Dunărea de Jos University of Galați, Romania); Sophie MOIRAND, Professor, Ph.D. (Paris 3 Sorbonne Nouvelle University, France); Thomas WILHELMI, Professor, Ph.D. (University of Heidelberg, Germany).

Scientific Board:

Ala SAINENCO, Associate Professor, Ph.D. (Alec Russo State University of Bălți, Republic of Moldova); Ana BONDARENCO, Professor, Ph.D. (Moldova State University); Angela COȘCIUG, Associate Professor, Ph.D. (Alec Russo State University of Bălți, Republic of Moldova); Bernard Mulo FARENKIA, Professor, Ph.D. (Cape Breton University, Canada); Diana VRABIE, Associate Professor, Ph.D. (Alec Russo State University of Bălți, Republic of Moldova); Estelle VARIOT, Associate Professor, Ph.D. (University of Provence, Aix Center, France); Elena SIROTA, Associate Professor, Ph.D. (Alec Russo State University of Bălți, Republic of Moldova); Georgeta CÎȘLARU, Associate Professor, Ph.D. (Paris 3 Sorbonne Nouvelle University, France); Grigore CANTEMIR, Associate Professor, Ph.D. (Alec Russo State University of Bălți, Republic of Moldova); Irina KOBIAKOVA (State Linguistic University of Pjatigorsk, Russia); Iulia IGNATIUC, Associate Professor, Ph.D. (Alec Russo State University of Bălți, Republic of Moldova); Lace Marie BROGDEN, Assistant Professor, Ph.D. (University of Regina, Canada); Ludmila BRANIȘTE, Associate Professor, Ph.D. (Alexandru Ioan Cuza University of Iași, Romania); Luminița HOARȚĂ CĂRĂUȘU, Professor, Ph.D. (Alexandru Ioan Cuza University of Iași, Romania); Margareta ABRAMCIUC, Associate Professor, Ph.D. (Alec Russo State University of Bălți, Republic of Moldova); Mioara DRAGOMIR, Senior Scientific Researcher, Ph.D. (A. Philippide Institut of Romanian Philology, Iași, Romania); Natalia HALINA, Professor, Ph.D. (Altai State University,

Russia); Nicanor BABĂRĂ, Professor, Ph.D. (Moldova State University); Solomia BUK, Associate Professor, Ph.D. (Ivan Franko National University of Lvov, Ukraine); Tatiana POTÎNG, Ph.D., Deputy minister of Education, Republic of Moldova; Thomas WILHELMI, Professor, Ph.D. (University of Heidelberg, Germany); Valentina ENCIU, Associate Professor, Ph.D. (Alec Russo State University of Bălți, Republic of Moldova); Valentina ȘMATOV, Associate Professor, Ph.D. (Alec Russo State University of Bălți, Republic of Moldova); Valeriu VOROBCENCO, Associate Professor, Ph.D. (Alec Russo State University of Bălți, Republic of Moldova); Victor SCHIBA, Associate Professor, Ph.D. (Alec Russo State University of Bălți, Republic of Moldova).

Literary Board:

Georgeta CÎȘLARU, Associate Professor, Ph.D. (Paris 3 Sorbonne Nouvelle University, France); Ioana-Crina COROI, Lecturer, Ph.D. Student (Ștefan cel Mare University of Suceava, Romania); Irina CIORNAIA, Ph.D. Student, Senior Lecturer (Alec Russo State University of Bălți, Republic of Moldova); Iulia IGNATIUC, Associate Professor, Ph.D. (Alec Russo State University of Bălți, Republic of Moldova); Marina TETERIN, Lecturer (Alec Russo State University of Bălți, Republic of Moldova); Oxana CHIRA, Lecturer, Ph.D. Student (Alec Russo State University of Bălți, Republic of Moldova); Svetlana STANȚIERU, Lecturer, Ph.D. Student (Alec Russo State University of Bălți, Republic of Moldova); Tatiana GOREA, Lecturer (Alec Russo State University of Bălți, Republic of Moldova); Valentina ȘMATOV, Associate Professor, Ph.D. (Alec Russo State University of Bălți, Republic of Moldova); Victor SCHIBA, Associate Professor, Ph.D. (Alec Russo State University of Bălți, Republic of Moldova).

Technical Editor:

Liliana EVDOCHIMOV, Lecturer (Alec Russo State University of Bălți, Republic of Moldova).

Editorial Office:

French Philology Department, Room 412, B 4, Alec Russo State University,
38, Pușkin Street, 3100, Bălți, Republic of Moldova

Telephone: +37323124195

Fax: +37323123039

E-mail: acosciug@yahoo.com

Publishing House: Bălți University Press.

Journal Web Page: http://www.usb.md/limbaj_context/

Journal Alternative Home Page and Blog: <http://speech-and-context.blogspot.com>

The journal is issued twice a year.

Languages of publication: Romanian, French, English, German, Spanish, Portuguese, Russian and Ukrainian.

Materials included in this volume were previously reviewed.

ISSN 1857-4149

©Alec Russo State University of Bălți, Republic of Moldova, 2012

Sunt multe feluri de limbi în lume, totuș niciuna din ele nu este fără sunete înțelese. Dar dacă nu cunosc înțelesul sunetului, voi fi un străin pentru cel ce vorbește, și cel ce vorbește, va fi un străin pentru mine (1 Corinteni, 14: 10-11).

Undoubtedly there are all sorts of languages in the world, yet none of them is without meaning. If then I do not grasp the meaning of what someone is saying, I am a foreigner to the speaker, and he is a foreigner to me (1 Corinthians, 14: 10-11).

ARIILE TEMATICE ALE REVISTEI

Semne, limbaj, comunicare – considerații generale (considerații generale asupra semnului; considerații generale asupra limbajului; aspecte ale limbajului; considerații generale asupra comunicării și actului comunicativ; sens și semnificație în comunicare; intenție în comunicare; inteligibilitatea limbajului); tipuri de semne, de limbaj și de mecanisme interacționale în comunicare (semne-icoană; semne-indice; semne-simbol; actul de limbaj în comunicarea cotidiană; mimică și gest în comunicare; limbaj specializat; sens și semnificație în comunicarea mediatizată; limbaj al identităților vizuale/limbaj pictural; limbaj al muzicii/limbal al dansului; limbaj în spațiul instituțional; limbaj verbal în context cultural; limbaje și comunicare în cadrul comunității europene); limbaj (literar) și condiționare socială (ideologie și identitate glotică; influențe glotice; morală și limbaj literar; mentalitate colectivă și imaginar literar; scrierile (auto)biografice, între individual și social; voci, texte, reprezentare); limbaj, context, traducere (rolul contextului în traducere; tipuri de traducere).

JOURNAL TOPICS

Overview of signs, speech and communication (overview of sign; overview of speech; speech aspects; overview of communication and speech act; sense and signification in communication; intention in communication; speech intelligibility); types of sign, speech and interactional mechanisms in communication (icons; indexes; symbols; speech act in everyday communication; mimic and gestures in communication; language for specific purposes; sense and signification in media communication; audio-visual language/pictorial language; language of music/language of dance; speech in institutional area; verbal language in cultural context; languages and communication within the European community); (literary) language and social conditioning (ideology and language identity; language influences; morals and literary speech; collective mentality and literary image; (auto)biographic writings, between individual and social; voices, texts, representation); language, context, translation (role of context in translation; types of translation).

C U P R I N S

TIPURI DE SEMNE, DE LIMBAJ ȘI DE MECANISME INTERACȚIONALE ÎN COMUNICARE

Елена Анашкина, *Влияние прагматических факторов на функционирование тропов в художественном дискурсе* .....

Gina Măciucă, **Tipuri de relații macrosistemice în cadrul SVF: abordare contrastivă în limbile română, germană, engleză, italiană și spaniolă** .....

Adela Novac, **Verbul pronominal: structură și clasificare** .....

Marina Teterina, **The Use of Gendered Pronouns with Animal Referents in English** .....

Elena Ungureanu, @ – **Simbol al comunicării online** .....

Екатерина Исаева, *Метафоры в дискурсе компьютерной вирусологии*

Gergana Atanasova Petkova, **Names of Saints, Protecting People from Diseases and Health Problems, Latin by Origin** .....

Вячеслав Долгов, *Детерминологизация номинанта концепта «юродивый» в русской языковой картине мира* .....

Марина Туницька, *Семантико-граматичні типи фразеологізмів в художній тканині новели Василя Стефаника „Камінний хрест”* .....

Сталина Степанюк, *Сопоставительный анализ семантико-функциональных особенностей русского глагола «иметь» и его иноязычных эквивалентов* .....

Angela Coșciug, **Unele considerații de ordin general asupra sistemelor vocalice ale limbilor franceză și germană** .....

LIMBAJ (LITERAR) ȘI CONDIȚIONARE SOCIALĂ

Tatiana Gorea, Maia Slivinschi, Diana Nicov, **Algunas reflexiones sobre contaminación excesiva con unidades externas: caso del español, ruso y rumano** .....

Лариса Пох, *Рассказ А. П. Чехова «Чёрный монах» и его интерпретация* .....

Екатерина Никулча, *Сила любви — «обыкновенное чудо»?!* (на материале пьесы Евгения Шварца «Обыкновенное чудо») .....

Despre autori .....

TIPURI DE SEMNE, DE LIMBAJ ȘI DE MECANISME
INTERACȚIONALE ÎN COMUNICARE

TYPES OF SIGNS, SPEECH AND INTERACTIONAL
MECHANISMS IN COMMUNICATION

ВЛИЯНИЕ ПРАГМАТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ТРОПОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Елена АНАШКИНА,

доцент, кандидат филологических наук

(Национальный исследовательский университет, Москва, Россия)

Rezumat

În articol, cercetăm influența factorilor pragmatici asupra funcționării tropilor în discursul artistic.

Cuvinte-cheie: *factor pragmatic, trop, discurs artistic.*

1. Введение

Изучение тропов в рамках когнитивно-дискурсивного подхода позволяет рассматривать их как дискурсивный феномен, который реализуется только в рамках дискурса и вне его не существует. Художественный дискурс в контексте говорящего - автора, слушающего - читателя и породившей их культуры можно понимать как прагматически обусловленную и имеющую определенную интенцию речь говорящего¹. Выбирая языковую единицу, автор предвосхищает эмоциональную реакцию адресата. Остановка внимания читателя осуществляется благодаря выводу отрезка дискурса из автоматизма восприятия при помощи, например, тропов.

Исходя из такого понимания художественного дискурса, наиболее существенными факторами, влияющими на функционирование тропов, являются прагматические. Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы рассмотреть, как такие прагматические факторы как *позиция говорящего и наблюдателя в художественном пространстве, точка зрения и точка отсчета* влияют на предпочтительный выбор определенного тропа для описания ситуации. Материалом для исследования послужили примеры из английской и американской литературы XX-го века, полученные методом сплошной выборки. Исследование опирается на комплекс дополняющих друг друга методов исследования, таких как метод контекстуального анализа, описательный метод, метод лингвостилистической интерпретации текста, метод дискурсивного анализа.

2. Антропоцентричность языка

Естественный язык антропоцентричен, т.е. ориентирован на человека. Антропоцентризм представляет собой одну из отличительных парадигмальных черт современной лингвистики, ее принципиальную установку². Антропоцентризм как особый принцип исследования заключается в том, что научные объекты изучаются прежде всего по их роли для человека, по их назначению в его

жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности и ее усовершенствования. Он обнаруживается в том, что человек становится точкой отсчета в анализе тех или иных явлений, что он вовлечен в этот анализ, определяя его перспективу и конечные цели. Антропоцентризм знаменует тенденцию поставить человека во главу угла во всех теоретических предпосылках научного исследования и обуславливает его специфический ракурс.

Антропоцентрический принцип в языке связан с исследованием широкого круга языковых явлений, отраженных в языковом сознании говорящих или же отражающих присутствие говорящего в акте речи и установлении системы его «координат».

Антропоцентричность пронизывает буквально все языковые конструкции. В основе мысли, выраженной посредством языка, лежит восприятие. Именно особенностями восприятия как свойства, присущего человеку, объясняются явления языкового антропоцентризма и антропоморфизма³.

3. Некоторые прагматические факторы, влияющие на функционирование тропов в художественном дискурсе

3.1. Позиция говорящего и наблюдателя в художественном пространстве

3.1.1. Фигура говорящего

По мнению лингвистов, естественный язык не просто антропоцентричен, а эгоцентричен, т.е. ориентирован на говорящего⁴. Говорящий является центральной прагматической категорией⁵. Присутствие говорящего заложено в семантику самых обычных слов и грамматических категорий естественного языка. Фигура говорящего определяет и употребление тропов в художественном дискурсе.

Рассматривая тропы в художественном дискурсе, следует иметь в виду, что в нем изменяются условия коммуникации. Коммуникативная ситуация в художественном дискурсе предстает в неполноценном (неканоническом) виде⁶. В рамках канонической речевой ситуации, когда имеются синхронные говорящий и слушающий с одним и тем же полем зрения⁷, роль говорящего выполняет реальный говорящий. Понятно, что в художественном произведении, где автор отделен от своего высказывания и от читателя, эти условия не соблюдаются, реальный говорящий отсутствует. Поэтому при анализе художественного дискурса возникает вопрос – кто является заместителем говорящего. Многие лингвисты и литературоведы указывают на то, что роль автора-создателя в художественном произведении нельзя отождествлять с ролью говорящего в речевом высказывании⁸. Мы можем говорить только об аналогах говорящего в художественном произведении или о повествователе. Именно он

является тем субъектом сознания, который непосредственно воплощен в тексте и с которым имеет дело читатель. Он же становится центром системы пространственно-временных координат.

В традиционном нарративе в фигуре повествователя воплощается единое сознание, обеспечивающее целостность структуры и композиции текста. Существует две возможности замещения реального говорящего в традиционном нарративе⁹:

- 1) повествователь может быть персонифицированный, когда он является одним из персонажей текста, т.е. входит в мир текста (например, совершает какие-либо поступки, имеет минимальную биографию, имя и др.); его можно назвать также рассказчиком;
- 2) повествователь может быть неперсонифицированный, не входящий во внутренний мир текста; он выступает как специально задуманный представитель автора и может быть как всезнающим, так и прагматически мотивированным повествователем. Всезнающий повествователь не дает нам отчета об источниках своих знаний. Он описывает внутренние состояния персонажей, пренебрегая тем, что они недоступны внешнему наблюдению. Он обладает неограниченными возможностями изменения временной и пространственной ориентации. Прагматически мотивированный повествователь по соображениям правдоподобия связан в этих пунктах естественными ограничениями. Неперсонифицированный повествователь может занимать подчеркнуто внешнюю позицию по отношению к герою и описывать его внутренние состояния не сами по себе, а через их симптомы, наблюдаемые признаки.

Традиционному нарративу противостоит свободный косвенный дискурс (СКД)¹⁰. Отличие между этими двумя повествовательными формами состоит в отсутствии четких границ между сферами сознания разных субъектов – повествователя и персонажа, одного персонажа и другого. В СКД аналогом говорящего выступает персонаж, вытесняющий повествователя. Но вытеснение повествователя обычно происходит не на всем протяжении СКД, а лишь в каких-то его фрагментах. Повествователь может пропадать и возникать снова. Иногда бывает трудно отличить голос персонажа от голоса повествователя. Максимальная степень устранения повествователя наблюдается в тех случаях, когда СКД используется для изображения «потока сознания». Под «потоком сознания» понимается такая организация художественного произведения, когда автор устраняет повествователя и подчиняет повествование субъективности персонажа или персонажей¹¹. Таким образом, связность СКД основана на сложном согласовании голосов разных персонажей друг с другом и с голосом

повествователя. Рассмотрим взаимодействие этих голосов на следующем примере:

«The exquisite freshness of Isabel! When he had been a little boy, it was his delight to run into the garden after a shower of rain and shake the rose bush over him. Isabel was that rose bush, petal-soft, sparkling and cool. And he was still the little boy. But there was *no running into the garden now, no laughing and shaking*” (Mansfield, 1953, p. 84).

В данном примере мы можем проследить, как голос персонажа («The exquisite freshness of Isabel!») сменяется голосом повествователя, а затем снова возвращается («But there was no...»). Подчеркнутое предложение является метонимическим предложением и указывает на то, что в жизни героя все изменилось не в лучшую сторону. Мысли о жене он связывает с чудесными ощущениями детства. Но его семейная жизнь не слишком счастливая. И хотя для него Изабелла по-прежнему – свежий розовый куст из детских воспоминаний, а он все еще ощущает себя временами маленьким мальчиком, все изменилось. Куда-то ушли радость и восторг, которые метонимически обозначаются через такие компоненты как «*running into the garden, laughing, shaking*», неразрывно связанные в воспоминаниях героя с ощущением счастья.

В некоторых случаях употребление тропов в художественном дискурсе можно объяснить через понятие «личной сферы говорящего»¹². В эту сферу входит сам говорящий и все, что ему близко физически, морально, эмоционально или интеллектуально. Личная сфера говорящего подвижна – она может включать большее или меньшее число объектов в зависимости от ситуации.

«And Lucy, coming into the drawing-room with her tray held out, put the giant candlesticks on the mantelpiece, the silver casket in the middle, turned the crystal dolphin towards the clock. They would come; they would stand; they would talk in the mincing tones which she could imitate, ladies and gentlemen. Of all, her misress was loveliest – *mistress of silver, of linen, of china*, for the sun, the silver, doors off their hinges, Rumpelmayer’s men, gave her a sense, as she laid the paper-knife on the unlaid table, of something achieved» (Woolf, 1984, p. 64).

В этом примере голоса повествователя и персонажа тесно переплетены. В стилистическом приеме метонимии звучит голос служанки Люси. Думая о хозяйке дома, она метонимически называет дом через отдельные предметы, которые в конкретной ситуации входят в ее личную сферу (готовя дом к приходу гостей, Люси чистит серебро, занимается посудой, столовым бельем).

3.1.2. Фигура наблюдателя

Многие исследователи указывают, что при анализе различных языковых явлений роль говорящего не должна абсолютизироваться. Необходимо учитывать и другой прагматический фактор – фигуру наблюдателя¹³.

С одной стороны, наблюдатель – это одна из функций говорящего в речевом высказывании¹⁴. Так, человек может говорить о чем-то, исходя из собственного чувственного опыта. В этом случае понятие «наблюдатель» совпадает с понятием «говорящий». С другой стороны, эти прагматические факторы не тождественны друг другу. Очень часто на выбор того или иного слова или даже синтаксической структуры всего высказывания влияет соотношение между этими факторами¹⁵. Другими словами, говорящий не обязательно выступает в роли наблюдателя. В этой роли могут выступать и другие субъекты. На несовпадение пространства говорящего и пространства наблюдателя указывает Ю.Д. Апресян¹⁶. Е. В. Падучева отмечает, что в традиционном нарративе роль наблюдателя чаще выполняет персонаж, чем повествователь¹⁷. При этом наблюдатель может быть:

- 1) статичным;
- 2) динамичным, т.е. перемещающимся;
- 3) внутренним (наблюдатель находится внутри ситуации и является неустрашимым ориентиром для мысленного расположения всех остальных участников в пространстве);
- 4) внешним (наблюдатель, который не участвует в самой ситуации, а обозревает ее извне)¹⁸.

Рассмотрим, как проявляется наблюдатель в стилистическом приеме метонимии в следующем примере:

«Nearly all the furniture was taken out of the dining-room. The big piano was put in a corner and then there came a row of flower pots and then there came the goldy chairs. That was for the concert. When Sun looked in a white-faced man sat at the piano – not playing but banging at it and then looking inside. He had a bag of tools on the piano and he had stuck his hat on a statue against the wall. Sometimes he just started to play and then he jumped up again and looked inside. Sun hoped he wasn't the concert. [...] Sun looked to see if the same **concert** was there, but he was gone» (Mansfield, 1953, p. 50).

Данный пример представляет собой фрагмент свободного косвенного дискурса, в котором переплетены голоса неперсонифицированного повествователя, главного персонажа – ребенка, который наблюдает ситуацию, и одного из других персонажей. Герой рассказа, маленький мальчик, знает, что в доме ведется подготовка к чему-то грандиозному и даже, как ему сказали, будет концерт. Очевидно, что фраза «**That was for the concert**» принадлежит кому-то из взрослых, ответивших на вопрос ребенка. Но

мальчик не совсем понимает, что такое концерт. Он заглядывает в комнату, видит некоторые приготовления и загадочного человека - настройщика пианино. У него возникает мысль: может быть, это есть тот самый «концерт». Таким образом, понятие «концерт» оказывается для него связанным по смежности с участником его подготовки. Метонимическое употребление слова «concert» в речи повествователя обусловлено тем, что наблюдатель в этой ситуации – маленький мальчик.

3.2. Точка зрения

При анализе стилистического приема метонимии важно также знать, чья точка зрения – повествователя или персонажа – отражается в высказывании. Под точкой зрения понимается определенная «авторская позиция, с которой ведется повествование»¹⁹.

Как правило, в художественном произведении переплетаются точки зрения повествователя и персонажей, иногда даже в пределах одного высказывания. Часто определить точку зрения можно только по речевой характеристике. Автор описывает разных героев разным языком или вообще использует в том или ином виде элементы чужой или замещенной речи при описании.

Отражением определенной точки зрения могут служить различные наименования. Очень часто в художественной литературе одно и то же лицо именуется различным образом, причем нередко эти различные наименования сталкиваются в одной фразе или близко в тексте. В этом случае имеет место использование в тексте нескольких точек зрения.

Точка зрения может быть внутренней по отношению к описываемому действию, использующая позицию самих участников ситуации. Но точка зрения может быть и внешней относительно описываемого действия, использующая позицию стороннего наблюдателя.

Некая ситуация может быть показана с точки зрения движущегося объекта с характерными деформациями предметов, обусловленными этим движением, как видно из следующего примера:

«And now, at last, as she [Ursula] stood in the stern of the ship, in a pitch-dark, rather blowy night, feeling the motion of the sea, and watching the small, rather desolate little lights that twinkled on the shores of England, as on the shores of nowhere, watched them *sinking* smaller and smaller on the profound and living darkness, she felt her soul stirring to awake from its anaesthetic sleep» (Lawrence, 1996, p. 439).

Отмеченный случай представляет собой особый тип стилистической глагольной метонимии: перемещение одного предмета (корабля) передается как отраженное в другом (огни на берегу), который изображается как движущийся, оставаясь на самом деле неподвижным.

При этом оба предмета находятся в отношении смежности. Такое изображение неподвижного как движущегося позволяет образно передать движение, показать динамику его разворачивания с точки зрения персонажа (Урсулы), которая выступает как динамичный наблюдатель, не совпадающий с повествователем.

При необходимости всеобъемлющего описания некоторой сцены нередко она охватывается с какой-то одной общей точки зрения. Такая пространственная позиция предполагает обычно достаточно широкий кругозор, поэтому ее можно назвать точкой зрения «птичьего полета»²⁰:

«The car had gone, but it had left a slight ripple which flowed through *glove shops and hat shops and tailors' shops* on both sides of Bond Street. For thirty seconds *all heads* were inclined the same way – to the window» (Woolf, 1984, p. 45).

В этом примере аналогом говорящего выступает неперсонифицированный повествователь, всезнающий и вездесущий. Он описывает ситуацию извне, он может наблюдать волнение, возникшее на **Bond Street** из-за машины королевской особы. Именно поэтому всеобщее волнение, в котором важны не столько отдельные люди, сколько их объединенность в этом эмоциональном порыве, описывается через стилистический прием метонимии.

3.3. Точка отсчета

Понятие «точка отсчета» (**point of reference**), было введено Г. Рейхенбахом в связи с изучением видо-временных форм английского глагола²¹. В дальнейшем это понятие стало употребляться не только применительно к аспектологическим исследованиям, но и при изучении семантики языковых единиц²².

Язык, будучи антропоцентричным по своей природе, отражая мир, всегда «смотрит» на него с точки зрения человека. Языковое сознание в качестве своеобразных точек отсчета неявно фиксирует в языке параметры, связанные с человеком (температуру, размер). Дж. Лакофф и М. Джонсон выделяют принцип «**me-first orientation**», согласно которому человек является концептуальной точкой отсчета, по которой сверяется подавляющее большинство понятий нашей концептуальной системы²³. Языковой антропоцентризм и антропоморфизм особенно четко проявляется в различных пространственных выражениях, так как пространственные отношения между предметами и явлениями действительности, воспринимаемые человеком, всегда ориентированы на субъект восприятия как точку отсчета²⁴.

Если в тексте языковыми средствами осуществляется указание на некоторое физическое пространство, получающее в результате этого указания относительную характеристику, то исходной точкой данного отношения (точкой отсчета) является наблюдатель/говорящий.

При описании ситуации, основанной на зрительном восприятии, в роли центра координации выступает плоскость направления взгляда. Еще Л.В. Щерба отмечал, что в основе таких обывательских понятий, как прямо, направо, налево, лежит линия нашего взгляда, когда мы смотрим перед собой²⁵. Точкой отсчета является направление взгляда человека в нормальных условиях восприятия. Эти нормальные условия определяются естественными условиями существования человека в той или иной ситуации.

Так, в следующем примере ситуация видится глазами ребенка:

“At the drawing-room door stood Mother fanning herself with a black fan. The drawing-room was full of sweet-smelling, *silky, rustling ladies and men in black with funny tails on their coats – like beetles [...]*» (Mansfield, 1953, p. 50).

Ребенок обзревает комнату, заполненную гостями. В этой ситуации ребенок (наблюдатель) выступает как точка отсчета. Он ниже взрослых, поэтому, чтобы увидеть их лица, ему пришлось бы перевести взгляд вверх. Однако в нормальных условиях восприятия в данной ситуации (ребенок только что заглянул в комнату, это его первое впечатление) его взгляд направлен на шелковые шуршащие платья дам и черные фраки мужчин. Таким образом, использование стилистического приема метонимии основывается на позиции наблюдателя.

Рассмотрим еще один пример, в котором метонимическое обозначение человека через части его тела обусловлено направлением взгляда наблюдателя:

«She thought of the old invalid gentleman to whom she read the newspaper four afternoons a week while he slept in the garden. She had got quite used to *the frail head on the cotton pillow, the hollowed eyes, the open mouth and the high pinched nose*» (Mansfield, 1953, p. 90).

Героиня читает для пожилого человека. В условиях восприятия этой ситуации (мужчина лежит, героиня сидит около него), когда девушка поднимает глаза от газеты, взгляд ее естественным образом направлен на голову пожилого человека.

Лингвисты отмечают такое явление, как расширение и сужение поля зрения²⁶. При расширении глаз как бы удаляется от объекта, при сужении приближается к нему. Аналогия с общим планом и крупным планом в кинематографе напрашивается сама собой. Поскольку прием метонимии не раз сравнивался с крупным планом в кино²⁷, явление сужения/расширения поля зрения наблюдается и при употреблении стилистического приема метонимии в художественном дискурсе:

«[...] she turned her head towards the hall. And she saw Harry with Miss Fulton's coat in his arms and Miss Fulton with her back turned to him and her head bent. He tossed the coat away, put his hands on her shoulders, and turned

her violently to him. His *lips* said: "I adore you", and Miss Fulton laid her moonbeam fingers on his cheeks and smiled her sleepy smile» (Mansfield, 1953, p. 39).

Героиня повернула голову и увидела своего мужа с другой женщиной. Сцена настолько неожиданна для нее (тем более что ее муж постоянно подчеркивал, что именно эта женщина ему неприятна), что она даже не сразу понимает, в чем дело. Ее поле зрения сужается, взгляд приближается к этой паре. На мгновение, как в кино, крупным планом она видит губы мужа.

4. Выводы

Как показал анализ языкового материала, семантические свойства языковых единиц, помещенных в достаточно длинный и динамически разворачивающийся контекст (дискурс), оказываются существенно иными, нежели семантические свойства тех же единиц, рассматриваемых в изолированном виде или в коротком контексте. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что в дискурсе, в контексте ситуации любой троп обрастает прагматически обусловленными семантическими приращениями. Новое звучание тропов в художественном дискурсе зависит от таких прагматических факторов, как позиция говорящего и наблюдателя в художественном пространстве, точка зрения и точка отсчета.

Примечания

¹Руднев, 1996, с. 4.

²Кубрякова, 1995.

³Кравченко, 1993.

⁴Падучева, 1993.

⁵Кравченко, 1992, с. 6.

⁶Падучева, 1996.

⁷Lyons, 1977, p. 637.

⁸Долинин, 1985; Падучева, 1996; Успенский, 1995.

⁹Падучева, 1996, с. 197-199.

¹⁰Падучева, 1996, с. 206.

¹¹Долинин, 1985, с. 206.

¹²Апресян, 1995, с. 645.

¹³Апресян, 1995; Кравченко, 1992; Падучева, 1996.

¹⁴Падучева, 1993.

¹⁵Кравченко, 1993.

¹⁶Апресян, 1995.

¹⁷Падучева, 1996.

¹⁸Апресян, 1995, с. 318.

¹⁹Успенский, 1995, с. 14.

²⁰Успенский, 1995, с. 88.

²¹Reichenbach, 1947, p. 288.

²²Рахилина, 2000.

²³Lakoff, Johnson, 1980, p. 132.

²⁴Кравченко, 1993.

²⁵Щерба, 1940, с. 100.

²⁶Гаспаров, 1997.

²⁷Иванов, 1998, с. 266; Якобсон, 1990, с. 128.

Литература

АПРЕСЯН, Ю. Д. *Интегральное описание языка и системная лексикография. Избранные труды в 2-х т. Том 2.* Москва: Школа «Языки русской культуры», 1995 [=Апресян, 1995].

ГАСПАРОВ, М.Л. *Композиция пейзажа у Тютчева // Избранные труды в 3-х томах. Т.2.* Москва: Языки русской культуры, 1997. С. 332–361 [=Гаспаров, 1997].

ДОЛИНИН, К.А. *Интерпретация текста.* Москва: Просвещение, 1985 [=Долинин, 1985].

ИВАНОВ, В. В. *Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 1.* Москва: Школа «Языки русской культуры», 1998 [=Иванов, 1998].

КРАВЧЕНКО, А.В. *Вопросы теории указательности: Эгоцентричность. Дейктичность. Индексальность.* Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1992 [=Кравченко, 1992].

КРАВЧЕНКО, А.В. *К проблеме наблюдателя как системообразующего фактора в языке // Известия АН. Серия литературы и языка, 52(3), 1993. С. 45–56* [=Кравченко, 1993].

КУБРЯКОВА, Е.С. *Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Ю.С. Степанов (ред.), Язык и наука конца XX века (144–238).* Москва: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995 [=Кубрякова, 1995].

ПАДУЧЕВА, Е.В. *Говорящий как наблюдатель: об одной возможности применения лингвистики в поэтике // Известия АН. Серия литературы и языка, 52 (3), 1993. С. 33–44* [=Падучева, 1993].

ПАДУЧЕВА, Е.В. *Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива).* Москва: Школа «Языки русской культуры», 1996 [=Падучева, 1996].

РАХИЛИНА, Е.В. *Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость.* Москва: Русские словари, 2000 [=Рахилина, 2000].

РУДНЕВ В.П. *Теоретико-лингвистический анализ художественного дискурса. (АДД).* Москва, 1996 [=Руднев, 1996].

УСПЕНСКИЙ Б.А. *Семиотика искусства.* Москва: Школа «Языки русской культуры», 1995 [=Успенский, 1995].

ЩЕРБА Л.В. *Опыт общей теории лексикографии // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка, 3, 1940. С. 89–117* [=Щерба, 1940].

ЯКОБСОН, Р. *Два аспекта языка и два типа афатических нарушений // Н.Д. Арутюнова и М.А. Журиная, Теория метафоры (С. 110–132).* Москва: Прогресс, 1990 [=Якобсон, 1990].

LAKOFF, G., JOHNSON, M. *Metaphors we live by*. Chicago: University of Chicago Press, 1980 [=Lakoff *et alii*, 1980].

LAWRENCE, D.H. *Women in Love*. Penguin Books, 1996 [=Lawrence, 1996].

LYONS, J. *Semantics*. Vols. 1-2. Cambridge University Press, 1977 [=Lyons, 1977].

MANSFIELD, K. *Selected Stories*. Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1953 [=Mansfield, 1953].

REICHENBACH, H. *Elements of Symbolic Logic*. New York, 1947 [=Reichenbach, 1947].

WOOLF, V. *Mrs. Dalloway and Essays*. Moscow: Raduga Publishers, 1987 [=Woolf, 1987].

TIPURI DE RELAȚII MACROSISTEMICE ÎN CADRUL SVF:
ABORDARE CONTRASTIVĂ ÎN LIMBILE ROMÂNĂ, GERMANĂ,
ENGLEZĂ, ITALIANĂ ȘI SPANIOLĂ

Gina MĂCIUCĂ,

profesor universitar, doctor în filologie
(Universitatea „Ștefan cel Mare”, Suceava, România)

Rezumat

În articol, tratăm principalele tipuri de relații care se stabilesc între sintagmele verbale funcționale și verbe-substitut, cunoscut fiind faptul că realitatea lingvistică ne oferă extrem de puține cazuri de sinonimie absolută. Așadar, în condițiile în care tendința firească a limbilor naturale este de a opera o selecție riguroasă, eliminând pe cât posibil structurile mai ample, care contravin principiului economiei de mijloace lingvistice, și, cu atât mai mult, pe cele care se dovedesc a fi și redundante semantic, premisa logică de la care se pornește este că sintagmele verbale funcționale conțin, cel puțin, un sem specific – perceptibil uneori doar la nivelul structurii profunde –, și care justifică perenitatea acestor structuri di-, tri- sau chiar tetralexematice¹ de-a lungul secolelor.

Cuvinte-cheie: relații macrosistemice, abordare contrastivă, sintagme verbale funcționale, verbe-substitut, sinonimie absolută.

1. Alternative aspectuale

Spre deosebire de substitutul verbal, care, cel mai adesea, necesită una, două, sau chiar o serie întregă de compliniri lexematice pentru redarea unui anumit tip aspectual lexical (numit și „Aktionsart”), sintagma verbală funcțională se dovedește, nu de puține ori, mijlocul de exprimare mai economic pe care vorbitorul îl are la dispoziție, așa cum ne-o demonstrează următoarele exemple:

Rom.: *a restabili ordinea* = a face să fie din nou *în ordine*,

Germ.: *zum Lachen bringen* = verursachen, dass X zu *lachen* anfängt,

Engl.: *fall out of love* = not *love* any more.

Din pletora de tipuri aspectuale pe care sintagmele verbale funcționale le pot reflecta, cel mai bine reprezentate sunt cel transformativ – cu subtipurile ingresiv (sau 'incoativ') și egresiv (sau 'concluziv') și imperfectiv – cu subtipurile durativ și iterativ, precum și tipurile mixte rezultate prin combinarea fiecăruia dintre primele două cu aspectul cauzativ. Exemplificăm mai jos folosind sintagme verbale funcționale din toate cele cinci limbi analizate, însoțite de descrierea semantică în paranteză: (1) *a ajunge la un acord* [+ egresiv], *a intra în acțiune* [+ ingresiv], *a pune la arest* [+ ingresiv, + cauzativ], *a ține în arest* [+ durativ, + cauzativ], *a retrage din circulație* [+ egresiv, + cauzativ], *a fi în uz* [+ durativ]; (2) *in Angst versetzen* [+ ingresiv, + cauzativ], *in Bewegung sein* [+ durativ], *in den Besitz kommen* [+ ingresiv], *außer Betrieb setzen* [+ egresiv, + cauzativ], *außer Gebrauch kommen* [+ egresiv], *in Haft halten* [+ durativ, + cauzativ]; (3) *get into an argument* [+ingresiv], *bring to public attention* [+ ingresiv,+ cauzativ], *be in blossom* [+

durativ], *keep in check* [+ durativ, + cauzativ], *fall into disuse* [+egresiv], *bring to an end* [+ egresiv,+ cauzativ]; (4) *venire al mondo* [+ ingresiv], *arrivare a una conclusione* [+ egresiv], *portare a termine* [+ egresiv,+ cauzativ], *tenere in deposito* [+ durativ,+ cauzativ], *mettere in carica* [+ ingresiv,+ cauzativ], *stare di guardia* [+ durativ]; (5) *entrar en sospechas* [+ ingresiv], *estar en asecho* [+ durativ], *sacar fuera de servicio* [+ egresiv, + cauzativ], *poner en funcionamiento* [+ ingresiv, + cauzativ], *salir del combate* [+ egresiv], *tener in jaque* [+ durativ, + cauzativ].

Diferențele aspectuale între sintagma verbală funcțională și substitutul verbal monolexematic apar cel mai pregnant în zona verbelor durative de tipul *a circula, a discuta, a funcționa, a se mișca, a poseda, a răbda, a se teme, a uzita*, față de care sintagmele verbale funcționale reprezintă variante îmbogățite semantic prin nuanțele aspectuale [+ ingresiv] sau [+ egresiv] exprimate: *a intra/pune în circulație/discuție/funcțiune/uz, a scoate/a ieși din răbdări, a-și pierde răbdarea, a intra/băga frica/teamă în*.

Unele sintagme verbale care includ substantive cu funcție semipartitivă pot reda nuanțe aspectuale perfective, mai precis punctuale. Astfel, dacă verbele-substitut *a geme, a ofta, a striga* aparțin de regulă subtipului iterativ al imperfectivului, sintagmele verbale funcționale *a scoate un geamăt/oftat/strigăt* exprimă acțiuni care se petrec o singură dată (cf și germ: *einen Schrei/Seufzer ausstoßen*; engl.: *utter a cry, give a groan, heave a sigh*; it.: *cacciare un sospiro, levare un grido*; sp.: *soltar un grito/quejido, lanzar un suspiro*).

În aceeași zonă semantică, se înscriu și *a lua o gură/înghițitură, a trage o dușcă* (cf. și germ.: *einen Schluck nehmen/tun*, engl.: *have /take a sip/gulp, take a mouthful, prendere una sorsata*, sp.: *tomar un sorbo/buche, echar/apurar/tomar un trago*).

Dacă sintagmele verbale funcționale de felul celor enumerate mai sus au valoare diminutivală, întrucât se referă doar la un anumit moment dintr-o secvență temporală, altele, deși construite pe același tipar verbal, sunt folosite ca variante diafazice augmentative, de ex. *a trage o bătaie/o beție/un bocet/un chef/un somn* (cf. germ.: *jdm Prügel austeilten/verabreichen, ein Gelage/eine Zecherei veranstalten, (Weh)Klagen ausstoßen*; engl.: *give s.o. a beating/dusting/licking/spanking/thrashing, go out on the booze, go on the drinking spree, have a weep/wail, take one's rest*; it.: *fare una sbornia, prendere a bastonate, prendere un sonno*; sp.: *darle/propinarle (a uno) una paliza/tunda/zurra, pillar/pescar una borrachera, correr(se) una juerga, echar un sueño*).

Pe o treaptă stilistică superioară se situează sintagmele verbale funcționale cu o structură complexă precum *a trage un pui de somn* [= a dormi puțin] și *a trage o mamă de bătaie* [= a bate zdravăn], unde substantivele *pui* și *mamă* dețin, pe lângă funcția partitivă, și pe cea diminutivală, respectiv augmentativă (cf. și germ.: *ein Schläfchen halten/machen, jdm eine (gehörige/ordentliche/tüchtige) Tracht Prügel aufmessen/verabreichen*; engl.:

have a nice little snooze, give s.o. a good spanking; it.: *schiacciare un pisolino/sonnellino*; sp.: *echar un sueñecito, dar una buena/menuda paliza, dar/pegar/propinar/sacudir una zurra*).

În finalul secțiunii, vom discuta o altă situație paradoxală, în care verbul funcțional deține semul aspectual opus celui al sintagmei verbale funcționale în ansamblu, și, implicit, al substitutului verbal monolexematic sau al parafrazei care îl include pe acesta din urmă. Să analizăm, de pildă, sintagmele *a-și ieși din minți* și *a-și ieși din răbdări*, unde, prin analogie cu exemple precum *a ieși din funcțiune/uz* [=a NU mai *funcționa*/fi *utilizat*/*a înceta* să mai *funcționeze*/fie *utilizat*], ne-am aștepta ca sintagma în ansamblul său să fie purtătoarea aceluiași sem aspectual cu al verbului funcțional, recte cel egresiv. Substitutele verbale mono- și, respectiv, dilexematice ale celor două construcții – *a înnebuni* și *a se enerva* – indică însă tocmai contrariul, și anume faptul că sunt posesoare ale unor seme ingresive². Sintagma verbală funcțională din engleză *fall into disuse* [= NOT to be *used* anymore] ilustrează un paradox similar, doar cu o dinamică macrosistemică inversată, generată de opoziția semantică dintre componenta nominală și verbul-substituit. Altfel spus, verbul funcțional împreună cu prepoziția indică ingresivitate, pe când parafraza sensului sintagmei trimite clar spre o interpretare egresivă. De data aceasta, consonanțele se stabilesc cu două dintre limbile romanice analizate, italiana și spaniola (cf. it.: *cadere in disuso*, sp.: *caer/entrar en desuso*), în timp ce a treia limbă romanică, româna, și cealaltă limbă germanică, germana, preferă să se supună unei logici mai riguroase, și, în consecință, să facă opinie separată³ (cf. rom.: *a ieși din uz*, germ.: *aufßer Gebrauch kommen*).

2. Reorganizarea structurii sintactice și modalizarea enunțului

Cel mai frecvent tip de alternanță sub raportul diatezei între sintagma verbală funcțională și verbul-substituit este cel *activ-pasiv*. Mai precis, deși verbul funcțional din sintagmă este în structura superficială la diateza activă, sensul sintagmei, în structura de profunzime, este pasiv, și, prin urmare, echivalarea semantică se poate face doar printr-o construcție pasivă a verbului-substituit. Este motivul pentru care am numit acest subtip oarecum camuflat al categoriei gramaticale în discuție, pasiv "implicit" sau "semantic"⁴. Exemplele de mai jos sunt edificatoare în acest sens: (1) în română: *a fi în discuție* = a fi discutat, *a cădea în dizgrație* = a fi dizgrațiat, *a sta la expoziție* = a fi expus, *a-și găsi expresia* = a fi exprimat, *a fi în fabricație* = a fi fabricat, *a se bucura de respect* = a fi respectat, *a ajunge/ a se face de rușine* = a fi rușinat, *a fi sub supraveghere* = a fi supravegheat, *a merge la tipar* = a fi tipărit, *a cădea în uitare* = a fi uitat, *a fi în uz* = a fi uzitat/folosit, *a fi la vedere* = a fi văzut; (2) în germană: *zur Abstimmung kommen, zur Anwendung gelangen, zur Aufführung kommen, Beachtung finden, in Betracht kommen, in Gebrauch sein, in Herstellung sein, eine Schädigung erleiden, in Umlauf sein, eine Veränderung*

erfahren/erleiden, eine Verbesserung erleiden, in Vergessenheit geraten; (3) în engleză: *come under attack, undergo a change, get into circulation, come under consideration, suffer a damage, undergo an improvement, fall into oblivion, be in production, be in use, come to a vote*; (4) în italiană: *andare in onda, andare in scena*; (5) în spaniolă: *gozar de respeto, estar bajo vigilancia, caer en el olvido*.

Unele dintre verbele-substitut ale sintagmelor verbale funcționale românești enumerate mai sus pot fi întrebuințate și la reflexivul impersonal (cf. *a se discuta, a se fabrica, a se folosi, a se tipări, a se vedea*).

O serie de alte perechi ilustrează opoziția *activ vs reflexiv* propriu-zis, de exemplu *a cădea în desuetudine* = a se învechi, *a cădea în ruină* = a se ruina, *a avea încredere* = a se încrede, *a ieși la pensie* = a se pensiona (v. și germ.: *zur Deckung kommen, seinen Niederschlag finden*; I *giungere a maturità*; S *caer en desuso, entrar en uso, batir en retirada*).

În afara diferențelor prezentate mai sus în această secțiune, unele sintagme verbale funcționale pot încorpora și seme ale modalității, care nu se regăsesc în verbele-substitut corespunzătoare. Așa, de exemplu, parafraza cea mai fidelă a sintagmei *a fi de vânzare* este "*care poate fi vândut/ă*" – sau, după logica unui receptor interesat al enunțului: "*care poate fi cumpărat*" (cf. germ.: *zum Verkauf stehen*, engl.: *be for/ on sale*, it.: *essere in vendita*, sp.: *estar a la/ de/ en venta*). Amalgamarea nuanței modale cu pasivul implicit apare și în sintagme cu verbe funcționale marginale, întrebuințate cu precădere în stilul elevat, precum *a necesita o explicație* [= *a trebui să fie explicat*] (cf. germ.: *einer Erklärung bedürfen*, engl.: *require an explanation*, it.: *esigere/necessitare una spiegazione/ un chiarimento*, sp.: *necesitar explicaciones*).

Un caz nu mai puțin interesant, în care subiectul gramatical al sintagmelor verbale funcționale modale devine obiectul/complementul prepozițional al verbului substituit, îl constituie exemplul *a fi la dispoziția (cuiva)* [= *a putea dispune (de)*] (cf. germ.: *(jdm) zur Verfügung stehen*, engl.: *be at s.o's disposal*, it.: *essere a disposizione di q/c*, sp.: *estar a disposición (de alguien)*).

3. Modificarea valenței sintactice

Dată fiind relativa fosilizare semantică a sintagmelor verbale funcționale, putem vorbi de stabilirea unor dependențe sintactice doar în exteriorul său. Prin raportarea la valența sintactică a verbului-substitut, aceste construcții verbale pot fi subcategorizate în trei grupe distincte:

- a) sintagme verbale funcționale, echivalente sintactic cu verbul-substitut (SVF $\equiv$ VS), cum sunt: *a intra în acțiune* - a acționa, *a-și găsi adăpost* - a se adăposti, *a veni în ajutorul* - a ajuta⁵, *a pune în aplicare* - a aplica, *a se lua la ceartă* - a se certa, *a ajunge la o concluzie* - a concluziona/conchide, *a fi în circulație* - a circula, *a pune în mișcare* - a mișca. În cazul acestor sintagme, perenitatea lor se justifică prin intervenția altor tipuri de

diferențe, investigate în secțiunile precedente sau următoare, respectiv cele aspectuale, diafazice sau de focalizare în cadrul enunțului.

- b) sintagme verbale funcționale care ridică valența verbului-substituit (SVF>VS), de tipul: **a pune în circulație** > a circula, **a scoate din circulație** > a circula, **a pune în funcțiune** > a funcționa, **a da speranțe** (cuiva) > a spera.
- c) sintagme verbale funcționale care coboară valența verbului-substituit (numite și „recesive”) (SVF<VS), precum: **a crea confuzie** < a confuziona, **a fi în cunoștință (de cauză)** < a cunoaște, **a ieși în relief** < a reliefa, **a fi sub/merge la tipar** < a tipări, **a cădea în uitare** < a uita, **a intra în uz** < a uzita, **a fi în fabricație** < a fabrica, **a fi/ieși la vedere** < a vedea, **a prinde curaj** < a (se) încuraja, **a face curățenie** < a curăța.

4. Schimbarea perspectivei de focalizare în cadrul enunțului

Sintagmele verbale funcționale suint adesea utilizate ca mărci lingvistice ale focalizării componentei substantivale. Forța rematică rezidă tocmai în faptul că elementul nominal funcțional este, în majoritatea covârșitoare a cazurilor, purtătorul semelor de bază ale verbului substituit⁶, și e amplificată de complinirile pe care cel dintâi le poate primi sub forma determinativelor adjectivale⁷. A se compara în această privință „Îl trimite la **moarte sigură**” vs „**Cu siguranță** va muri”, „A căzut într-un **somn adânc**” vs „A adormit **profund**”, „Din păcate, mi-a dat **false speranțe**” vs „Am sperat, din păcate, **în van**”.

În enunțurile în care apare verbul-substituit, accentul emfatic cade doar pe complementul circumstanțial (**cu siguranță, profund, în van**), pe când în cele cu sintagme verbale funcționale, acesta scoate în evidență și cea mai importantă parte a segmentului informațional (**moarte sigură, somn adânc, false speranțe**).

Mai mult, perifriza nominală permite fără dificultate inițierea unei strategii sintactice prin care elementul nominal este dislocat din poziția sa normală postverbală și plasat emfatic la începutul enunțului, de exemplu: „Stupide întrebări mai **pui!**” vs „Prostește mai **întrebil(?)!**”⁸

Schimbarea perspectivei de focalizare în enunțurile care includ sintagme verbale funcționale depinde în mod direct de stabilitatea lor morfologică și coeziunea semantică. Prin urmare, orice scindare nepermisă a perifrazelor nominale de acest tip vectorizează rematizarea în sens invers, rezultatul nefast fiind că accentul se deplasează pe verbul funcțional, atenuat semantic, și deci fără importanță informațională. Cu cât segmentul disruptiv este mai lung, cu atât mai mare e și tendința auditorului/cititorului de a descompune sintagma semantic și morfologic, așa cum indică fără dubiu și exemplele de mai jos: „A **cedat** într-un final, dar numai după îndelungate rugăminți și insistențe din partea tuturor celor prezenți, **tentației**”.

5. Variații diafazice

Precizând de la bun început că spațiul restrâns al acestei secțiuni nu ne permite să intrăm în detalii de mare finețe, ne vom limita la ilustrarea deviațiilor stilistice în cele două sensuri de bază: de la stilul informal la cel formal și invers.

În genere, sintagmele verbale funcționale care au, în componența lor, verbe funcționale centrale și substantive ce îndeplinesc simultan condițiile de a face parte din fondul principal lexical și de a se situa în primele două treimi pe o scară imaginară a abstractivității, aparțin de obicei stilului mai puțin formal, ca de exemplu: *a pune capăt*, *a se lua la ceartă*, *a da dovadă (de)*, *a da foc*, *a-i fi frică*, *a o lua la fugă*, *a sta pe gânduri*, *a-și face griji*, *a avea încredere*, *a lua locul*, *a ține minte*, *a face parte (din)*, *a face de rușine*, *a da de veste*, *a da vina pe*.

Unele dintre exemplele de mai sus ilustrează deviația stilistică de la registrul formal al verbului-substituit la cel informal al sintagmei verbale funcționale: *a da foc* - a incendia, *a ține minte* - a memora, *a face parte (din)* - a aparține, *a trage la răspundere* - a responsabiliza, *a da de veste* - a înștiința/informa⁹, *a da vina (pe)* - a învinovăți/acuza.

Celălalt tip de alternanță stilistică este reprezentat cu precădere de sintagme formate din verbe marginale și substantive plasate în intervalul celor două treimi superioare pe aceeași scară imaginară a abstractivității, și care nu fac parte din fondul principal lexical, în special neologisme, sau de sintagme verbale funcționale aparținând unei subclase mixte obținută prin amalgamarea primelor două categorii. Exemplele de mai jos ilustrează toate cele trei categorii: *a ajunge la un acord* - a se înțelege, *a supune unei analize* - a analiza, *a-și exprima dorința* - a dori, *a-și găsi expresia* - a (fi) exprima(t), *a ceda ispitei* - a se lăsa ispitit, *a exercita influență (asupra)* - a influența, *a reîmprospăta memoria* - a reaminti, *a (i se) șterge din memorie* - a uita/face să uite, *a-și găsi moartea* - a muri, *a comite un omor* - a omori, *a acorda permisiunea* - a permite, *a nutri respect/speranță/ură* - a respecta/spera/urî, *a cruța viața* - a nu omori/ucide, *a plăti cu viața* - a muri, *a readuce la viață* - a (re)învia.

Trebuie remarcat aici că sintagmele verbale funcționale *a plăti cu/ a-și pierde viața*, pe lângă faptul că aparțin stilului elevat, au și o valoare eufemistică suplimentară în raport cu verbul substituit. Un alt paradox îl constituie semele definitorii opuse ale celor doi protagoniști semantici: [+viu], în cazul elementului nominal funcțional *viață*, și [-viu], în cazul verbului substituit *a muri*¹⁰.

Există și variante diastratice ale construcțiilor verbale în discuție, cum sunt, de pildă, cele hiperspecializate ale sintagmei verbale funcționale *a da în judecată*: *a acționa în/cita la judecată*, *a chema/traduce în fața justiției*, *a traduce în instanță*, a căror utilizare este limitată exclusiv la jargonul juridic (cf. germ.: *eine gerichtliche Untersuchung gegen jdn verlangen*, *ein Verfahren gegen jdn einleiten/eröffnen*; engl.: *bring to justice/trial*, *take (s.o.) to court*, *put on trial*; it.: *chiamare in giustizia*; sp.: *llevar/someter a juicio*, *demandar/pedir juicio*).

6. Sintagma verbală funcțională cu unic semnificant lingvistic

Argumentul forte care explică perenitatea sintagmelor verbale funcționale este absența unui mono- sau dilexem verbal cvasiechivalent semantic.

Cel expus mai sus este cazul extrem pe care îl vom discuta în finalul acestei secțiuni. O serie de sintagme verbale funcționale au ca substitut un dilexem verbal – majoritatea sub forma verbelor reflexive –, sau o secvență dilexematică alcătuită dintr-un verb copulativ (*a fi/deveni/rămâne/face*) și un nume predicativ, exprimat, de obicei, printr-un adjectiv propriu-zis sau un participiu, cu alte cuvinte, printr-un predicat nominal. Așa sunt, de exemplu: *a face curățenie (în X)* - a face (X) curat/ă, *a purta doliu* - a fi îndoliat, *a fi în floare* - a fi înflorit, *a căpăta importanță* - a deveni important, *a ajunge la majorat* - a deveni major, *a avea/da prioritate* - a fi/face sa fie¹¹ prioritar, *a intra/rămâne în vigoare* - a deveni/ramâne valabil.

Aproape toate sintagmele enumerate sunt preferate de vorbitori în detrimentul substitutelor dilexematice. Aceeași atitudine preferențială manifestă vorbitorii și față de sintagmele verbale funcționale cu substitut verbal monolexematic precum *a-și ține răsuflarea/respirația* – în cazul cărora *a nu mai răsufla/respira* se folosesc de regulă doar ca purtători ai semului [+ involuntar], cu implicația că subiectul în cauză a trecut în lumea dreptilor –, sau *a da în spic* – unde *a înspica* aparține stilului popular (cf. și germ.: *in Ähren schießen* vs *sich ähren* (pop.), engl.: *shoot into/put forth ears* vs *to ear* (livr.), *mettere la spiga/far la spiga* vs *spigare*, sp.: *echar espigas* vs *espigar* (livr.)).

În cazul altor sintagme verbale funcționale, echivalarea se poate realiza doar intrasistemic, adică tot în interiorul sistemului de perifraze nominale. Astfel, pentru *a-și face efectul*¹² DEX-ul inserează următoarele parafraze: „a da un anumit rezultat, a avea consecința scontată”.

În fine, dar nu în ultimul rând, există unele sintagme verbale funcționale care dețin supremația absolută, pentru simplul fapt că sunt semnificanți unici ai sensului respectiv. Așa, de exemplu, sintagme precum *a face focul* (în germ.: *Feuer machen*, în engl.: *make a fire*, *accendere il fuoco*, în sp.: *hacer (el) fuego* – într-una dintre accepții), *a face zgomot* (cf. Engl.: *make a/(so) much noise*, it.: *fare rumore*, sp.: *hacer ruido*, dar germ.: *Lärm machen* =lärmen), sau *catch a cold* din engleză (cf. și it. *prendere un raffreddore/un' infreddatura*¹³).

Având în vedere cele expuse mai sus, ca și, de altfel, în întreaga lucrare, putem conchide că, departe de a fi exponente ale unui stil nominal căzut în desuetudine sau ale unei exprimări prolixă – așa cum au opinat, în secolul trecut, o serie de partizani înfocați ai stilului verbal¹⁴ –, sintagmele verbale funcționale oferă, atunci când sunt folosite cu moderație, alternative viabile de dinamizare și reconfigurare informațională a discursului, la care un orator sau scriitor talentat nu se sfiește să recurgă pentru a seduce

iremediabil auditorii, respectiv cititorii avizați și din ce în ce mai exigenți ai zilelor noastre.

Note

¹Avem în vedere aici sintagme verbale funcționale cu prepoziții postnominale (v. Măciucă, 2005, p. 42-56).

²A se vedea analiza detaliată a exemplelor în Măciucă, 2005, p. 67, unde autoarea propune denumirea de aspect “tranzitiv” pentru asemenea cazuri.

³În realitate, poziția limbilor engleză, italiană și spaniolă e divergentă numai în ceea ce privește primul caz descris, cu diagrame vectoriale diametral opuse, pentru că și aceste limbi au în arsenalul lor sintagme verbale funcționale care își mențin nealterată relația logică cu verbul-substitut: *E go out of use, cadere dall’ uso, S caer/salir fuera de uso*.

⁴vezi Măciucă, 2005, p. 68.

⁵Avem în vedere aici doar satisfacerea aceluiași tip de valență (de ex. intransitiv-intransitiv, monotransitiv-monotransitiv, ditransitiv-ditransitiv etc.), și nu echivalarea la nivelul sintaxei intime, care presupune și tipuri identice de obiect/complement.

⁶vezi detalii despre teoria propoziției din perspectivă funcțională în Halliday, 2004.

⁷Este bine cunoscut potențialul substantivului de a atrage determinative care redau mai expresiv sensurile de specificitate, cuantificare și calitate în comparație cu verbul.

⁸Facem din nou observația că varianta aceasta e mult mai puțin probabilă decât următoarea: „*Întrebi* chiar prosteste!”

⁹A *vesti* este din ce în ce mai mult utilizat cu tentă arhaică sau limitat semantic la accepția specifică limbajului religios.

¹⁰Correspondentul semantic reprezentat de varianta negată a verbului *a trăi* este unul pur teoretic, în acest caz, pragmatica recomandându-l doar pentru echivalarea sintagmei verbale funcționale *a (nu mai) fi în viață* [=a (nu mai) trăi].

¹¹În ciuda structurii superficiale trilexematice a parafrizei – excluzând mărcile infinitivului și conjunctivului – *a face* aici are doar rolul de a indica aspectul cauzativ.

¹²DEX, 1998, p. 331.

¹³În italiană, se folosește frecvent și verbul *raffreddarsi* cu această accepție, dar, spre deosebire de cele două sintagme, primul are și un sens figurat.

¹⁴vezi von Polenz, 1963, Schneider, 1959, Faulseit, 1972.

Referințe bibliografice

A. Bibliografie primară

ANUȚEI, Mihai. *Dicționar român-german*, București: Lucman, 2000 [=Anuței, 2000].

ADAMEȘTEANU, Mariana, POPESCU, Geta, SUHAN, Mihaela. *Dicționar italian-român*. București: Corint, 2007 [=Adameșteanu *et alii*, 2007a].

ADAMEȘTEANU, Mariana, TĂNASE, Ileana, SUHAN, Mihaela. *Dicționar român-italian*. București: Corint, 2007 [=Adameșteanu *et alii*, 2007b].

CONDREA DERER, Doina (coord.). *Dicționar român-italian/Dizionario romeno-italiano*, București: Editura 100+1 GRAMAR, 2001 [=Condrea Derer, 2001].

COTEANU, I., SECHE, L., SECHE, M. (coord.). *Dicționar explicativ al limbii române*. București: Univers Enciclopedic, 1998 [=Coteanu et alii, 1998].

LEVIȚCHI, Leon, BANTAȘ, Andrei, NICOLESCU, Adrian. *Dicționar englez-român*. București: Editura Academiei, 1974 [=Levițchi et alii, 1974].

LEVIȚCHI, Leon. *Dicționar român-englez*. București: Editura Științifică, 1973 [=Levițchi, 1973].

SAMHARADZE, Zaira, CALCIU, Alexandru. *Dicționar spaniol-român*. București: Univers Enciclopedic, 2005 [=Samharadze et alii, 2005].

SAMHARADZE, Zaira, CALCIU, Alexandru. *Dicționar român-spaniol*. București: Univers Enciclopedic Gold, 2009 [=Samharadze et alii, 2009].

SAVIN, Emilia, LĂZĂRESCU, Ioan, ȚÂNȚU, Katharina. *Dicționar german-român*. București: Editura Științifică și Enciclopedică, 1986 [=Savin et alii, 1986].

STĂNCIULESCU-CUZA, Mariana, GHERMAN, Haritina, LĂZĂRESCU, George. *Dicționar italian-român/Dizionario italiano-romeno*. București: Editura 100+1 GRAMAR, 1996 [=Stănciulescu-Cuza et alii, 1996].

WEIS, Erich. *Handwörterbuch I Englisch-Deutsch*. Stuttgart: Ernst Klett, 1980 [=Weis, 1980].

WEIS, Erwin, WEIS, Erich. *Handwörterbuch II Deutsch-Englisch*. Stuttgart: Ernst Klett, 1982 [=Weis et alii, 1982].

B. Bibliografie secundară

BOLINGER, D. *The Phrasal Verb in English*. Cambridge, MASS: Harvard University Press, 1971 [=Bolinger, 1971].

CURME, G. O. *A Grammar of the English Language*. London: New York, 1931 [=Curme, 1931].

DIRVEN, R., RADDEN, G. *Semantische Syntax des Englischen* //Schwerpunkte Linguistik und Kommunikationswissenschaft, 13. Wiesbaden, 1977 [=Dirven et alii, 1977].

DIXON, R. M. W. *A New Approach to English Grammar, on Semantic Principles*. New York: Oxford University Press, 1992 [=Dixon, 1992].

ENGELEN, B. *Zum System der Funktionsverbgefüge* //WW5, 1968. P. 289-303 [=Engelen, 1968].

FAULSEIT, D. *Gutes und schlechtes Deutsch*. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1972 [=Faulseit, 1972].

GUILBERT, L. *La créativité lexicale*. Paris: Larousse, 1975 [=Guilbert, 1975].

HALLIDAY, M. A. K. *An Introduction to Functional Grammar* (3rd edn, revised by C. M. I.M. Matthiessen). London: Arnold, 2004 [=Halliday, 2004].

HEIDOLPH, K. E., FLÄMIG, W., MOTSCH, W. (ed.). *Grundzüge einer deutschen Grammatik*. Berlin, 1981 [=Heidolph et alii, 1981].

KÖNIG, E. *Englische Syntax 2: Struktur des einfachen Satzes*. Frankfurt a. M., 1973 [=König, 1973].

MARTÍN MINGORANCE, L. *Las unidades sintagmáticas verbales en inglés y en español. Metodología de análisis // Actas del I Congreso Nacional de Lingüística Aplicada. Tendencias actuales en las aplicaciones de la lingüística*. Madrid: SGEL, 1983. P. 211-220 [=Martín Mingorance, 1983].

MĂCIUCĂ, G. *Valori semantice și stilistice ale verbului în limbile română, engleză și germană. Consonanțe și disonanțe*. Iași: Universitas XXI, 2005 [=Măciucă, 2005].

NICKEL, G. *Complex verbal structures in English*. London, 1968 [=Nickel, 1968].

PALMER, F. R. *The English Verb*. Second Edition. London: Longman, 1987 [=Palmer, 1987].

PISOT, R., MAHALU, L., TEODOROVICI, C. *Dictionar spaniol-român de expresii și locuțiuni*. Iași: Polirom, 2002 [=Pisot et alii, 2002].

POLENZ von, P. *Funktionsverben im heutigen Deutsch*. Sprache in der rationalisierten Welt. Beihefte zur Zeitschrift „Wirkendes Wort” 5. Düsseldorf, Schwann: Pädagogischer Verlag, 1963 [=Polenz, 1963].

SCHNEIDER, W. *Stilistische deutsche Grammatik*. Freiburg: Herder, 1959 [=Schneider, 1959].

VERBUL PRONOMINAL: STRUCTURĂ ȘI CLASIFICARE

Adela NOVAC,

conferențiar universitar, doctor în filologie

(Universitatea de Stat „Alec Russo” din Bălți, Republica Moldova)

Abstract

Romanian pronominal verbs are verbs joined by the reflexive pronoun “se” or by personal ones “mă”, “te”, “ne”, “vă” in the Accusative case.

They are structures formed of two units: morpheme “se” and the derivative basis. Romanian pronominal verbs are a heterogeneous group and they behave differently. They are classified in: absolute verbs (“a se duce”, “a se mira”); relative verbs (“a deștepta”/“a se deștepta”; “a îngălbeni”/“a se îngălbeni”) and free verbs (“a se cunoaște”, “a se convinge”).

Keywords: *pronominal verbs, absolute verbs, relative verbs, free verbs.*

Rezumat

Verbele pronominale sunt verbele însoțite de pronumele reflexiv „se” sau de cel personal „mă”, „te”, „ne”, „vă” la cazul Acuzativ.

Ele sunt structuri bimembre: morfemul „se” combinându-se cu o bază derivativă. Verbele pronominale sunt o clasă eterogenă, cu un comportament diferit. Ele se clasifică în: verbe absolute („a se duce”, „a se mira”); verbe relative („a deștepta”/“a se deștepta”; a „îngălbeni”/“a se îngălbeni”) și verbe libere („a se cunoaște”, „a se convinge”).

Cuvinte-cheie: *verbe pronominale, verbe absolute, verbe relative, verbe libere.*

Pe parcursul ultimelor decenii, problema verbelor pronominale sau așa-numitelor verbe reflexive a fost și rămâne obiect al discuțiilor dintre lingviști. În literatura românească de specialitate, tratarea verbelor pronominale diferă de la autor la autor.

Astfel, Gramatica Academiei consideră că verbele pronominale sunt verbele „întotdeauna însoțite de pronume reflexiv în acuzativ sau în dativ”, precizând, totodată, că puține dintre aceste verbe au „conținut specific, distinct de al diatezelor activă și pasivă”¹. Similar sunt definite verbele pronominale și în „Limba moldovenească literară contemporană. Morfologia”: diateza reflexivă se construiește cu ajutorul pronumelor reflexive la cazul dativ și acuzativ². Acest punct de vedere, cu mici deosebiri, este exprimat în majoritatea studiilor de gramatică, manualelor, articolelor³.

I. Iordan, referindu-se la pronumele reflexive, cu ajutorul cărora se constituie diateza reflexivă, menționează că „verbele cu pronume în dativ nu sunt adevărate reflexive, din punct de vedere al conținutului (*îmi, îți*, etc.), nu arată asupra cui se îndreaptă acțiunea efectuată de verb, ci arată interesarea personală a subiectului la săvârșirea ei”⁴.

În același timp, autorul susține că elementul aton *se* îndeplinește funcția de complement direct, drept dovadă fiind invocat faptul că el poate fi dublat în structura tuturor verbelor pronominale prin forma tonă a pronumelui reflexiv (*pe sine*): *a se îmbrăca* „a îmbrăca pe sine însuși”; *a se spăla* „a spăla pe sine însuși” etc.⁵.

Această interpretare a verbelor pronominale necesită unele precizări, deoarece *se*, alipindu-se verbului, ca morfem derivativ, îl detranzitivează, concentrând acțiunea în zona subiectului și creându-i astfel autonomie intransitivă, fapt ce nu permite crearea, pe baza lui, a logoformelor diateziale, ci numai a unor unități lexicale diferite: *a uita* „a pierde din memorie”/ *a se uita* „a privi”, *a destrăma* „a desface”/ *a se destrăma* „a se zdrențui”, *a lăsa* „a abandona”/ *a se lăsa* „a cădea” etc. Se poate lesne observa că „pronumele reflexiv în acuzativ, reprezentând aceeași persoană gramaticală cu subiectul, nu indică un raport gramatical reflexiv și nu putem vorbi de diateza reflexivă, ci de verbe pronominale”⁶. Această idee e relevantă și de alți lingviști. Astfel, E. Teodorescu constată că „opoziția dintre *a se uita* și *a uita*, *a se pleca* și *a pleca* nu este o opoziție dintre sensuri gramaticale exprimate de unul și același cuvânt, ci o opoziție între cuvinte”⁷ și că, în cazul acestor construcții pronominale, „avem a face cu o clasă de verbe al căror semn distinctiv fiind un pronume le-am putea numi pronominale”⁸.

Cu referire la problema în discuție, vom menționa că verbele pronominale sunt structuri lexicale bimembre, alcătuite din morfemul *se* și baza derivativă (ex.: *a se duce*, *a se grăbi*, *a se consola* etc.).

În limba română, pronumele *se* participă la constituirea formelor pronominale: pasivul pronominal și impersonalul pronominal, și la formarea verbelor pronominale.

Cercetătorii au încercat să găsească o denumire adecvată acestui afix, ce ar reflecta, într-o oarecare măsură, dublul lui statut, dar, din păcate, n-a fost găsită o soluție general acceptată.

Astfel, S. Stati consideră că pronumele reflexiv *se*, pentru limba română, este un determinant obligatoriu, susținând, totodată, că „determinant obligatoriu poate fi și pronumele în funcție de complement direct sau indirect, obligatoriu reluat sau anticipat”⁹. În viziunea lui Gh. Cincilei, *se* este un prefix analitic. „Funcția prefixului analitic *se*, menționează cercetătorul, este exprimată mai evident atunci, când derivatul intră în relație cu un nepronominal: *a se adresa/a adresa*”¹⁰. Ținând cont că el alternează în paradigma derivatului pronominal cu alte forme de pronume atone (*mă*, *te*, *ne*, *vă*), putem admite, cu unele rezerve, că *se* este un morfem prefixal. În legătură cu problema în discuție, am putea invoca observațiile prof. E. Coșeriu privind funcția de modificador a unor prefixe care generează noi forme gramaticale, cărora le corespund noi sensuri gramaticale, și nu lexicale (citată după)¹¹. Același comportament îl are și morfemul *se* în calitate de „prefix”.

Astfel, *se* apare cu rol de „prefix” modificador în structura formelor pronominale ale pasivului (de tipul: *casa se construiește*) și ale impersonalului (de tipul: *se petrece la nunți*).

În aceeași ordine de idei, D. Irimia susține că „în sintagma verbelor pronominale, pronumele reflexiv este un „modificator” al sensului lexical sau al planului semantic general în legătură cu dezvoltarea unei componente afective”¹².

În calitate de „modificator” lexical, formantul *se*, atașându-se verbului, formează cu acesta un tot unic, modificându-i sensul. Cercetătoarea M. Rădulescu-Mendea menționează că „forma activă funcționează ca o formă paralelă (nu conține o informație semantică diferită de cea a reflexivului): *a jura/a se jura, a gândi/a se gândi, a ruga/a se ruga*”¹³. Sunt însă mai multe situații când *se* contribuie la formarea de noi lexeme: (*a duce/a se duce, a întoarce/a se întoarce, a uita/a se uita, a obliga/a se obliga, a găsi/a se găsi*), ele fiind prezentate în unele dicționare, ca lexeme aparte, independente, cu statut lexical propriu¹⁴.

Al doilea component al verbului pronominal este baza derivativă. Baza derivativă a verbului pronominal e acea unitate semantică de la care, prin atașarea morfemului *se*, obținem unități lexicale noi. Baza derivativă a unui verb pronominal poate fi exprimată prin diferite părți de vorbire: *verbe, adverbe, substantive, adjective, pronume* sau *interjecții*. Reiese că verbele pronominale pot fi puse în relație atât cu un verb, cât și cu un nume: *a se duce > a duce* (verb), *a se rățoi > rățoi* (subst.), *a se covrigi > covrig* (subst.), *a se lenoși > lenos* (adj.), *a se contra > contra* (adv.), *a se tutui > tu* (pron.), *a se văieta > vai* (interj.) etc.

Unii lingviști includ în structura bazei lexicale a verbelor pronominale și elementul derivativ *se*. Altfel zis, elementul derivativ *se* participă în mod diferit la formarea verbelor pronominale absolute și a celor relative.

Cât privește verbele pronominale absolute (*a se căi, a se fiili, a se rățoi* etc.), elementul derivativ *se* este parte componentă a bazei lexicale, deoarece nu există o atare formă a bazei în paradigma formelor personale ale verbului în care ar lipsi elementul pronominal. Fără acest pronume verbul nu există (**a căi, *a fiili, *a rățoi* etc.). E evident faptul că, în atare situații, elementul derivativ *se* face corp comun cu verbul. Pe de altă parte, în structura verbelor pronominale relative (*a jura/a se jura, a împrumuta/a se împrumuta, a ruga/a se ruga* etc.), elementul derivativ *se* se atașează la o bază verbală omorizică, generând unități lexicale noi.

Seria cea mai bogată de baze apare la derivatele imediate, care au ca nucleu derivațional substantive, adjective și adverbe, mai rar pronume și interjecții: *a se aburi > abur* (subst.), *a se alătura > alături* (adv.), *a se fuduli > fudul* (adj.), *a se nimici > nimic* (pron.), *a se cucuriga > cucurigu* (interj.). Unele categorii de baze, cum ar fi pronumele, numeralele, adverbele și interjecțiile, sunt puține la număr, cele mai numeroase derivate fiind alcătuite de la baze verbale, substantivale și adjectivale.

Verbele pronominale, formate de la verbe, se prezintă ca unități lexicale autonome. Morfemul *se* ca element al structurii lor morfologice reface, în primul rând, sintaxa lor (format cu ajutorul morfemului *se*, verbul pronominal devine intransitiv, adică nu se îmbină cu obiectul direct, iar prin intermediul sintaxei, verbul pronominal exprimă o informație semantică adăugătoare).

Reiese că formantul reflexiv nu numai că determină unele schimbări în relațiile subiect-obiect ale unității verbale nou formate, dar și creează, în limbă, o noțiune nouă. Obținând un statut de lexem autonom, cu potențial semantic propriu, verbul pronominal nu are nevoie de condiții gramaticale pentru a-și păstra sensul său lexical, el nu e condiționat gramatical, și posedă paradigma întreagă.

Verbul pronominal, căpătând alte trăsături specifice decât baza sa derivativă, devine element al sistemului lexical și se caracterizează prin aceea că are sensul său propriu (sau chiar mai multe sensuri), intră în relații de sinonimie, poate crea omonimii (în dependență de context), poate exprima diverse nuanțe stilistice.

Se știe că verbul, ca unitate a vocabularului, cumulează seme lexicale și gramaticale, unitatea cărora și prognozează definiția lui. Semantica verbului reflectă „aptitudinea lui de a asigura structurarea semantico-sintactică a propoziției¹⁵ și de aceea fiecare verb reprezintă prin sine un potențial sintagmatic. Astfel, verbul pronominal, precum și orice verb intransitiv pierde semul obiectului și nu poate intra în relație cu un complement direct. Deosebirea principală dintre verbul pronominal derivat și motivatorul lui nepronominal constă în faptul că ultimul este tranzitiv și include în sine, concomitent, semul subiectului și semul obiectului.

Însăși recunoașterea faptului că verbele pronominale sunt intransitive (dar o asemenea mențiune însoțește toate verbele pronominale) este un indiciu al schimbării sensului lor la pierderea complementului direct.

E lesne de observat că verbele pronominale cu referenți verbali se formează adăugând omorizicului lor tranzitiv morfemul *se* (conform modelului derivativ *se* + verb).

Ca structuri analitice, verbele pronominale funcționează conform regulilor de derivare, datorită cărora sensul derivatului nu este o sumă a sensurilor elementelor componente, ci un sens nou¹⁶. Elementul derivativ, ce se conține, în mod obligatoriu, în componența verbului pronominal, substituie numele obiectului implicit din semantica acestui verb. *Se* poartă, de obicei, un caracter inclusiv: prin intermediul lui, în semantica verbelor pronominale se includ și semele corespondentului tranzitiv.

Clasa verbelor pronominale se completează și prin așa-numitele verbe pronominale cu referenți nominali, numite verbe denominative sau *reflexiva tantum*, ce apar în rezultatul derivării denominative.

Verbele denominative sunt formate pe baza altor părți de vorbire (substantive, adjective, adverbe etc.), fenomen cunoscut, de altfel, și de celelalte limbi romanice¹⁷ și neromanice¹⁸. De exemplu:

a) substantive: rom. **a se avânta** (< avânt), **a se cruci** (< cruce), fr. **se bidonner** „a se burduhăni“ (< bidon), **se gondoler** „a se îndoi, a se legăna“ (< gondole), **se refugier** „a se refugia, a se retrage“ (< refuge), **s'envoler** „a-și lua zborul, a decola“ (< vol); sp. **atenerse** „a se reține“ (< ateneo), **intruparsi** „a se îmbulzi“ (< truppa), **amontarse** „a se îngrămădi“ (< monte), it. **ricordarsi** „a-și aminti“ (< ricordata).

b) adjective: rom. **a se mândri** (< mândru), **a se frăgezi** (< fraged), **a se isteți** (< isteț); fr. **se fier** „a se încrede“ (< fier), **se rebeller** „a se răzvrăti, a se revolta“ (< rebelle), sp. **afanarse** „a se osteni, a se strădui“ (< afanaso); it. **azzitarsi** „a se calma“ (< zitto), **accomodarsi** „a se adapta“ (< accomodo).

c) adverbe: rom. **a se(in)contra** (< contra), **a se împotrivi** (< împotrivă); fr. **s'attarder** „a se întârzia“ (< tard); sp. **tardecerse** „a se însera“ (< tarde); it. **attardarsi** „a se întârzia“ (< tardo).

În componența verbelor denominative, elementul **se** se desemantizează maximal (el nu mai exprimă raportul dintre obiect și subiect), devenind, ca și prefixele și sufixele cu care intră în relații, parte integrantă a noilor unități lexicale: rom. **a se dezlâna** < lână, **a se învechi** < vechi, fr. **s'infiltrer** „a se infiltra“ (< filtre), **s'amouracher** „a se amoreza“ (< amour), sp. **desvivirse** „a se prăpădi“ (< vivir) etc.

În acest sens, I. Jordan, pe bună dreptate, menționa că „de la orice substantiv sau adjectiv al cărui conținut se pretează la transformarea lui în acțiune este posibilă crearea unui verb, pentru a arăta realizarea, prin muncă, a obiectului sau a însușirii exprimate de substantivul sau de adjectivul respectiv. Căci verbele create în modul acesta sunt toate factitive: ele spun că se „face (se „înfăptuiește”) ceva”¹⁹. De exemplu: **a se savantiza** înseamnă „a se face, a deveni savant”, **a se germaniza** înseamnă „a se face, a deveni german”, **a se umaniza** înseamnă „a se face, a deveni uman”, **a se comercializa** înseamnă „a se face, a deveni comercial” etc.

Formelor pronominale li se opun, în limba română, verbele pronominale. Acestea, spre deosebire de formele pronominale, sunt unități lexicale independente ce alcătuiesc o clasă aparte a arsenalului verbal.

Gramatica Academiei consideră drept verbe pronominale verbele „constituite cu pronume reflexive în dativ sau în acuzativ, incluse în mod obișnuit în sfera reflexivului” și aparțin diatezei active, deoarece „pronumele reflexiv poate fi înlocuit printr-un pronume personal sau printr-un substantiv în același caz cu el”²⁰.

Considerând că, în aceste sintagme (verb+pronume reflexiv), „pronumele reflexiv are funcțiune de complement direct sau indirect”, autorii gramaticii citate stabilesc diferite valori ale verbelor pronominale (verbe pronominale

obiective: *a se îmbrăca*; verbe pronominale reciproce: *a se iubi*; verbe pronominale eventive: *a se înnegrî*)²¹. Dându-și seama de caracterul neomogen al semanticii diatezei reflexive, autorii insistă asupra a două forme de reflexiv: reflexivul dinamic și reflexivul impersonal. În același timp, alte verbe însă însoțite de pronume reflexive dezvoltă alte nuanțe de sens: reflexive-obiective (*a se sinucide*), reflexive-reciproce (*a se interpătrunde*) etc.

Analizând structurile „pronume reflexiv+verb”, D. Irimia susține că verbele pronominale sunt „verbele însoțite în permanență, din diferite motive (lexicale, semantice, semantico-sintactice), de un pronume reflexiv, în acuzativ (mai ales) sau în dativ, forme scurte neaccentuate (și care nu trebuie confundate cu „morfemul” de diateză) sau de un pronume personal, în acuzativ sau dativ”²².

Includerea structurilor *pronume reflexiv în dativ + verb* în clasa verbelor pronominale nu se justifică, deoarece, în primul rând, sensul acestor verbe nu cadrează cu definiția diatezei reflexive („subiectul face acțiunea și tot el o suferă”), iar în al doilea rând, pronumele reflexiv în dativ, de cele mai dese ori, are în propoziție rolul de complement indirect, în timp ce verbul e la diateza activă („Își construiește o casă”; „Și-a cumpărat cărți” etc.).

În această ordine de idei, S. Stati, analizând verbele „reflexive” construite cu dativul, ajunge la concluzia că, deoarece aceste verbe nu au sens reflexiv (decât parțial reflexivele obiective *îmi zic* și reflexivele reciproce *iși împărtășesc*), ele „ar putea fi grupate la un loc sub denumirea de *verbe pronominale*, așa cum se face uneori în gramaticile limbilor romanice occidentale”, ca, în cele din urmă, să recunoască că „această grupare sub o singură denumire a unor construcții cu sensuri atât de diferite nu ni se pare totuși indicată”²³.

Referindu-ne la verbele care, eventual, ar intra în relație cu un pronume reflexiv, trebuie să menționăm că, în limba română, există o clasă de verbe care nu contractează relații cu pronumele reflexiv *se*. Din această categorie, fac parte:

- 1) verbe cu valoare impersonală: *a ninge, a fulgera, a tuna* etc.;
- 2) verbe copulative și semicopulative: *a fi, a deveni, a trebui, a însemna* etc.

Alipirea morfemului *se* pe lângă un verb copulativ sau semicopulativ e un fenomen destul de rar în limba română. Apariția lui pare nefirească, deoarece majoritatea verbelor copulative și semicopulative sunt incompatibile cu prezența lui *se*: „*Ne suntem* dar pentru dar/și nu ne mai spunem nicicum” (L. Blaga).

- 3) verbe intransitive care nu sunt convertibile în reflexive sau pasive: *a abjura, a abdica, a abuza, a adera, a capitula, a merita, a tânji, a dispera* etc.

Apariția morfemului *se* pe lângă aceste verbe nu e altceva decât rezultatul unor inovații singulare: „Ei vor aplauda desigur biografia subțire/Care *s-o-*

ncerca s-arate că n-ai fost vreun lucru mare“ (M. Eminescu); „Când *mă disperasem*... iată-l pe omul meu că iese din prăvălia de specialitate a Regiei“ (I. L. Caragiale).

Am putea aminti, în acest context, și de verbul *a râde* care se folosește cu și fără morfemul *se*. Însoțit de morfemul *se*, acest verb are sensul „a-și bate joc de cineva sau ceva, a face haz pe socoteala cuiva, a lua în răs”. De exemplu: „La noi *se râde* și *se râde* și fiindcă *se râde*, înțelegi ce vreau să spun“ (M. Preda). Ce-i drept, acest verb, însoțit de morfemul *se*, se folosește greșit și cu sensul de „a-și exprima buna dispoziție prin răs”. Paralel cu această formă, apare și forma verbului *a râde*: „Râzi tu, râzi, Harap-Alb, zice atunci Gerilă...” (I. Creangă).

Cât privește verbele care admit prezența lui *se*, în literatura de specialitate, ele au fost clasificate în funcție de diferite criterii (ocurența obligatorie sau facultativă a mărcii pronominale, gradul de solidaritate dintre verb și pronume ș.a.).

R. Popescu, bazându-se pe criteriul ocurenței obligatorii sau facultative a mărcii pronominale, distinge trei clase de verbe pronominale²⁴:

- 1) verbe care la nivelul structurii de suprafață sunt întotdeauna marcate pronominal: *a se căi*, *a se fîli*, *a se cuveni*, *a se ivi*, *a se îmbujora* etc.;
- 2) verbe care nu admit niciodată ocurența lui *se*: *a ninge*, *a tuna*, *a trosni*, *a măcăi*, *a durea* etc.;
- 3) verbe cu ocurența pronominală facultativă: *a jura/a se jura*, *a ruga/a se ruga* etc.

Autorii manualului „Gramatica uzuală a limbii române“ delimitează, în cadrul verbelor pronominale, următoarele trei subclase²⁵:

- 1) verbe numai pronominale, care nu se utilizează fără pronume (*a se mândri*, *a se fîli*, *a se oțărî* etc.) sau, dacă se utilizează cu pronume, au cu totul alt sens (*a se uita* „a privi” / *a uita* „a nu ține minte”, *a se afla* „a se găsi” / *a afla* „a căpăta o informație” etc.);
- 2) verbe intransitive pronominale (*a se gândi*, *a se ruga*, *a se întrista*, *a se lumina* etc.);
- 3) verbe reciproce (*a se certa*, *a se bate*, *a se saluta* etc.).

Considerăm că această clasificare necesită unele precizări. Evidențierea în cadrul verbelor pronominale a unei subclase aparte - intransitive pronominale - nu e necesară, or verbele care intră în relație cu pronumele *se*, după cum am menționat deja, se detranzitivează, intransitivitatea devenind una din trăsăturile gramaticale specifice verbelor pronominale. Credem că e nereușită, de asemenea, și includerea în clasa verbelor intransitive pronominale a verbelor ce denumesc fenomene ale naturii (*a se lumina*, *a se însera* etc.), care, nu pot fi puse în relație cu un subiect și, astfel, completează clasa formelor pronominale. De asemenea, nu e clar de ce verbele reciproce sunt evidențiate într-o clasă aparte. D. Irimia însă, ținând cont atât de gradul

de solidaritate dintre verb și pronume, cât și de condiția lexicală și gramaticală a pronumelui, ne propune o altă clasificare a verbelor pronominale²⁶:

1) verbe pronominale absolute (*a se abține, a se sfii, a se afla, a-și reveni, a se duce, a se uita* etc.). În structura acestor verbe, după cum susține autorul, prezența pronumelui reflexiv este obligatorie: pronumele „nu poate fi omis, fie pentru că aceasta este singura formă sub care se prezintă verbul în limba română literară”, fie pentru că „în absența pronumelui, verbul prezintă alt sens lexical; este, adică, un alt verb”²⁷;

2) verbe pronominale relative (*a se deștepta/a deștepta, a se îngălbeni/a îngălbeni* etc.). Autorul susține că, la aceste verbe, pronumele este un indiciu al caracterului subiectiv sau eventiv. Plus la aceasta, suprimarea pronumelui, din componența acestor verbe, nu modifică sensul lexical concret al lor, ci structura semantică (în înțelesul larg al termenului) a verbului: *a se deștepta* (vb. subiectiv)/*a deștepta* (vb. factitiv: *a face să se deștepte*) etc.;

3) verbe pronominale libere. În structura acestor verbe, pronumele este un element subordonat verbului și îndeplinește o anumită funcție sintactică.

Mai există o serie de verbe care nu pot fi clasificate cu certitudine într-un grup sau alt grup de verbe. E vorba de așa-zisele verbe (în terminologia lui D. Irimia) „rebele”: *a (se) însera, a(se) oua* etc.

După cum se poate observa, clasificarea verbelor pronominale în general (deci, nu numai a verbelor însoțite de pronume reflexive, dar și a celor însoțite de pronume personale, în acuzativ sau dativ), e divizată de prof. D. Irimia în trei clase (pronominale absolute, relative și libere). Dacă primele două clase sunt ilustrate de lingvistul ieșean prin verbe pronominale reflexive, atunci clasa a treia de verbe e ilustrată doar prin verbe însoțite de pronume personale (de tipul: *a-i conveni, a-l dura* etc.). Nu punem la îndoială justetea claselor evidențiate, dar este inexplicabil de ce, în categoria verbelor pronominale libere, nu se citează exemple cu verbe însoțite de pronume reflexiv.

Pornind de la clasificarea verbelor pronominale de D. Irimia, vom încerca, în continuare, să aplicăm această clasificare doar la verbele pronominale reflexive. Astfel, vom evidenția următoarele clase de verbe:

- a) Verbe pronominale absolute (verbe *reflexiva tantum*, verbe intrinsec pronominale). În structura acestor verbe prezența pronumelui reflexiv este obligatorie. Verbele *pronominalia tantum* nu pot realiza opoziția semantico-sintactică reflexiv/nonreflexiv (activ) și nu pot selecta un alt acuzativ în afara reflexivului. Asistăm deci la incompatibilitatea Refl.
ac. + Ob.dir care se explică prin imposibilitatea unui centru verbal de a impune de două ori același caz, exceptând situațiile de poziție repetată

prin coordonare („Mă văd pe mine și pe el în oglindă“) sau de repriză („Se ucide pe sine“).

Inventarul verbelor pronominale absolute este extrem de bogat în limba română. El cuprinde atât verbe din fondul vechi și popular al limbii (*a se bosumfla*, *a se burzului* etc.), cât și verbe neologice (*a se erija*, *a se eschiva*, *a se preta* etc.).

Această clasă e reprezentată prin:

- 1) verbe pronominale cu valoare dinamică: *a se abține*, *a se bosumfla*, *a se căi*, *a se codi*, *a se căciuli*, *a se izmeni*, *a se fuduli*, *a se mira*, *a se rățoi*, *a se sclifosi*, *a se zbate*, *a se strădui*, *a se oțărî*, *a se speti*, *a se mândri* etc.: „*Se mira* și el singur: ce dumnezeu, parcă mai nu demult era în toane bune, mulțumit de toate...“ (I. Druță.); „*Te fîleşti* că înainte-ți răsturnat-ai val-vârtej/Oștile leite-n zale de-mpărați și de viteji?“ (M. Eminescu).
- 2) verbe pronominale cu valoare impersonală: *a se cuveni*, *a se cădea*, *a se întâmpla*, *a se năzări* etc.: „Nu știu ce *s-a-ntâmplat*/- Surâse blând./- Mă ia o slăbiciune“ (L. Lari); „Așează parul nou cum *se cuvine*...“ (I. Druță). Numărul de verbe al acestei subclase este foarte redus, dar au o frecvență mare în vorbire. Uneori, cu valoare impersonală, apar și verbele *a vrea*, *a dori*, *a ști*, *a cere* ș.a. Aceste construcții deși par a fi niște exprimări pretențioase, se utilizează totuși în diferite stiluri (colocvial, artistic etc.): „Orice început *se vrea* fecund,/risipei se dedă Florarul“ (L. Blaga).
- 3) verbe pronominale cu valoare subiectivă: *a se bizui*, *a se isca*, *a se ivi*, *a se odihni*, *a se referi*, *a se încrede* etc.: „Reci și palide-n senin/*Se ivesc* deasupra stele“ (G. Topârceanu); „Și ajungând la hotarul celorlalți zmei, am stat de *ne-am odihnit*“ (P. Ispirescu); „Bine, dragul tatei, dacă *te bizuiești* că-i pute răzbate... alege-ți un cal...“ (I. Creangă). Aceste verbe sunt puțin numeroase, dar se utilizează des în vorbire.
- 4) verbe pronominale cu valoare reciprocă: *a se ciondăni*, *a se solidariza*, *a se gălcevi*, *a se asocia*, *a se înhăita* etc.: „Amintirile cutreierau parcă pe chipuri, mai vizibile la ea, care *se asociau* cu întâmplarea care se așeza între ei“ (M. Preda); „Atunci un zgomot de glasuri se auzi de parcă *se gălcevea* cineva“ (P. Ispirescu). Prezența complementului reciproc în cadrul acestor construcții obligă prezența mărcii pronominale, omiterea ei, de pe lângă verb, ar fi nejustificată.
- 5) verbe pronominale cu valoare eventivă: *a se împietri*, *a se îmbujora*, *a se înfiora*, *a se ticăloși*, *a se cicatriza*, *a se desprimăvăra* etc.: „N-avem oști, dară iubirea de moșie e un zid/*Care nu se-nfioează* de-a ta faimă Baiazid!“ (M. Eminescu); „*S-a desprimăvărat* pădurea“ (M. Eminescu).

Verbele pronominale absolute constituie un caz aparte în sistemul morfologic al limbii române. Ele tind să formeze îmbinări rigide, sudate. Între cei doi constituenți ai microstructurii se stabilește un raport similar

raportului de inerentă: *se* presupune radicalul verbal, iar acesta din urmă condiționează ocurența lui *se*.

b) Verbe pronominale relative: evidențierea acestui tip de verbe se justifică din mai multe motive. În cazul acestor structuri, omiterea pronumelui nu duce nici la modificarea sensului lexical concret al verbului și nici la schimbarea sensului gramatical al sintagmei. Este, în schimb, modificată structura semantică a verbului: *a se deștepta* (vb. subiectiv)/*a deștepta* (vb. factitiv: *a face să se deștepte*), *a se trezi* (vb. subiectiv)/*a trezi* (vb. factitiv, *a se îngălbeni* (vb. eventiv)/*a îngălbeni* etc.

c) Verbe pronominale libere.

În structura unor verbe pronominale, elementul *se* poate fi reluat prin forma *pe sine* și, din acest motiv, mai evidențiem și o clasă a verbelor pronominale libere. În cadrul acestor verbe, pronumele *e* un însoțitor permanent al verbului, căruia *i* se subordonează. Spre deosebire de celelalte clase de verbe pronominale, în structura verbelor pronominale libere, pronumele îndeplinește funcție sintactică (*a se privi* = *a se privi pe sine*, *a se cunoaște* = *a se cunoaște pe sine*, *a se convinge* = *a se convinge pe sine* etc.). Aceste construcții nu dispun de un statut diatezual deosebit de cel al construcțiilor active și nu constituie o diateză aparte, căci între *a se convinge pe sine* și *a-l convinge pe el* există numai o deosebire ce ține de exprimarea complementului direct: *pe sine se* (pronume reflexiv, identic cu subiectul acțiunii) și *pe el îl* (pronume personal, identic cu obiectul discuției). Din acest motiv, nu putem fi de acord cu acei lingviști care susțin că structurile date constituie o diateză aparte de cea activă.

Făcând un rezumat al celor spuse, am putea conchide următoarele:

- a) verbele pronominale sunt o clasă de verbe însoțite de morfemul *se*, care nu indică un raport gramatical reflexiv, ci creează opoziții semantice între cuvinte (între verbele cu aceeași temă);
- b) verbele pronominale au o structură bimembră (morfemul *se* + baza derivativă);
- c) morfemul *se*, atașându-se verbului, se desemantizează și se gramaticalizează, formând cu verbul un tot unic;
- d) *se* este un morfem derivativ;
- e) baza derivativă a unui verb pronominal poate fi pusă în relație cu un verb, substantiv, adjectiv, pronume, adverb sau cu o interjecție.

Note

¹*GLR*, 1966, p. 209.

²*LMLC*, 1983, p. 264.

³Pentru confirmare, a se vedea Irimia, 1977, p. 154; Stati, 1954, p. 135; Constatinescu-Dobridor, 1974, p. 211.

⁴Jordan, 1956, p. 449.

⁵Jordan, 1956, p. 421.

⁶Dimitriu, 1965, p. 144.

- ⁷Teodorescu, 1965, p. 545.
⁸Teodorescu, 1965, p. 546.
⁹Stati, 1968, p. 183.
¹⁰Чинчлей, 1991, p. 102.
¹¹Кияк, 1987, p. 64.
¹²Irimia, 1977, p. 91.
¹³Rădulescu-Mendea, 1969, p. 539.
¹⁴DGŞL, 1997, p. 53.
¹⁵Щерба, 1974, p. 533.
¹⁶Matcovschi, p. 40-41.
¹⁷Янко-Триницкая, 1962, p. 40.
¹⁸Popescu, 1976, p. 69.
¹⁹Iordan, 1956, p. 460.
²⁰GLR, 1966, p. 209.
²¹GLR, 1966, p. 210-211.
²²Irimia, 1977, p. 155.
²³Stati, 1954, p. 145.
²⁴Popescu, 1976, p. 119.
²⁵Guțu Romalo, 1972, p. 141.
²⁶Irimia, 1977, p. 155.
²⁷Irimia, 1977, p. 155.

Referințe bibliografice

BĂRBUȚĂ, I., CICALĂ, A. *Gramatica uzuală a limbii române*. Chișinău: Editura Litera, 2000 [=Bărbuță et alii, 2000].

CONSTANTINESCU-DOBRIDOR, Gh. *Morfologia limbii române*. București: Editura Vox, 1974 [=Constantinescu-Dobridor, 1974].

Dicționar general de științe ale limbii. București: Editura Științifică, 1997 [=DGŞL, 1997].

Dicționarul explicativ al limbii române. Ed. a II-a. București: Editura Univers enciclopedic, 1996 [=DEX, 1996].

Dimitriu, C. *Observații în legătură cu diateza reflexivă și verbele pronominale în limba română contemporană* // AȘUI. Tomul XI, Fasc. 2, 1965. P. 125-146 [=Dimitriu, 1965].

Gramatica limbii române. Vol. I. București: Editura Academiei Române, 1966 [=GLR, 1966].

GUȚU ROMALO, V. *O problemă controversată în gramatica românescă: diateza* // LL, 1972. Nr. 1. P. 12-21 [=Guțu Romalo, 1972].

IORDAN, I. *Limba română contemporană*. București: Editura Ministerului Învățământului, 1956 [=Iordan, 1956].

IRIMIA, D. *Gramatica limbii române*. Iași: Editura Polirom, 1977 [=Irimia, 1977].

Limba moldovenească literară contemporană. Morfologia. Chișinău: Editura Lumina, 1983 [=LMLC, 1983].

MATCOVSCHI, IL., IONIȚĂ, M. ***Verbele pronominale denominative*** //Probleme actuale de teorie și practică a lingvisticii contemporane (lecturi mighiriene către aniversarea a 70-ea de la nașterea prof. V. N. Mighirin). USB „Alec Russo”. P. 40-41 [=Matcovschi].

POPESCU, R. ***Diatezele pronominale în limba română.*** Timișoara, 1976 [=Popescu, 1976].

RĂDULESCU-MENDEA, M. ***Caracteristicile sintagmatice ale reflexivului*** //LR. Nr. 6, 1969. P. 537-544 [=Rădulescu-Mendea, 1969].

STATI, S. ***Categoria sintactică a determinanților obligatorii*** //LL. XVII, 1968. P. 183-190 [=Stati, 1968].

STATI, S. ***Verbe reflexive construite cu dativul*** //SCL. Nr. 2, 1954. P. 135-149 [=Stati, 1954].

TEODORESCU, E. ***Reflexiv și pronominal*** //LR, Nr. 5, 1965. P. 545-553 [=Teodorescu, 1965].

ЧИНЧЛЕЙ, Г. ***Очерки по деривации в современном французском языке.*** Кишинёв: Штиинца, 1991 [=Чинчлей, 1991].

КИЯК, Т. ***О “внутренней форме” лексических единиц*** //ВЯ, 1987 [=Кияк, 1987].

IRIMIA, D. ***Introducere în stilistică.*** Iași: Editura Polirom, 1999 [=Irimia, 1999].

ЩЕРБА, Л. В. ***О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании*** //Языковая система и речевая деятельность. Ленинград: Наука, 1974. С. 24-39 [=Щерба, 1974].

ЯНКО-ТРИНИЦКАЯ, Н. А. ***Возвратные глаголы в современном русском языке.*** Москва: Изд-во АН СССР, 1962 [=Янко-Триницкая, 1962].

THE USE OF GENDERED PRONOUNS WITH ANIMAL REFERENTS IN ENGLISH

Marina TETERINA,

Lecturer,

(Alecru Russo State University of Bălți, Republic of Moldova)

Abstract

Speakers and writers of English can choose whether to mark a high level of sentience in a nonhuman animal by selecting the human and gendered terms (he, she, who) rather than the inanimate and ungendered terms (it, which). This paper reports an investigation of the Anglo-American literature to explore the extent to which speakers and writers use gendered pronouns 'he' and 'she' where the antecedent is a nonhuman animal. We also attempt to identify pragmatic factors and metaphoric associations that trigger personalizing of animals in literature and everyday conversations.

Keywords: *gendered pronouns, animal referent, terms.*

Most grammars of modern English prescribe to use the pronoun 'it' when referring to an animal, except for cases when the speaker knows the sex of the animal. However actual language use shows a great divergence from this prescriptive statement. If we look at speakers' behavior, it appears that gendered terms *he* and *she* by far outnumber instances of 'it' in everyday casual speech.

When nonhuman animate entities are referred to, in English it is possible to use either the human and gendered terms *he*, *she*, and *who* or the inanimate and ungendered terms *it* and *which*). Dictionaries and grammars explain quite clearly the areas of choice between *he/she* and *it*. Biber, Johansson, Leech, Conrad and Finegan describe the use of *he* and *she* as "personal reference," and of *it* as "non-personal"¹. They point out the main semantic areas where the speaker has a choice (babies; "animals, especially pets"; countries; and ships). They also identify the meaning of the choice: "Personal reference expresses greater familiarity or involvement. Non-personal reference is more detached".

In most cases, researchers agree that personal involvement or a close relationship with the animal seems to be the most relevant factor in pronoun choice: "[T]he use of *he* and *she* seems to signal *personal involvement or empathy for the referent* in the case of [...] an owner of an animal, someone who is emotionally attached or values the referent, [...] or someone attached to a specific animal. By the way of contrast, the use of *it* seems to signal *lack of involvement or empathy with the referent* in the case of [...] [a speaker] who is not personally attached to the referent or wishes to devalue it, an entity which is acted upon, and finally *a nonspecific animal or class of animals* with which personal involvement is out of the question"².

Animacy is not a simple binary option. The way these pronouns are used in English demonstrates a scale of animacy, whose normal order places

humans at the top; animals second; moving machines (such as ships, planes and cars) third; and the plant and mineral world at the bottom. It may appear strange that moving machines are placed higher in this scale than living plants, but this is the English usage.

This scale of animacy reflects (and also shapes) an attitude to the way the world is structured. Where there is a choice (to use *he/she* or *it*) – whether with dogs or ships – a speaker’s selection of one variant or another is meaningful. When a nonhuman is treated linguistically like a human, it raises the animacy status of the nonhuman, indicates to sentience (the ability of animals to feel, to be aware of what is going on), and places the nonhuman closer to the human.

This paper reports an investigation of the Anglo-American literature to explore the extent to which writers use gendered pronouns ‘he’ and ‘she’ where the antecedent is a nonhuman animal. In my own corpora, there are very few examples of *it* referring to an animal, while hundreds of masculine and feminine pronouns can be found. It may seem surprising at first, but a more detailed investigation of corpus data reveals that the observed pattern is the rule rather than the exception.

The class of animate creatures we call animals are situated at a rank lower than human beings. All animals have biological sex, since they can also be referred to by ‘he’ or ‘she’, though this is an extension of the scope of ‘personal’ reference. This is a possibility, but in practice it is a more complex issue.

Those few linguists who attempt to discuss the whole issue, commonly subdivide animals into two kinds, labeled in hierarchical terms: ‘higher’ and ‘lower’ animals³. However this is not a zoological or evolutionary distinction, but a culturally determined and anthropocentric one. Higher animals are those with which human beings have ‘the closest connection’, or those of special interest or use to people⁴, e.g. pets, farm animals and race-horses. The owners regard their pets in particular as equal to humans, and capable of ‘speaking’. Therefore these animals are most likely to be spoken to in direct address. This class often are denoted by specific lexical terms for the male and female of the species, as well as have co-referential probability with *he* or *she* rather than *it*: e.g. *cow/she*, *bull/ he*, *ram/he*, *ewe/she*:

(1) “Tom tied old *Whitey* (*cow*) to the back of his wagon and put *her* calf in the end of the box so *she* could see *her* offspring and not bellow for *it*” (Aldrich, *A Lantern in Her Hand*, p. 19).

(2) “The *stallion* snorted as if *he* disagreed with Bettario’s opinion of ‘lucky’” (Anderson, *Ill Wind: The oil crisis has begun*, p. 244).

(3) “The *bitch* had been but a pup *herself* then, striving to make *her* place in the pack. ...*She* had been his favorite, and he had felt something when he had to put *her* down with the rest” (Bahr, *The Year of Jubilo*, p. 62-63).

(4) “What happened, *Sally*?” he asked his black *mare*, but the horse only rolled *her* eyes at him and pulled at the bit. The thunder was close now, and *she* was nervous” (Bahr, *The Year of Jubilo*, p. 76).

(5) “It was a normal ritual, and the *dog*, whose name was *Beowulf*, took no interest in it. *He* lapped out *his* tongue in a yawn, raised *his* hindquarters and stretched. *He* had *his* own ritual: yawning, stretching, scratching, licking” (Bahr, *The Year of Jubilo*, p. 132).

(6) “*The horse* rolled *his* eyes as Stribling approached, and sidestepped until Stribling took up the trailing rains. “*He is called Xenophon*,” said Stribling” (Bahr, *The Year of Jubilo*, p. 44).

(7) “That was a favorite fantasy of Nurse Angela’s – she hated smoking; just the look of a cigarette dangling from anyone’s mouth made her remember a French-speaking Indian who’d come to see her father about digging a well and had stuck his cigarette in one of her *cat’s* faces, burning *its* nose! – the cat, an especially friendly spayed *female*, had jumped up in the Indian’s lap. *The cat* had been named *Bandit* – *she’d* had the classic masked face of a raccoon” (Irving, *The cider house rules*, p. 8).

(8) “She was back on the farm in Battle Lake, Minnesota. She was nine years old and she could hear her *little red rooster*, *Mr. Barnes*, crowing at first light... *He* was just a little red rooster, overly pugnacious, an ingrate. *He* could have been a beautiful bird if *he* hadn’t gotten into so many fights” (Jones, *I want to live!*, p. 686).

(9) “The horse doctor had been trying to vaccinate *the bull* in the neck, but the rope through the ring in the bull’s nose didn’t keep the bull from tossing *his* head from side to side, knocking the horse doctor against the side of the chute” (Armstrong, *Sounder*, p. 60).

In these examples ‘higher animals’ such as *a cow, a horse, a rooster, a cat, a dog* are personalized by using co-referential pronouns *he* or *she*. The personification is intensified by the introduction of special terms for male and female species such as *dog/bitch, cow/bull, stallion/mare, rooster*. Besides, in most cases the animals are given male or female names corresponding to their sex: Mr. Barnes (rooster), Sally (mare), Beowulf (dog), Whitey (cow), Xenophon (horse).

If the speaker doesn’t know the sex of the animal, a common term may be used (e.g. *horse* v. *stallion/mare*); or there is the term with male reference used as the common term (e.g. *dog*), or a term with female reference (e.g. *goose, duck*). If the sex is not known, there is a tendency to use *he* as the co-referential pronoun with such ‘higher’ animals, rather than *it*, cats are more likely to be *she* generically, as in:

(10) “Arching *his* neck and *his* forelegs, a *bright brown horse* drew a buggy crisply but sedately past; in the washed black spokes, sunlight twittered” (Agee, *A death in the family*, p. 98).

(11) “I always come back,” she said. “Like *the cat* the man was always trying to get rid of in the song. He tied *her* to the railroad tracks and he threw *her* into the ocean with a rock, but *she* always came back the very next day” (Berriault, *Women in their beds*, p. 186).

Even where the sex of the animal is known to the speaker, however, *he* is favoured; or speakers may differ amongst themselves in their use of *he* or *she*. Or else there can be fluctuation in pronoun choice by the speaker or amongst speakers, with *it* also occurring.

Pronoun switches are frequent, and a range of emotive factors are involved in the choice of pronouns referring to animals. For example, the owners of a cat (or “cat people”) as a rule refer to the dog that chased their cat as *it* rather than *he* or *she*, conveying their emotional attitude or intimacy towards their cat, but at the same time signaling distance towards the dog. The reverse pattern is used by “dog people”.

Such pronoun-switching requires further investigation. However, MacKay and Konishi⁶ suggest seven possible reasons for pronoun-switching with animal reference generally. These motivations are a contrast between a character's perspective and the narrator's in a story, personal v. impersonal points of view, the owner's v. the non-owner's, emotional v. non-emotional involvement with the referent, positive v. negative evaluation, specific v. generic reference, active agent v. passive ‘object’. A combination of factors may be involved. Note the following examples:

(12) “They left the house about eleven that morning after the McPherson brothers had finished the morning feeding... They set out in the bright cold day, riding in the pickup, the girl seated in the middle between them with a blanket over her lap... Once they saw *a lone coyote* in the open, running, a steady distance-covering lope, *its* long tail floating out behind like a trail of smoke. Then *it* spotted the pickup, stopped, started to move again, running hard now, and crossed the highway and hit a section of woven fence and was instantly thrown back but at once sprang up again and hit the fence again and at last in a panic scrambled up over the wire fence like a human man would, and ran on, loping again in the open, traversing the wide country on the other side of the road without once pausing or even slowing down to look back.

Is *he* all right? The girl said.

Appears like it, Raymond said.

Until somebody gets after *him*, Harold said, chasing after *him* in a pickup with coyote dogs. And shoots *him*.

Do they do that?

They do” (Haruf, *Plainsong*, p. 178-179).

(13) “A *black cat* approached from the other side of the street. For a while, *it* stood on the edge of the sidewalk and *its* green eyes looked straight at Bessie. Then slowly and cautiously *it* drew near. For years Bessie had hated all animals – dogs, cats, pigeons, even sparrows... But now Bessie felt love for this creature

that had no home, no possessions, no doors or keys, and lived on God's bounty. Before *the cat* neared Bessie, *it* smelled her bag. Then *it* began to rub *its* back on her leg, lifting up *its* tail and meowing. *The poor thing* is hungry. I wish I could give *her* something. How can one hate a creature like this, Bessie wondered" (Singer, *The Key*, p. 499).

In these examples a combination of factors account for pronoun-switching, such as: a contrast between a character's perspective and the narrator's in a story, personal v. impersonal points of view, emotional v. non-emotional involvement with the referent. *The coyote* and *the cat* become personalized as people feel empathy to the animals. To show empathy means to identify with another's feelings, to emotionally put yourself in the place of another.

The distinction between 'higher' and 'lower' animals however is not absolute, and inevitably so, since it is a vague distinction in the first place. Monkeys are wild animals and are not obviously associated with human beings, as well as lions and tigers, although Quirk, Greenbaum, Leech and Svartvik⁷ cite them under the heading of 'higher animals'. This is apparently because their sex differences are lexicalised (*lion(-ess)*, *tiger/tigress*), and this lexicalisation may be presumed to indicate a particular human interest in these animals and not others. Many wild animals, however, are now familiar to human beings through zoos, but are not lexically marked in this way; others have more cultural relevance than lions and tigers, but may not be classified as 'higher animals' (e.g. rats and spiders which co-habit with humans; beavers and bears as the 'national' animals of North America). Here are some examples of personalizing wild animals:

(14) "She met Oscar Lutz with a *wild deer* which he had shot and killed in the timber a mile east of Stove Creek, - a *young buck* that, quivering and at bay, seemed the last survivor of *his* comrades that had once roamed the east-Nebraska country" (Aldrich, *A Lantern in Her Hand*, p. 176).

(15) "*The deer, a doe*, had gone out into the new ice, all the way to the middle, and had crashed through. *She* would work *her* front legs up and prop *herself* on the ice that way, like a woman resting *her* elbows at a table, and then *she* would kick and thrash, trying to pull *herself* back up, but would crash through again and slide back into the water. Then *she* would resume swimming in circles and slide back into the water" (Bass, *The hermit's story*, p. 161).

(16) "I was reminded of a time I almost walked into a *female grizzly* with a nearly grown *cub*. How we had stood there posturing, how *she* had glanced down at *her cub* just that way, giving me the opportunity to let *her* know *she* didn't need to kill me. We could both go on our way" (Proulx, *The Half-Skinned Steer*, p. p. 777).

(17) "Gracious Jay, did you ever see one? *A panther?*"
"Saw one'd been shot."

“Goodness,” Mary said.

“A mean-looking varmint.”

“I know,” she said. “I mean, I bet *he* was. ...” (Agee, *A death in the family*, p. 209).

In the examples (14) and (15) ‘*deer*’ is the referent/antecedent of the pronouns ‘he/she’. A special interest of humans to this animal is explained by the fact that *deer* is a ‘national’ animal in the North America. There are many different species of deer in the United States. Ranging in size, habitat, and habits, deer can be found in every continental state. In the example (16) *grizzly* is personalized. First, *grizzly bear* is also a ‘national’ animal in the US. Besides, it’s a female with a cub which allows to use co-referential pronoun ‘she’. In the examples (12) and (17) the wild animals *panther and coyote* are used with co-referential pronoun ‘he’. In both examples ‘he’ functions generically as people don’t know and in fact are not interested in the sex of the animals. Personalizing of these animals is accounted for by the fact that people living in the country are more familiar with wild animals. People may hunt them or may be forced to defend themselves against them. Hence the use of personal pronouns with wild animals.

Conversely, what are seen as domestic animals in western countries such as Britain and the United States, and hence ‘higher animals’ (e.g. dogs and cats), are elsewhere not, or are even regarded as pests. Monkeys have at least been kept as pets; but in fact almost any animal can be kept as a pet, so that almost any animal can thus be a ‘higher animal’:

(18) “Without a word the boy cut the strap at the *fawn’s* throat, and even while he was unloosing the piece around *her* neck, *she* darted from him lightly, gracefully, into the hazel-brush. ... With his head still averted the boy said tensely, “I found *her*... ‘n’ raised *her*... myself” (Aldrich, *A Lantern in Her Hand*, p. 20).

(19) “But his *monkey Grinn*, a present from the Queen, was dead; and also *Sjup the raccoon and the parrot who* had sat on his shoulder at meals and *the weasel who* wore a bell on *his* neck and hunted rats among the rocks” (Barrett, *Ship Fever and other stories*, p. 39).

In the examples above we see that *a fawn, a monkey, a raccoon, a parrot* and even *a weasel* are kept as pets, so all of them are personalized either through gendered pronouns or the animate relative pronoun ‘who’.

Moreover, in the genres of children’s literature and film and poetic diction any animal can be anthropomorphised (typically to a male) and given a name and story role: e.g. Babar and Dumbo the elephants, Mickey Mouse and Jiminy Cricket. It is all about a matter of perspective.

‘Lower animals’ are defined implicitly, and negatively, i.e. those having no special relevance to human beings, or having no close connection to them. As Quirk *et alii* state⁸, they also tend to be animals where laypersons have no real knowledge about their sex, e.g. insects, snakes and fish. Therefore the pronoun *it* is the ‘logical’ or ‘natural’ pronoun to use (and

which is also most likely instead of *who*). In connection with this ignorance, another connotation of *it* is especially relevant here, namely its association with the 'alien', the unknown. Moreover, since the examples usually given also tend to be animals that are often least liked by human beings, e.g. insects and snakes, the use of *it*, which is also associated with negative emotiveness, is especially pertinent⁹.

Some insects, however, are rather closely connected with human beings, inhabiting their homes or serving their interests (e.g. bees and silkworms). Reference by *he* or *she* is quite likely therefore: usually *she* by a sort of symbolic association of smallness¹⁰. However, in the following modern examples, either *he* or *she* is used by the speakers with reference to lower animals, signifying their empathy with them:

(20) "All the windows were open; in one of them, a *spider* had spun *her* web" (Bahr, *The Year of Jubilo*, p. 176).

(21) "When the *field mouse* poked *his* whiskered nose out of Wall Strutt's eyeholes, Old Priam showed his yellow teeth and laughed. The *field mouse* would sleep, waking on warm days to forage, and that summer would raise *his* family where once a man's thoughts made bitter passage" (Bahr, *The Year of Jubilo*, p. 299).

(22) "The *robin* had hold of a worm; *he* braced *his* heels, walked backward, and pulled hard. It stretched like a rubber band and snapped in two" (Agee, *A death in the family*, p. 299).

(23) "Rufus saw a giant *butterfly* clearly, and how *he* moved *his* wings so quietly and grandly, and the colors of the wings, and how *he* sprang up into the sky and how the colors all took fire in the sunshine" (Agee, *A death in the family*, p. 306).

(24) "The *catbird* stopped *her* fussing in the wilted lilac bush" (Armstrong, *Sounder*, p. 107).

In these examples the co-referential pronoun for a spider and a catbird is *she* and for a field mouse, robin and butterfly is *he*. The general tendency is to use the pronoun 'he' in the personification of 'lower animals'. As we see even butterfly is 'he'. This is due to the fact that 'he' is used as generic pronoun both in reference to people and animals whose sex is unknown or irrelevant. On the other hand, sometimes 'she' is used due to the metaphorical association of small, weak creatures with feminine gender.

Conclusions

The choice of gender in personifying animals, birds and other living beings is often based on biological sex differences. In most cases it depends on the speaker's or writer's attitude to a certain living being: big, strong, ugly, aggressive animals, birds are considered to be masculine and small, weak, gentle, with a maternal instinct are mostly feminine. Generally,

researchers agree that personal involvement appears to be the most relevant factor in pronoun choice.

The cut-off point within the class of animals differs among speakers, depending on their professions, background, environment, or similar factors. For someone who grew up in a big city/town and has never lived in the countryside, it is extremely likely that only pets, or even just *dogs and cats*, can be *he* or *she*, whereas a *badger or fox* (which the speaker may not ever have seen) will be an *it*. On the other hand, it is highly probable that a farmer will refer to the animals on his farm as *he* or *she*, that a hunter will refer to the hunted animal as *he*, the fisherman to the fish in his catch also as *he*.

We should thus conclude that the prescriptive rules in grammars regarding anaphoric pronouns to be selected to refer to animals are not applied in everyday conversations. Since some degree of personal involvement is commonly present when speakers talk about animals, neuter pronouns are the least expected forms. Pets will be *its* only derogatorily, intentionally offensive or when talking about them in a detached manner. While the status of wild animals depends to a large extent on the speaker's 'civilization' background. Other factors that may influence pronoun choice are: a) saliency of the animal in the discourse ("centrality" according MacKay and Konishi¹¹); b) size (the bigger the more likely *he*²); c) and various (supposed or real) character attributes (brave, wise = male; weak, passive = female etc.¹³).

Notes

¹Biber *et alii*, 1999, p. 317-18.

²MacKay *et alii*, 1980, p. 155.

³see Erades, 1975, p. 21-23; Quirk *et alii*, 1985, p. 109-110.

⁴Quirk *et alii*, 1985, p. 110.

⁵Erades, 1975, p. 21.

⁶MacKay *et alii*, 1980, p. 155.

⁷Quirk *et alii*, 1985, p. 109.

⁸Quirk *et alii*, 1985, p. 110.

⁹Wales, 1996, p. 143.

¹⁰see Poutsma, 1914, p. 325, MacKay *et alii*, 1980, p. 153.

¹¹MacKay *et alii*, 1980, p. 155.

¹²*ibidem*, p. 153.

¹³*ibidem*, p. 154.

References

BIBER, D., JOHANSSON, S. LEECH., G. CONRAD, S., FINEGAN, E. *Longman Grammar of Spoken and Written English*. London: Longman, 1999 [=Biber et alii, 1999].

ERADES, P.A. *Points of Modern English Syntax*. Amsterdam: Swets and Zeitlinger, 1975 [=Erades, 1975].

MAC KAY, Donald G., KONISHI, Toshi. *Personification and the Pronoun Problem* // *Women's Studies International Quarterly* 3, 1980. P. 149-163 [=Mac Key, 1980].

POUTSMA, H. *A Grammar of Late Modern English*. Groningen: Noordhoff, 1914 [=Poutsma, 1914].

QUIRK, R., GREENBAUM S., LEECH G., SVARTVIK J. *A Comprehensive Grammar of the English Language*. London: Longman, 1985 [=Quirk *et alii*, 1985].

WAGNER, S. *Gender in English Pronouns: Myth and Reality*. PhD dissertation. Online edition at <http://www.pdf.name>, 2003 [=Wagner, 2003].

WALES, K. *Personal Pronouns in Present-day English*. CUP, 1996 [=Wales, 1996].

Texts

AGEE, James. *A death in the family*. Vintage Books. A division of Random House. Inc. New York, 1998.

ALDRICH, Bess Streeter. *A Lantern in Her Hand*. New York: Puffin Books, 1997.

ANDERSON, Kevin J., BEASON, D. *Ill Wind: The Oil Crisis has begun*. New York: A Tom Doherty Associates Book, 2007.

ARMSTRONG, William H. *Souder*. Harper Trophy: New York, 2002.

BAHR, Howard. *The Year of Jubilo*. New York: Picador USA, 2001.

BARRETT, Andrea. *Ship Fever and other Stories*. New York: W.W.Norton & Company, 1996.

BASS, Rick. *The Hermit's Story*. Boston/New York: Houghton Mifflin Company, 2002.

BERRIAULT, Gina. *Women in Their Beds*. New and Selected Stories. Washington, D.C.: Counter Point, 1997.

HARUF, Kent. *Plainsong*. New York: Vintage Books, A Division of Random House. Inc., 1999.

IRVING, John. *The Cider House Rules*. Ballantine Books: New York, 1993.

JONES, Thom. *I want to live!* // *The Best American Short Stories of the Century*. John Updike (editor), Katrina Kenison (coeditor). Houghton Mifflin Company: Boston, New York, 1999.

PROULX, Annie. *The Half-Skinned Steer* //The Best American Short Stories of the Century. John Updike (editor), Katrina Kenison (coeditor). Houghton Mifflin Company: Boston, New York, 1999.

SINGER, Isaac Bashevis. *The Key* //The Best American Short Stories of the Century. John Updike (editor), Katrina Kenison (coeditor). Houghton Mifflin Company: Boston, New York, 1970.

@ – SIMBOL AL COMUNICĂRII ONLINE

Elena UNGUREANU,

cercetător științific superior, doctor în filologie
(Institutul de Filologie al Academiei de Științe din Moldova)

Rezumat

De câteva decenii, simbolul @ a căpătat în majoritatea limbilor lumii, inclusiv în română, o semnificație nouă, pe care n-a avut-o anterior: despărțitor al numelui utilizatorului de numele domeniului virtual (cu 5 secole în urmă prototipul său era folosit exclusiv cu semnificație economică). Sensul său s-a extins, ajungând în prezent un adevărat simbol al spațiului virtual. Hypertextul este invadat de formații lexicale cu @ înlocuind litera „a”, sugerând astfel atașamentul la cultura și ideologia internetului.

Cuvinte-cheie: *simbolul @, semnificație, utilizator, domeniu virtual.*

Scrisul modern – în căutarea noilor mijloace

De când a inventat scrisul, iar ulterior tiparul, omenirea creează și recreează semne și simboluri noi, în funcție de necesitățile comunicării. Studiate încă din fragedă copilărie, configurația literelor unui alfabet este asociată cu aspectul obiectelor din jur. Orice literă din orice alfabet al limbilor lumii are câte o istorie demnă de reținut, întrucât scrisul reprezintă o extensiune a abilităților digitale ale omului. Nu în zadar era electronică ne solicită tot mai abitir anume degetele (organele tactile) și ochii (organele oftalmice) – “Ochii și tastatura înlocuiesc gura”. Înregistrarea, în-scrierea discursului – de la primele materiale “tipografice” (stilul de lut, papyrusul, pergamentul etc.) până la cele de ultimă generație (computerul, telefonul mobil, i-pad-ul etc.) se bazează prioritar pe semne. Semiotica se preocupă de cele 3 dimensiuni (sintactică, semantică, pragmatică) ale tuturor semnelor din natură, nu doar cele generate de om, ci de întreaga natură – de animale, plante etc.¹, îmbogățindu-se în permanență cu simboluri noi. Literele sunt, în primul rând, imagini, design-uri, grafisme – întâi facem contact cu ele prin văz, iar nevăzătorii – prin contact tactil. Abia după primul contact creierul le investeste cu semnificație comună, generală, după care contextul fiecărui utilizator îi va particulariza și îngusta sensurile, reintroducându-le în circuitul intertextual nesfârșit al semnificațiilor.

Istoria unor litere este chiar foarte curioasă, de exemplu: literele *uy, ъ, ъ, ъ, ъ, ъ, ъ*, împrumutate neadecvat pentru limba „moldovenească” într-o perioadă de tristă amintire, au trezit numeroase discuții în contradictoriu în rândul specialiștilor și au lăsat urme până azi în mentalitatea „grafică” a unei generații. O istorie aparte au literele *w, y și q* (considerate pentru alfabetul limbii române litere „internaționale”) – acestea dictează anumite reguli în scrierea și pronunțarea cuvintelor împrumutate din alte limbi. Mai nou însă, globalizarea, inclusiv prin intermediul Internetului, atrage în vârtejul ei toate alfabetele limbilor lumii. Unul din semnele care le unește a devenit simbolul @. Stă pe tastatura computerului printre primele cele mai frecvent utilizate

taste, reprezentând o ligatură caligrafică (fuziune dintre două caractere consecutive într-un singur semn) – a și c:

Ne aflăm în fața unui nou fenomen: *cyberscrierea* (cyberlimbajul), care este „un gen particular de comunicare directă sau semidirectă (frecvent epistolară), mediată de tehnologii electronice (telefon mobil, internet). Cyberscrierea este o formă hibridă de comunicare, care asociază unele particularități ale scrierii cu altele specifice discursului oral, adică este un fel de «comunicare orală scrisă» («l’oral écrit»), cum a definit-o Jacques Anis. (...). Din punct de vedere tehnic însă, ea ar putea fi considerată mai degrabă o «scriere-lectură» proprie comunicării informatizate, marcată de oralitate prin caracterul ei mult mai informal decât cel al scrierii propriu-zise”².

@ în dicționarele online

Istoria lui @ însă este mult mai veche decât se crede. În franceză, există verbul *a arronda* cu sensurile: 1. *a împărți un teritoriu, o suprafață pentru administrare*. 2. *a repartiza la un anumit centru (de administrare, de distribuție etc.)*. Cum se va vedea mai jos, pentru a putea fi condusă, lumea a trebuit întotdeauna împărțită, divizată. Lumea comunicării nu face excepție în acest sens.

În limba română, simbolul în cauză se numește *a rond* (în engl.: *arond*) și cei mai mulți îl cunosc ca semn folosit în adresele de e-mail. Dicționarele tradiționale, în format hârtie, încă nu-l atestă, îl găsim însă în dicționarele și glosarele electronice, de exemplu: A ROND s.n. (în engl. *at*). Semnul tipografic @, numit și *at* (sau *a*) *comercial* sau *coadă-de-maimuță*, folosit mai ales în adresele de poștă electronică, are semnificația „la” și precede porțiunea de adresă care reprezintă domeniul virtual (exemplu: *c u t a r e s c u @ d o m e n i u l . m e u*)³. Pe parcursul evoluției sale, a contactat și alte semnificații („de la”, „a”, „spre”, „a câte”, „aproximativ” „în intenția (cuiva)...” etc.). Cele mai noi informații care sunt actualizate progresiv se pot găsi și în noile enciclopedii online Wikipedia, care oferă simbolului @ spațiu generos pe Internet⁴.

Cel care a utilizat primul e-mail așa cum îl cunoaștem azi a fost un programator din Boston – Ray Tomlinson, în anul 1971, unul din programatorii ARPAnet (care a precedat apariția Internetului). Decizia acestuia de a folosi un semn neordinar pentru a delimita numele destinatarului (utilizatorului) de numele calculatorului (adresa site-ului web care acordă servicii de e-mail, altfel spus – localizarea geografic-virtuală

unde se depozitează textul sub formă de semne) s-a dovedit a fi una excepțională – ea marchează începutul erei „e-mailismului”⁵ și, nu în ultimul rând, al scrisorii și comunicării online. Așadar, unul dintre noile sale sensuri este cea de separare a nickname-ului de server. Tomlinson și-a trimis primul mesaj electronic de pe un calculator pe un altul (expeditorul și destinatarul fiind o singură adresă), folosindu-se de simbolul @. Mesajul conținea literele *qwertyuiop* (rândul de sus al tastaturii). Explicația autorului consta în faptul că a dorit să utilizeze un semn de departajare neordinar și rar utilizat la acea vreme, dar care să se memorizeze – și prin această decizie a făcut istorie. Deși nu Tomlinson a inventat semnul @, de numele lui se leagă noua semnificație pe care i-a acordat-o.

@ în alfabetul digital

În alfabetul „tipărit”, *a* este prima literă (alfabetul latin). Ea simbolizează începutul, tot așa cum litera *z* semnifică sfârșitul. „De la *a* la *z*” înseamnă de la un capăt la altul; de la început până la sfârșit”. Tot așa, în limbajul internautic, numeroase activități încep de la neînlocuitul simbol @. Suntem martorii elaborării unui nou alfabet digital, una din primele litere ale căruia ar trebui să fie, indiscutabil, @. Una din teoriile evoluției scrierii simbolului @ este următoarea⁶:

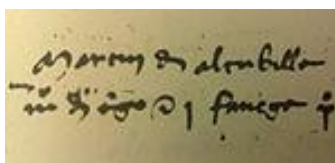
à @ @ @

E cazul să ne amintim aici și de accentele sau diacriticele din multe alfabete, pe care comunicarea online le suprimă, supunându-se legii minimului efort și uniformizării. În același timp, literele „vechi” nu mai sunt suficiente: creativitatea umană lucrează la extinderea vizuală a literelor tradiționale sau la designul unor viitoare litere noi. Și alte litere suportă modificări de design: *e*, *i*, *m* deja se întâlnesc în spațiul online împerecheate cu un *c* sau chiar cu doi de *c* – care indică semnificația de „plasat/utilizat în spațiul electronic, în mediul digital”. Glifă, gramă, simbol, semn, emoticon, emotigramă, pictogramă, ideogramă – oricum l-am numi – @ deja face parte din viața tuturor consumatorilor de internet.

@ în limbajul economic

Deocamdată nu se cunoaște cu certitudine originea lui @. Există mai multe cercetări cu cele mai variate interpretări. Ziarele sofote „Standart” și „Trud” titrează respectivul simbol ca fiind o invenție bulgară. Acesta ar fi fost descoperit recent într-un text bulgar din anul 1345, cu peste șase secole înainte apariția internetului. Astfel, savanții de la Fundația „Nikolai Haitov” au constatat că simbolul @ a fost folosit în traducerea bulgară a Cronicii bizantinului Constantin Manasses. Traducerea este făcută în Veliko Târnovo în timpul domniei țarului Ioan Alexandru (1331-1371). Cel mai elocvent însă pare a fi faptul că simbolul @ a fost folosit ca prima literă în cuvântul *amin*⁷.

Cei mai mulți sunt înclinați să creadă că adevărata istorie a lui @ ar fi una comercială, iar dacă ne gândim mai bine, istoria limbajului este și ea una „comercială”, deoarece comunicarea e negociere de sensuri. Utilizarea semnului în cauză are o istorie de cca 500 de ani, după cum susține profesorul italian Giorgio Stabile. Giorgio Stabile a găsit un dicționar latin-spaniol al lui Antonio Nebrija (Salamanca, 1492) în care *amfora* este tradus prin *arroba* (unitatea de măsură pentru greutate). Acest semn era utilizat în evidențele contabile ale negustorilor florentini (în 1536), ea reprezentând o unitate de măsură a greutateii sau a volumului sub formă de amforă (*arroba*, pentru spanioli și portughezi, termen pe care francezii l-au modificat în *arobase*), în care se transportau cerealele sau lichidele pe Marea Mediterană (capacitatea unei amfore era de 1/30 dintr-un butoi).

Manuscris din anul 1448

Ulterior în nordul Europei, pe conturi sau facturi semnul a fost adoptat cu sensul de „la prețul de”, de exemplu: „3 m de dantelă pentru doamna mea @ 50 de florentini”.

Peste câteva secole, simbolul respectiv a reintrat în conștiința omului modern, odată cu apariția primelor mașini de scris (marca Underwood), pe la 1885, când simbolul @ a fost inserat pe claviatura (QWERTY) acestora. Contabilii și comercianții au fost primii utilizatori ai mașinii de scris și ei sunt cei care au avut nevoie de un simbol care să înlocuiască prepoziția englezească *at* din simplul motiv că atingerea unei singure taste în loc de două realiza principiul economiei în scris. Deși este un semn al alfabetului latin, s-a impus la nivel mondial (rusa, japoneza sau araba și l-au însușit cu mare ușurință).

Așadar, paternitatea simbolului e încă prilej de dispută: preluat din limbajul „businessului” medieval sau din limbajul religios, acesta converge către limbajul corespondenței, migrând în limbajul scrisorii moderne (epistolar).

@ în simbolistică

Unul dintre cele mai discutate aspecte este cel legat de denumirea simbolului în diverse limbi și, respectiv, de simbolistica pe care au dezvoltat-o asemenea asocieri. Studii interesante, în acest sens, au fost efectuate prin intermediul voluntarilor-utilizatori de net⁸. Dacă denumirea oficială și cea mai frecventă a simbolului e „at comercial”, apoi în limbajul colocvial una dintre cele mai frecvente denumiri și respectiv asocieri e „(coada de) maimuță”, utilizată în română, dar și în bielorusă, bulgară, ucraineană,

poloneză, sârbă, în unele dialecte germanice; asocieri cu „(coada) de pisică” (în finlandeză), cu un „cățel” sau „câine mic” (rusă – *собачика*; după una din versiuni, se presupune că ar fi vorba de cățelul din jocul pe calculator Adventure), cu „(coada) de purcel” (în daneză); există numeroase alte asocieri – urechea de elefant (sau trompa acestuia), viermele, lipitoarea, melcul, șoarecele, broasca, rața, vârtejul de apă, strudelul, rulada, trandafirul (roza) etc. Cele mai multe asemănări cu animalele sau cu unele organe ale acestora vorbesc despre natura metaforică a limbajului uman. Multe dintre acestea au devenit simboluri și arhetipuri culturale: melcul este un simbol erotic; coada este și ea un simbol falic. Melcul, cum se știe, este un simbol al regenerării periodice, teofanie lunară (își scoate și își strânge coarnele), întruchipare a principiului feminin (cochilia) sau a ambivalenței sexuale⁹:

@ în adresa de e-mail

Consacrarea simbolului @ se datorează apariției Web-ului (în 1989), dar mai ales după ce Congresul SUA a adoptat hotărârea de a pune Internetul la dispoziția activităților comerciale (în 1992), când e-mailul a înlocuit vechea poștă în corespondența dintre corporații și firme. Ulterior, „e-mailismul” a devenit un fenomen de masă. Odată cu @, scrisoarea electronică a ajuns și ea un simbol al comunicării online, care cunoaște actualmente o amploare fără precedent. Adresa de e-mail a devenit un supranume electronic al consumatorului de internet, la fel de important ca și nickname-ul¹⁰. O listă de e-mailuri reprezintă modalitatea extraordinară a limbajului de a oferi printr-o legătură de doar câteva cuvinte (abrevieri) separate de un @ („un vierme mereu activat”) o comunitate care se află (potențial) în interacțiune. Noile tehnologii au facilitat identificarea și interconectarea comunicanților în noul spațiu electronic. O cercetare lingvistică a scrisorii electronice presupune atât produsul textual (e-mailul), cât și procesul producerii mesajului e-mailului. Adresa unui beneficiar de servicii al poștei electronice se activează rapid prin intermediul unor programe speciale pe care le oferă noile tehnologii comunicaționale. Textul de e-mail „evidențiază trei variabile pertinente în comunicare: Puterea, Distanța și Ierarhia”¹¹. E-mailul a dus la crearea mesageriei instantanee și la renașterea genului epistolar, îmbogățit azi cu toate inovațiile multimediei (audio, video, smiley-uri, linkuri etc.). Dar cea mai importantă realizare a e-mailului, implicit a simbolului @, este faptul că a scurtat fantastic distanța și timpul dintre comunicanți.

@ în lingvistică

În limbajul cotidian (online), semnul @ tinde să înlocuiască litera **a**, pentru a atrage atenția asupra unui cuvânt sau unei idei, în primul rând. Apoi se regăsește în cuvinte din titlurile unor texte care abordează tematici legate de internet: cuvinte precum *langu@ge*, *cyberl@ngue*, *cyberlimb@j* sau *@кадемия*¹² nu sunt o raritate. Îl găsim inclusiv în textul unor programe oficiale: „Programme d'éducation et formation tout au long de la vie”, în care unul dintre proiecte se numește „Virtual *Langu@ge* Learning through Edutainment Activities”¹³; *Revel@Nice* (plate-forme pépinière d'édition et de diffusion des revues et des actes de sciences humaines et sociales de l'Université de Nice-Sophia)¹⁴ etc. Adeseori diferența dintre o revistă tradițională și una electronică o face anume acest simbol intercalat în denumire: de exemplu, *M@gm@*, revue électronique trimestrielle en Sciences Humaines et Sociales, projet éditorial de l'Observatoire des Processus de la Communication, fondée et dirigée par le sociologue Orazio Maria Valastro¹⁵; NS *LANGU@GE SERVICES*¹⁶; Modern *Langu@ge*¹⁷; *@analyses*, revue de critique et de théorie littéraire¹⁸; La revue *Histoire@Politique*. Politique, culture, société¹⁹; *M@ppemonde* (revue électronique)²⁰ etc. În timp, probabil, va pătrunde în paremiologia internautică, că în orice tipuri de denumiri (companii, firme, denumiri de bloguri, site-uri, în logotipuri, pe embleme, blazoane etc.) deja a pătruns. Toată această industrie e legată de curentul lettrismului, vizualizarea limbajului fiind o componentă magistrală în conceperea lumii. Nu fiecare literă **a** din orice cuvânt va ajunge un @, bineînțeles – contextul e cel care va dicta preferința pentru acest simbol, dar cât de prolific e procedul o demonstrează o captură de ecran cu opțiunea *l@ngue* de pe Google:

Chiar dacă nu poate fi descris din punct de vedere gramatical, simbolul în cauză înregistrează o tendință tot mai puternică de „gramaticalizare”. Funcționând pe post de literă (substituit de literă), de morfem în cadrul cuvântului, calitatea sa morfologică devine în timp cea de prepoziție sau de adverb de loc). Faptul că se infiltrează și se încorporează cu atâta ușurință în structura lexemelor și chiar ca element de legătură în locul simbolului & (ampersand) (ca în exemplul de mai sus care oferă o lectură dublă: *Histoire@Politique* – citit atât *istoire politique*, cât și *istoire apolitique*) atestă clar că sistemul limbilor îl va accepta și îl va instituționaliza cu timpul. Apropos, bloggerii recomandă și o nouă denumire pentru @ în acest sens: „atpersand” (format din at + [am]persand)²¹.

În stilul colocvial al englezei online, se atestă tendința de a înlocui prepoziția *at* („la”) prin simbolul @, de exemplu, „I was @ the mall” („Am fost la mall”). Nu este exclus că și româna, în timp, va prelua, cel puțin în textul oral online, aceeași modalitate.

@ în hypertext

Internetul a creat unealta sa de comunicare – limbajul internautic. Clic pe hyperlink, în limbajul internauților, înseamnă hypertext. Consumatorii activi de internet sunt, de regulă, și utilizatori ai poștei electronice. Spre deosebire

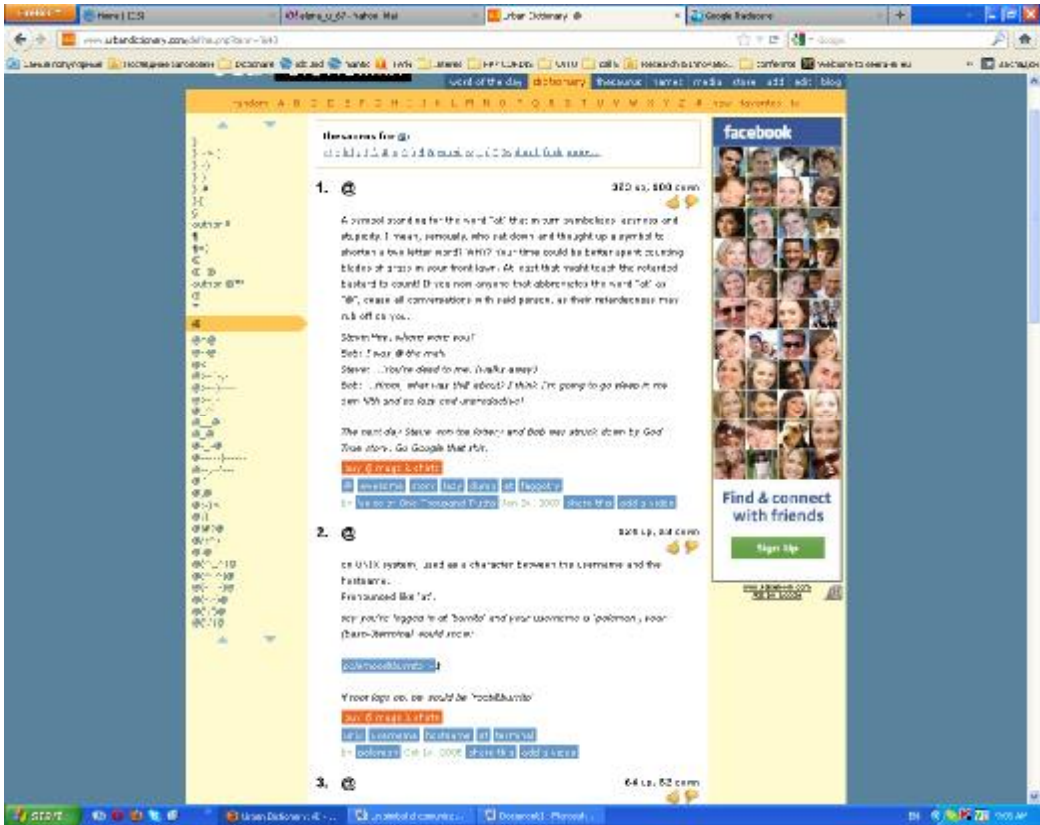
de mesaje de pe site-urile de socializare, care sunt de uz public, accesibile, în mare parte, oricui și oricând, mesajele electronice din e-mailuri pretind a fi protejate, rămânând „confidențiale”, ascunse, menite în exclusivitate unui destinatar. Cum însă hipertextul este chiar textul Internetului, @ îl găsim în adresele postate intenționat în calitate de peritext pe site-uri, bloguri, forumuri sau în ferestruici care se deschid instantaneu pentru a expedia un e-mail și toate acestea numai prin activarea unui link.

Tehnologiile electronice manipulează netățenii în procesul navigării obligându-i să accepte postura de expeditor al mesajelor (inclusiv către destinatari necunoscuți). Așadar, și în epoca tehnologiilor informaționale, suntem ceea ce citim, suntem ceea ce scriem. @ stă în toate scrierile noastre „electronice” – cuiva întotdeauna expediem textele noastre, cineva întotdeauna le preia și le citește, le re-citește, le interpretează, le re-scrie – în dialogul nesfârșit al textelor, în inter- și hipertextualitate²². Navigarea reală și cea virtuală s-au întâlnit și de astă dată: în Europa, există deja un semn rutier cu @, semnificând accesul la Internet.

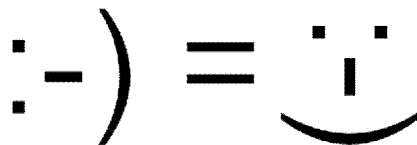
@ în slangul internautic (în dicționarele urbane)

Dicționarele urbane au sansa să devină cele mai populare dicționare, deoarece oralitatea tinde să ocupe teritorii tot mai extinse în spațiul virtual scris²³. Așa cum, “vorbitorul este măsura tuturor lucrurilor în lingvistică” (E. Coșeriu), vorbitorul-scriitorul de texte online începe să “dicteze” tot mai mult cum să se scrie și în limbajul oficial; el renunță să se conformează codului și normelor instituționalizate de academii. Așa sau altfel, dicționarele tradiționale (tipărite pe hârtie) deja se inspiră masiv din dicționarele urbane (slangul Internetului), din glosarele specializate informatice sau din enciclopediile de tip Wikipedia. Această utilizare cvasigenerală se remarcă nu doar în cazul simbolului @, dar și în cazul a numeroase alte simboluri, semne și icon-uri (a se vedea, de exemplu, cele 7 sensuri ale simbolului @ în *urbandictionary*²⁴).

@ în emoticoane și smiley-uri

Yahoo messenger a elaborat o gamă întreagă de substitute ale emoțiilor, care a fost imediat pe placul internautilor. Cel mai important dintre ele este fața cu zâmbetul exprimat. Acestea se pot împărți în două mari categorii: cele verticale și cele „culcate” lateral. Lista acestor emoticoane s-a completat cu simbolul @. Emotigramele au devenit și ele un simbol al culturii Internetului, constând în imagini de tip GIF animate sau fiind create cu ajutorul caracterelor obișnuite de tipar, care pot fi scrise cu o tastatură sau mașină de scris.

La 19 septembrie 1982 Scott E. Fahlman a propus pentru prima dată utilizarea emoticoanelor pentru a exprima emoțiile, gesturile și mimica²⁵. Ca limbaj internațional, care se dezvoltă în continuare foarte activ, au început să exprime mai mult de-atât. Pe net-ul rusesc am întâlnit chiar un Glosar standardizat în acest sens („Стандартизированный Словарь Смайлов”

(CCC) din 2002, care s-a extins de la emoții la obiecte, fenomene, animale și chiar concepte abstracte²⁶. Comunicarea electronică se deosebește prin numeroase particularități lingvistice și paralingvistice de comunicarea tradițională. Specialiștii constată că utilizarea smiley-urilor s-a dovedit a fi unul dintre cele mai prolifiche și de perspectivă procedee utilizate în spațiul tehnologico-electronic²⁷, indicând capacitatea de creolizare (condensare în imagini) a conceptelor. Textul creolizat este un text mixt, alcătuit din două componente neomogene: verbală/linguală și nonverbală (aparținând altor sisteme decât limbajul natural).

Cel mai accesat dicționar urban al limbii engleze²⁸ rezervă coloane întregi emoticoanelor alcătuite din simboluri în combinație cu semne de punctuație și alte semne grafice (de pe tastatură) – și toate acestea cu minicontextele în care au fost utilizate, cu indicarea sursei și a voluntarului care a expediat informația în corpul dicționarului, cu data când aceasta a fost expediată și respectiv înregistrată. Mai jos am selectat doar o parte (anume cele care încep cu simbolul @) cu semnificații pe care le utilizează internații. Iată unele dintre ele: *gură, ureche, creier, acoperământ al capului, față, strigăt, organ sexual, floare, floare, melc* etc.:

- @^@ - frustrare;
- @~@ - excitare; confuzie;
- @< - emoticon considerat inutil;
- @>-)---- sau ---^--@ sau @>`-,- sau @-,-,--- - trandafir;
- @}- | --- sau @}------^----- sau @};- sau @};-- - trandafir;
- @>,-; sau --;@ - trandafir în scrisoare;
- @_ ^ - ochi oboșiți de prea multă lectură pe ecranul computerului;
- @_@ - hipnotizat, amețit;
- @-----}----- - trandafir, relație, dragoste;
- @-' - floare;
- "@.. sau @~"- melc (sau `@_ în germană);
- @:) - un om fericit cu turban;
- @/:^ - emoticon popular în timpul campaniei COCO;
- @(^_^)@ sau @(^.^)@; @(- . -)@ sau @(-.)@ sau @(';')@ sau @('.)@ sau @(*_*)@ - maimuță;
- @) - ciclop;
- @@ - sarcasm, dezgust, rahat, organ sexual;
- @@}==}==-- - simboluri lipsite de sens pe calculator; nu este o pereche de trandafiri;
- @\$\$ - un substitut etic al fundului;
- @#\$% - frustrare, aroganță; substitut al unei înjurături;
- @#\$%^&* - Simboluri create ținând apăsată tasta SHIFT în timp ce tastezi 2345678, care sunt utilizate în locul unei înjurături, insulte sau prostie; un sandwich mare;
- @#\$%! - substitut al expresiilor *la naiba, la dracu* (în engl.);

Ceea ce se poate reține de aici este faptul că emoticoanele formate cu simbolul @ denumesc obiecte, persoane sau concepte, fie este o formă de evitare a cuvintelor indecente. În alte surse, @ este indicat ca fiind folosit pentru a identifica persoane publice:

@:-[--- Osama bin Laden;
 @@@@:-) - Marge Simpson;
 @(*-*)@ - Princess Leila²⁹.

Studiile comparativistice a întrebuițării emoticoanelor în diferite limbi scot în evidență specificul cultural al comunităților care recurg la anumit tip de emoticoane³⁰.

@ în alte arte

Creativitatea, ca trăsătură definitorie a limbajului (E. Coșeriu), se regăsește la toate nivelele limbajului – într-o singură literă, într-un singur cuvânt, enunț sau în întreg megatextul Internetului, care se adună neconținut în noul mediu virtual. În pictură, modă (vestimentară, arhitecturală sau culinară), în design sau sculptură, @ deja reprezintă un subiect foarte explorat. De exemplu, Muzeul de Artă Modernă din New York i-a dedicat o expoziție internațională, ca un omagiu adus economiei și eleganței extraordinare³¹.

Din limbajul corespondenței virtuale oficiale simbolul pătrunde masiv în limbajul uzual și în limbajul artistic. Un exemplu clasic a devenit în 2006 bestsellerul „Gut gegen Nordwind” al lui Daniel Glattauer („Când bate vântul de nord”), tradus în română cu titlul „Dragoste virtuală”), al cărui subiect se bazează pe corespondența virtuală dintre doi îndrăgostiți. „Dialogul-conversația-cuvintele fac totul. Nu vom reuși niciodată să ne cunoaștem dacă nu comunicăm suficient. Cartea aceasta, relația dintre Leo și Emmi, este o lecție de comunicare”³². Simbolul @ al acestei povești este, în cele din urmă, simbolul tuturor relațiilor interumane, fericite sau ratate.

În loc de concluzii

Pe de o parte, apariția și utilizarea simbolului @ este considerată drept o manifestare a creativității în spațiul online, iar pe de alta, utilizarea abuzivă și fără discernământ a acestuia este asociată cu lenevia și prostia omenească. De altfel, limbajul se dezvoltă și din cauza lenei de a-l practica, iar surplusul naște desemantizarea și resemantizarea, acestea devenind niște automatisme – procese care se desfășoară continuu și intermitent, chiar de la apariția respectivului simbol. Acest fenomen mai rămâne discutat în contradictoriu – de la extaz până la accente schizofrenice³³. Chiar dacă se afirmă că „Virtuțile atribuite cu emfază de către unii cyberscrierii (suplețe în comunicare, propețime și originalitate de expresie), potențial benefice pentru dinamica globală a limbii, rămân totuși iluzorii și marginale, pentru că scrierea telematică se cantonează într-un nivel restrâns al comunicării, mult prea diferit de codul general de comunicare lingvistică”³⁴, utilizarea semnelui @ e modernă, totodată antimodernă și postmodernă, trăsături proprii, de altfel, și Internetului, dar și comunicării online pe care o acesta a generat-o. Simbolului @ nu i se pot neglija caracteristici precum economia, sugestivitatea, practicisul, reproductibilitatea. În spațiul online acesta e simbol al începutului, al deschiderii, al continuității, al legăturii/conexiunii. Dacă e să-l cităm aici pe Velimir Hlebnikov (o minte extrem de lucidă la vremea sa), „limbajul transrațional reprezintă viitoarea limbă universală în germene. Numai ea ar putea uni oamenii. Pentru că limbile raționale deja îi dezbină”³⁵. În spațiul virtual creativitatea se manifestă mai pregnant ca niciodată. Fiecare semn al acestui nou spațiu are acum șansa să „cuprindă universul”, deoarece „toată varietatea de cuvinte purcede din fonemele fundamentale ale alfabetului, echivalente cu semințele limbajului”³⁶ (Același Hlebnikov, de altfel, avea să prezică apariția Internetului în impresionantul său eseu „Радио будущего”³⁷). Mișcându-se rapid și sigur, aici și acum, din toate e-mailurile expediate vreodată, către toți netășenii Internetului – simbolul @ se transformă în unul universal, constituindu-se într-un „digitem” care unește limbile lumii.

Note

¹Chandler, 1994; Степанов, 1971; Sebeock, 2002.

²Mladin, 2008, p. 239-240.

³<http://www.dexonline.news20.ro/cuvant/arond.html>.

⁴Марченко, 2008.

⁵Dejond, 2002.

⁶<http://ru.wikipedia.org/wiki/@>

⁷<http://www.cluj-am.ro/international/bulgarii-revendica-simbolul-.html>

⁸<http://linguistlist.org/issues/7/7-968.html>

⁹Evseev, 1994, p. 105.

¹⁰Ungureanu, 2011, p. 269-279.

¹¹Grigoraș, <http://ebooks.unibuc.ro/filologie/dindelegan/40.pdf>, p. 6.

¹²Dejond, 2002; Mladin, 2008.

¹³http://eacea.ec.europa.eu/llp/ka2/documents/Ka2_fr_2008.pdf, p. 18.

- ¹⁴<http://revel.unice.fr/>
- ¹⁵http://www.analisiqualitativa.com/magma/projet_editorial.htm
- ¹⁶http://www.nslanguageservices.com/home/ns_lang.php
- ¹⁷<http://modernlanguage.net/sitema1/91-approchelayout12/24-vivezvotreinternet01.html>
- ¹⁸<http://www.revue-analyses.org/>
- ¹⁹<http://www.histoire-politique.fr/index.php?numero=16&rub=revue>
- ²⁰<http://mappemonde.mgm.fr/>
- ²¹<http://www.urbandictionary.com/define.php?term=%40>
- ²²Гипертекст как объект лингвистического исследования, 2011, http://www.стройков.рф/file/xn--b1andocigi_x/hypertext2.pdf
- ²³Mladin.
- ²⁴<http://www.urbandictionary.com/define.php?term=%40>
- ²⁵<http://www.membrana.ru/particle/2318>
- ²⁶<http://soleil.nm.ru/SED.html>
- ²⁷Шепунова, 2006, <http://www.tatyanabarlas.narod.ru/diplom/Shepunova3.html>;
Аврамова, 2005 <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/91725.html>
- ²⁸<http://www.urbandictionary.com/>
- ²⁹Студенческие научные тетради, 2008.
- ³⁰*ibidem*, p. 3-38.
- ³¹Golea, <http://www.romanalibera.ro/timpul-liber/timp-liber/simbolul-erei-internetului-a-devenit-rta-182705.html>
- ³²<http://www.babelio.com/livres/Glattaue-Quand-souffle-le-vent-du-nord/172011>
- ³³<http://yatsutko.livejournal.com/2444210.html>; <http://smiled.ru/>
- ³⁴Mladin, 2008, p. 245.
- ³⁵Hlebnikov, 2003, p. 111.
- ³⁶*ibidem*, p. 105.
- ³⁷Хлебников, <http://www.rvb.ru/hlebnikov/tekst/06teor/272.htm>

Referințe bibliografice

CHANDLER, Daniel. *Semiotics for Beginners*; <http://www.aber.ac.uk/media/Documents/S4B/semiotic.html> (varianta tradusă a documentului *Semiotica pentru începători* se găsește la adresa <http://www.hydrop.pub.ro/cap222.pdf>) [=Chandler].

DEJOND, Aurélie. *La cyberl@ngue française*. La Renaissance du Livre, 2002 [=Dejond, 2002].

EVSEEV, Ivan. *Dicționar de simboluri și arhetipuri culturale*. Timișoara: Ed. Amarcord, 1994 [=Evseev, 1994].

GOLEA, Manuela. *Simbolul erei internetului a devenit @rtă*; <http://www.romanalibera.ro/timpul-liber/timp-liber/simbolul-erei-internetului-a-devenit-rta-182705.html> [=Golea].

GRIGORAȘ, Stanca Măda. *Puterea limbajului, între teorie, metodă și politică*; <http://ebooks.unibuc.ro/filologie/dindelegan/40.pdf> [=Grigoraș]

HLEBNIKOV, Velimir. *Temeiul nostru* // Ochii din orbita rănilor. Poeme, eseuri. Versiune românească, prefață, tabel cronologic și note de Leo Butnaru. Chișinău: Ed. Știința, 2003 [=Hlebnikov, 2003].

MLADIN, Constantin-Ioan. *O perspectivă sociolingvistică asupra primului nostru dicționar urban. Reflecții lexicologice și aprecieri lexicografice*, http://www.upm.ro/facultati_departamente/stiinte_litere/conferinte/situl_integrare_europeana/Lucrari2/Constantin-Ioan%20Mladin.pdf [=Mladin1].

MLADIN, Constantin-Ioan. *Spre o recodare a modului de comunicare scripturală. Sau despre tirania democratică a cyberlimb@jului*; http://academiaronana-is.ro/phillippide/distorsionari_2008/237-248%20MLADIN_RED.pdf [=Mladin2].

SEBEOCK, Thomas A. *Semnele: o introducere în semiotică*. Traducere din engleză după ediția a II-a definitivă de Sorin Mărculescu. București: Humanitas, 2002 [=Sebeock, 2002].

UNGUREANU, Elena. *Numele de societate și numele virtual (nickname-ul)* // „Numele și numirea”. Actele Conferinței Internaționale de Onomastică. Ediția I: Interferențe multi-etnice în antroponomie. Baia Mare, 19-21 septembrie 2011. Editor Oliviu Felecan. Cluj-Napoca: Editura MEGA, 2011. P. 269-279 [=Ungureanu, 2011].

АВРАМОВА, А.Г. *Лингвистические особенности электронного общения: На материале французского, английского и русского языков*: Дис. ... канд. филол. Наук. Москва, 2005 // <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/91725.html> [=Аврамова, 2005].

Гипертекст как объект лингвистического исследования // Материалы II международной научно-практической конференции, 18–20 октября 2011 / отв. Редактор С.А. Стройков. Самара: ПГСГА, 2011; http://www.стройков.рф/file/xn--blandocigi_x/hypertext2.pdf [=Гипертекст..., 2011].

МАРЧЕНКО, И.А. *Применение интернет-энциклопедии «Википедия» («Wikipedia») в изучении научно-технической терминологии и при научно-техническом переводе*; ilyam.org/March_13_2008_IM_Using_Wikipedia_in_Learning_Languages_of_ST_and_in_Translation_37_IPC_paper.pdf [=Марченко].

СТЕПАНОВ, Юрий. *Семиотика*. Академия Наук СССР, Институт языкознания. Москва: Издательство «Наука», 1971; <http://lib.vvsu.ru/books/semiotika1/page0007.asp> [=Степанов, 1971].

Студенческие научные тетради. Выпуск 1: Эмотиконы, «смайлики». Сборник рабочих материалов / Науч. рук. и отв. ред. И.В. Шишканов. Москва, 2008 [=Студенческие..., 2008].

ХЛЕБНИКОВ, Велимир. *Радио будущего*; <http://www.rvb.ru/hlebnikov/tekst/06teor/272.htm> [=Хлебников].

ШЕПУНОВА, Елена. *Социолингвистический феномен смайлика как интегратор систем коммуникативного аспекта общения*, Москва; <http://www.tatyanabarlas.narod.ru/diplom/Shepunova3.html> [=Шепунова].

МЕТАФОРЫ В ДИСКУРСЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ВИРУСОЛОГИИ

Екатерина ИСАЕВА,

соискатель

(Пермский государственный национальный исследовательский университет, Россия)

Rezumat

În articol, abordăm problema metaforelor în discursul care poartă asupra virusilor de calculator.

Cuvinte-cheie: *metaforă, discurs, virus, calculator.*

Исследование представленное в этой статье выполнено в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы современной лингвистики. Мнение, что в основе когнитивной лингвистики лежит изучение человеческой мыслительной деятельности, ярко представлена в работе Фоконье и Тернера “The Way We Think”¹. При этом многие специалисты в области когнитологии подчеркивают необходимость рассмотрения взаимосвязи мысли и языка. Основная идея когнитивной лингвистики заключается в том, что важнейшие элементы языка, такие как метафора и метонимия, непосредственно связаны с мышлением, что подразумевает порождение данных феноменов, как результат когнитивных процессов². Основанием данного подхода можно считать развитие теории об условных метафорических конструкциях в человеческом восприятии, представленной Дж. Лакоффом и М. Джонсоном в книге «Метафоры, которыми мы живем»³. Эти условные метафорические конструкции в восприятии называются концептуальными метафорами, которые представляют собой когнитивное отображение концептуального домена-источника в концептуальном целевом домене. Важно отметить, что данная теория концептуальной метафоры основывается на лингвистических данных.

С тех пор как Дж. Лакофф и М. Джонсон доказали, что метафора является неотъемлемым элементом языка и мышления, важнейшей задачей исследования метафоры является достоверная идентификация и анализ метафорического языка в естественно возникших лингвистических данных нежели в искусственно созданных изолированных примерах⁴. Антропоцентрический подход, характерный для современной лингвистики, является основанием для возросшей тенденции рассмотрения метафоры в дискурсе. По определению С.Л. Мишлановой, «дискурс представляет собой вербально опосредованную деятельность в специальной сфере»⁵ и включает в себя текст и экстралингвистические данные. Данный подход позволяет реализовать важный принцип когнитивной лингвистики, провозгласивший метафору элементом мышления, который может выражаться не только с помощью языковых средств, но

и других способов кодирования информации, таких как визуальные данные, жесты и мимика, музыка⁶. Следует заметить, что концепты также фигурируют не в изоляции, а на фоне ситуаций и событий⁷. В любой момент восприятия некоего объекта, человек получает информацию о пространстве, окружающем его, включая агенты, объекты, и события текущего момента⁸. Концепты носят динамический характер, так как они функционируют в рамках динамического контекста, определяющего тип действия участниками которого они являются. Попытки, предпринимаемые для генерализации концептов, имеющих схожее семантическое значение, приводят к определению зоны конвергенции, поддерживающей согласованную активизацию репрезентативности семантических категорий в различных модальностях⁹.

Лаборатория Метафоры Свободного университета Амстердама проводит комплексное трехмерное исследование метафоры по следующим направлениям: лингвистическое, концептуальное и коммуникативное. Лингвистическое направление разделяет метафору на прямую и непрямую. Характерной чертой прямой метафоры является то, что концептуальный домен-источник представлен в тексте напрямую, а не имплицитно, как в непрямой метафоре, а прямые концептуальные структуры интегрируются в целевой домен, но при этом сохраняют свою автономность¹⁰.

Концептуальное направление рассматривает феномен новизны и конвенциональности метафоры, а коммуникативное разделяет метафору на намеренную и ненамеренную¹¹. О конвенциональности лингвистической метафоры может сигнализировать ее представленность в современном лингвистическом толковом словаре, например, **“Longman Dictionary of Contemporary English”**. Конвенциональные концептуальные метафоры отличаются «укоренившимся в индивидуальных ментальных энциклопедиях отдельных носителей языка статусом со ссылками на их ментальные словари и грамматические системы»¹². Наиболее типичным набором признаков обладают ненамеренные, конвенциональные, не прямые метафоры¹³.

Следует отметить, что концептуальное отображение домена-источника на целевой домен имеет место, если метафора не является конвенциональной, а так же в случае с прямой или намеренной метафорой, когда автор целенаправленно направляет адресата обратиться к домену-источнику. Репрезентация конвенциональных не прямых ненамеренных метафор происходит напрямую из долговременной памяти носителя языка без обращения к домену-источнику, т.к. соответствующие структуры уже существуют в

концептуальной системе индивида и они могут быть непосредственно достигнуты и активированы в процессе порождения/восприятия текста.

Объектом нашего исследования является концепт *компьютерный вирус* в дискурсе компьютерной вирусологии. Материалом исследования послужили тексты корпуса современного американского английского языка “**The Corpus of Contemporary American English**” (ССАЕ). Данный корпус является общедоступным для поиска электронным онлайн-корпусом письменных текстов различных жанров и записей устных текстов периода **1990–2011** гг., включающим **425** миллионов слов. На материале текстов ССАЕ были рассмотрены примеры контекстуального употребления лексической единицы «компьютерный вирус».

Процесс идентификации лингвистических метафорических единиц в дискурсе компьютерной вирусологии основывался на процедуре **MIP (Metaphor Identification Procedure)**, разработанной группой исследователей **Pragglejaz Group** Свободного университета Амстердама под руководством Г. Стейна¹⁴, впоследствии усовершенствованной и преобразованной Лабораторией Метафоры Свободного университета Амстердама в **MIPVU**¹⁵. В основе «Процедуры идентификации метафоры» лежит эксплицитный и надежный метод определения лингвистических метафор в тексте. Процедура идентификации включает следующие основные этапы: чтение текста/дискурса и достижение общего понимания; выделение лексических единиц текста/дискурса для последующего анализа; определение контекстуального значения данных лексических единиц; определение современного базового значения данных лексических единиц, выявление его соответствия и соотношения с представленным контекстуальным значением; в случае выявления несоответствия базового и контекстуального значений лексической единицы, при котором контекстуальное значение может быть установлено в сравнении с базовым, данная лексическая единица считается метафорической¹⁶.

Для определения контекстуального и базового значения лексических единиц были использованы ряд аутентичных английских электронных толковых словарей, таких как “**Macmillan Dictionary**”, “**Longman Dictionary of Contemporary English**”, “**The American Heritage Dictionary**” и “**Computer User Dictionary**” (электронный толковый словарь компьютерных терминов), опирающихся на массивные корпусные базы.

В результате корпусного анализа был составлен конкорданс, включающий **112** примеров контекстуального употребления

лексической единицы *компьютерный вирус*. В соответствии с представленными этапами процесса идентификации лексической метафоры, в предмет исследования, были включены те слова, которые выявили несоответствие базового и контекстуального значения, и которые в контексте с лексической единицей *компьютерный вирус* вызывают концептуальное отображение или метафорическое сравнение посредством обращения к индивидуальным ментальным словарям.

Рассмотрим пример использования процедуры идентификации метафоры (MIPVU):

1. Прочтение текста:

“Also a lot of intensive negotiations trying to get those seven truck drivers, three from Kenya, three from India and another one from Egypt as well, trying to get those freed, although no positive developments to report at this stage. Drew GRIFFIN All right. Matthew Chance live in Baghdad this morning, thank you very much. A new and sinister *computer virus is worming its way around* the Internet and it's attaching its name to CNN. Notes on several Internet message boards claimed CNN has picture proof of Osama bin Laden's suicide. We don't but once the users open up a file to look at the pictures supposedly, a virus is unleashed”.

2. Определение лексических единиц, составляющих данный текст.

На данном этапе процедура была преобразована согласно цели исследования, не требующей рассмотрения всех минимальных лексических единиц составляющих данный текст, а предполагающей выявление метафорического фокуса, вызывающего семантическое напряжение в рамках контекстуального окружения лексической единицы *компьютерный вирус*. В представленном примере метафорическим фокусом является предикативная лексическая единица **warm**.

3. Определение базового и контекстуального значений. Для данной лексической единицы (**warm**) при помощи выше указанных словарей были найдены базовое и контекстуальное значения:

- базовое значение - **to make (one's way) with the sinuous crawling motion of a worm** («American Heritage Dictionary»);
- контекстуальное значение - **to work (one's way or oneself) subtly or gradually; insinuate** («American Heritage Dictionary”).

4. Дифференциация контекстуального и базового значений дает основание рассматривать лексическую единицу **warm** как лингвистическую метафору.

Процедура MIPVU позволила выделить 44 лингвистических метафор в представляющих концепт *компьютерный вирус*, что составляет 39.3% от общего количества контекстов, извлеченных путем корпусного

анализа. При последующей обработке лексического материала был использован метод метафорического моделирования, разработанный С.Л. Мишлановой¹⁷. В основе данного метода лежит прием таксономической категоризации.

На основе данных корпусного анализа была составлена метафорическая модель «компьютерный вирус», являющаяся репрезентацией домена-источников «Человек» (95.5%) и «Природа» (4.5%), и представляющая собой таксономическую структуру, включающую базовые таксоны «человек как социальный субъект» (43.2%), «человек как биологическое существо» (54.6%) и «животное» (2.2%). В результате были выделены наиболее репрезентативные области доменов-источников:

- (1) *болезни* (27.3%), представленные лингвистическими метафорами: ***crippling, to succumb, infected***;
- (2) *боевые действия* (15.9%): ***to attack, to strike, to defeat***;
- (3) *жизненный цикл* (6.8%): ***to bear, to develop, to replicate*** (6.8%);
- (4) *движения и положения* (6.8%): ***to worm, to float, to release***.

Типичными признаками лингвистических метафор репрезентирующих концептуальную метафору *компьютерный вирус* являются новизна, ненамеренность, имплицитность. Конвенциональные метафоры (такие как ***infected, global***), точное контекстуальное значение которых отражает дискурсивные особенности и зафиксировано в словаре, менее частотны, что обусловлено сравнительной новизной области науки «компьютерной вирусологии». Данное заключение дает основание полагать, что неотъемлемым механизмом освоения специального знания области компьютерной вирусологии является когнитивное отображение концептуальных доменов-источников на целевой домен.

Метафора, являющаяся универсальным инструментом овладения специальным знанием, позволяет получить наивное представление о вредоносной компьютерной программе. Концепт *компьютерный вирус* представляет собой совокупность знаний о природе и человеке, как биологическом и социальном существе, зафиксированных в ментальных энциклопедиях, содержание которых динамично и обусловлено личным опытом индивидов. Так наиболее репрезентативный слот *болезнь* метафорической модели *компьютерный вирус* отражает ненаучное представление о внедрении вредоносной программы в компьютерную систему, аналогичном тому, как биологический вирус поражает человеческий организм. Наивное знание о деструктивных возможностях компьютерных вирусов представлено такими лингвистическими метафорами, как ***debilitating*** (=making someone physically or mentally weak (“Macmillan Dictionary”)),

deadly (=able or likely to kill people (“Macmillan Dictionary”)), **crippling** (=making someone physically disabled, especially unable to walk (“Macmillan Dictionary”)), а способы заражения и степень распространения выражены следующими метафорами: **infected** (=containing bacteria or other substances that cause disease), **to transmit** (=to spread a disease from one person to another), **spread** (=if a disease spreads, or if something spreads it, it affects more people as it is passed from one person to another), **epidemic** (=a situation in which a disease spreads very quickly and infects many people). Метафорическая модель *компьютерный вирус* включает в себя слот *война*, репрезентирующий знания об отношениях референтов, перенесенные из домена-источника «война», о чем свидетельствует присутствие таких метафорических лексических единиц как **to strike** (=to deliberately hit someone or something with your hand or a weapon (“Macmillan Dictionary”)), **to plant** (=if someone plants a bomb, they hide it where they want it to explode (“Macmillan Dictionary”)), **to launch** (=to start a major activity such as a military attack (“Macmillan Dictionary”)). Таксономическая категория *жизненный цикл* отражает ненаучное представление о разработке вредоносного компьютерного кода и включает в себя следующие метафорические единицы: **born** (=brought into life by birth (“American Heritage Dictionary”)), **develop** (=if people, animals, or plants develop, they change or grow as they get older (“Macmillan Dictionary”)), **replicate** (=if a virus or a molecule replicates, or if it replicates itself, it divides and produces exact copies of itself (“Longman Dictionary of Contemporary English”)). Ненаучное представление о способах функционирования вирусной программы внутри электронной системы отражено в лингвистических метафорах **to worm** (=to make one's way with the sinuous crawling motion of a worm (“American Heritage Dictionary”)), **to float** (=to rest or move slowly on the surface of a liquid and not sink (“Macmillan Dictionary”)), отнесенных к таксономической категории *движения и положения*. Механическая природа компьютерного вируса, выступающего в роли инструмента или средства транспортировки вредоносного кода выражена в дискурсе компьютерной вирусологии лингвистическими метафорами **to calibrate** (=to mark an instrument or tool so that you can use it for measuring (“Macmillan Dictionary”)), **to deliver** (=to take something, especially goods or letters, to a place (“Macmillan”)), **to crash** (=if someone crashes a moving vehicle, they hit something with it, causing damage (“Macmillan Dictionary”)). Концепт *компьютерный вирус* включает в себя представление о создании вредоносного программного обеспечения, как о творческом процессе, выраженное метафорическими единицами **to write** (=to use a pen to make words, numbers, or symbols (“Macmillan Dictionary”)), **writer** (=someone who writes books, stories etc, especially as a

job (“Macmillan Dictionary”)), *to concoct* (=to produce something unusual by mixing things in a new way, especially a drink or meal (“Macmillan Dictionary”)).

На данном этапе развития области специального знания «компьютерная вирусология» метафоре отводится важная роль концептуализации и категоризации нового знания¹⁸, опирающаяся на предшествующий опыт субъекта когнитивного процесса. Структура концепта «компьютерный вирус» является иерархической системой, фиксирующей ненаучное представление о компьютерном вирусе, особенностях его функционирования и способах борьбы с данной злонамеренной программой.

Примечания

¹Fauconie *et alii*, 2002.

²Langacker, 1991.

³Lakoff *et alii*, 1980.

⁴Dorst *et alii*, 2011.

⁵Мишланова, 2002.

⁶Langacker, 1987.

⁷Barsalou, 2003.

⁸Barsalou, 2009, p. 1283.

⁹Patterson *et alii*, 2007, p. 977.

¹⁰Steen, 2008, p. 11.

¹¹Steen, 2008.

¹²Steen, 2007, p. 231.

¹³Steen, 2008.

¹⁴Pragglejaz Group, 2007.

¹⁵Steen, 2010.

¹⁶Pragglejaz Group, 2007.

¹⁷Мишланова, 2002.

¹⁸Мишланова *et alii*, 2008.

Использованная литература

BARSALOU L. W. *Situated Simulation in the Human Conceptual System // Language and Cognitive Processes*, 18, 2003. P. 513–62 [=Barsalou, 2003].

BARSALOU, L. W. *Simulation, Situated Conceptualization, and Prediction // Philosophical Transactions of the Royal Society B*, 2006. C. 1281–1289 [=Barsalou, 2006].

DORST, A.G., MULDER, G., STEEN, G. J. *Recognition of Personification in Fiction by Non-expert Readers // Metaphor and the Social World*, 1-2, 2011. P. 174–201. DOI 10.1075/msw.1.2.04dor ISSN 2210–4070/E-ISSN 2210–4097 с John Benjamins Publishing Company [=Dorst *et alii*, 2011].

FABER, Pamela. *The Dynamics of Specialized Knowledge Representation: Simulational Reconstruction or the Perception–action Interface // Terminology* 17. № 1. January 1, 2011. P. 9-29 // <http://dx.doi.org/10.1075/term.17.1.02fab> [=Faber, 2011].

FAUCONIE, G., TURNER, M. *The Way we think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities*. New York: Basic Books, 2002 [=Fauconie *et alii*, 2002].

LAKOFF, G., JOHNSON, M. *Metaphors we live by*. Chicago: Chicago University Press, 1980 [=Lakoff *et alii*, 1980].

LANGACKER, R. W. *Foundations in Cognitive Grammar*. Vol. I: *Theoretical Prerequisites*. Stanford: Stanford University Press, 1987 [=Langacker, 1987].

LANGACKER, R. W. *Foundations in Cognitive Grammar*. Vol. II: *Descriptive Application*. Stanford: Stanford University Press, 1991 [=Langacker, 1991].

МИШЛАНОВА, С.Л. *Метафора в медицинском дискурсе*. Пермь: Изд.-во ПГУ, 2002 [=Мишланова, 2001].

МИШЛАНОВА С.Л., УТКИНА, Т.И. *Метафора в научно-популярном медицинском дискурсе. (семиотический, когнитивно-коммуникативный, прагматический аспекты)*. Пермь, 2008 [=Мишланова *et alii*, 2008].

PATTERSON, K., NESTOR, P. J., ROGERS, T. T. *Where do you know what you know? The Representation of Semantic Knowledge in the Human Brain //Nature Reviews Neuroscience*, 8, 2007. P. 976–988 [=Patterson *et alii*, 2007].

PRAGGLEJAZ GROUP. *MIP: A Method for Identifying metaphorically used Words in Discourse //Metaphor and Symbol*, 22(1), 2007. P. 1-39 [=Pragglejaz Group, 2007].

STEEN, G. J. *When is Metaphor Deliberate? //Second Metaphor Festival*. Stockholm, 2008 [=Steen, 2008].

STEEN G. J. *The Paradox of Metaphor: Why we need a three Dimensional Model of Metaphor //Metaphor and Symbol*, 23(4). P. 213-241.

STEEN, G. J. *Finding Metaphor in Grammar and Usage: A Methodological Analysis of Theory and Research*. Amsterdam: John Benjamins.

NAMES OF SAINTS, PROTECTING PEOPLE FROM DISEASES AND HEALTH PROBLEMS, LATIN BY ORIGIN

Gergana ATANASOVA PETKOVA,

Assistant Professor,

(Paisii Hilendarski University of Plovdiv, Bulgaria)

Abstract

The research object of the present text is the names of saints, protecting people from diseases and health problems, and which are Latin by origin. The observation is implemented on the corpus of 41 names of saints and their variants, 29 of which are masculine by gender, and 12 are feminine.

These names are classified in several major groups in accordance to the type of disease and health problem, i. e. a thematical group, and in accordance to the type of the appellative as a part of speech and the principles of derivation used in the process of coining the examined anthroponyms.

Keywords: *names of saints, to protect, diseases, health problems, corpus.*

The research object of the present text is the names of saints, protecting people from diseases and health problems, and which are Latin by origin.

The observation is implemented on the corpus of forty-one names of saints and their variants, twenty-nine of which are masculine by gender, and twelve are feminine. As a main source of information about the basic classification in accordance to the type of disease and health problem, whose name is with a Latin origin, is used the Russian site <http://kurufin.ru/>. They are also classified according to the type of the appellative as a part of speech, used in the process of their forming, i. e. if it is a noun, adjective, etc., and to the principles of derivation, i. e. if the name is coined from the form for Nom. sg. of the appellative or from its working base. In order the information, presented in these classifications, to be complete, some additional sources are also used and their complete list is given in *References*.

1. Names of saints classification in accordance to the diseases and health problems

1.1. Masculine names of saints protecting people from diseases and health problems

There are masculine names of saints protecting people from all the diseases or health problems. For example, *Maurus*.

But there are masculine names of saints protecting people only from one or some diseases or health problems:

- (1) from alcoholism: *Bonefatius/Bonifacius, Urbanus*;
- (2) from podagra: *Maurus*;
- (3) from plague: *Sebastianus, Valentinus*;
- (4) from cancer: *Peregrinus*;
- (5) from AIDS: *Peregrinus*;
- (6) from fever: *Claudius/Clodius, Cornelius*;

- (7) from hernia: **Albanus**;
- (8) from calculi in ren/rens: **Benedictus**;
- (9) from calculi and sand in ren/rens: **Albanus**;
- (10) from lombargo: **Laurentius**;
- (11) from infertility: **Antonius**;
- (12) from toothache: **Caius/Cajus/Gaius**;
- (13) from drug addiction: **Maximilian**;
- (14) from faints: **Urbanus, Valentinus**;
- (15) from spasms, convulsions: **Mauricius/Mauritius**;
- (16) from intoxication: **Amabilis, Benedictus**;
  - (a) for example, from the intoxication caused by snake-biting: **Amabilis, Hilarius, Patricius/Patritius, Vitus**;
- (17) from eye diseases: **Augustinus, Felix, Laurentius, Longinus**;
  - (a) for example, from myopia: **Clarus**;
- (18) from mental diseases: **Amabilis**;
  - (a) for example, from epilepsy: **Albanus, Cornelius, Sebastianus, Valentinus, Vitus**;
- (19) from skin diseases: **Benedictus, Peregrinus**;
  - (a) wounds, ulcers: **Peregrinus**;
  - (b) eczemas: **Antonius**;
- (20) from ear diseases: **Cornelius**;
  - (a) for example, from deafness: **Franciscus**;
- (21) from gastrointestinal problems: **Bonaventura**;
- (22) from infectious diseases: **Sebastianus**;
- (23) from throat problems:
  - (a) sore throat: **Blasius**;
  - (b) cough: **Quintinus**;
  - (c) pertussis: **Blasius**;
  - (d) choking caused by bone in the throat: **Blasius**;
  - (e) hoarseness: **Maurus**.

1.2. Masculine names of saints protecting people from different kinds of epidemics

There are masculine names of saints protecting people from different kinds of epidemics, for example, **Agricola**.

1.3. Feminine names of saints protecting people from diseases and health problems

There are feminine names of saints protecting people from all the diseases or health problems. For example, *Iuliana/Juliana*.

But there are feminine names of saints protecting people only from one or some diseases or health problems:

- (1) from fever: *Petronilla*;
- (2) from headache: *Bibiana/Viviana*;
- (3) from infertility: *Felicitas*;
- (4) from dysentery: *Lucia*;
- (5) from bleeding: *Lucia*;
- (6) from sleepwalking: *Christina*;
- (7) from hangover: *Bibiana/Viviana*;
- (8) from mental diseases: *Bibiana/Viviana, Christina*;
- (a) for example, from epilepsy: *Bibiana/Viviana*;
- (9) from eye diseases: *Clara, Lucia*;
- (a) for example, from blindness: *Lucia*.

1.4. Feminine names of saints protecting pregnant women

There are feminine names of saints protecting pregnant women, for example *Silvia*.

1.5. Feminine names of saints protecting from infant spasms, convulsions or mortality

There are feminine names of saints protecting from infant spasms, convulsions or mortality, for example *Scholastica, Iulitta/Julitta, Nona/Nonna, Felicitas, Francisca*.

2. Names of saints classification according to derivation models or etymology

According to derivation there are:

- (a) masculine names derived from a noun: *Agricola* (< *agricola* - “farmer”¹), *Augustinus* (< *Augustus* (< *augustus* - “great”²), *Clarus* (< *Clara*³), *Laurentius* (< *Laurentum* - a name of a town in Ancient Italy⁴), *Peregrinus* (< *peregrinus* - “traveler, pilgrim”⁵);
- (b) feminine names derived from a noun: *Bibiana/Viviana* (< *Bibianus/Vivianus* (< *vivus* - “alive”), *Christina* (< *Christinus* (< *christianus* - “Christian”), *Felicitas* (< *felicitas* - “happiness”), *Francisca* (< *Franciscus*), *Iuliana/Juliana* (< *Iulianus/Julianus* (< *Iulius/Julius* < *ἰουλος* - “curly”), *Iulitta/Julitta* (< *Iulia/Julia* (< *Iulius/Julius*), *Lucia* (< *Lucius* (< *lux* - “light”), *Petronilla* (< *Petronius* (< *petro* - “yokel, bumpkin” or from *πέτρα* *πέτρος* - “stone, rock”), *Scholastica* (< *scholasticus* - “rhetorician”);
- (c) masculine names derived from an adjective: *Albanus* (< *Albanus* - “from Alba”⁶), *Amabilis* (< *amabilis* - “kind, amiable”⁷), *Claudius/Clodius* (< *claudus* - „lame”⁸), *Felix* (< *felix* - “lucky, happy”⁹), *Franciscus* (<

- Franciscus* – “Frenchman”¹⁰), *Hilarius* (< *hilaris* – “merry”¹¹), *Longinus* (< *longus* – “long”¹²), *Patricius/Patritius* (< *patricius* – “noble”¹³), *Quintinus* (< *Quintus* (< *quintus* – “fifth”) ¹⁴), *Sebastianus* (< *Sebastianus* – “from *Sebastus*”¹⁵), *Urbanus* (< *urbanus* – “city”¹⁶);
- (d) feminine names derived from an adjective: *Clara* (< *clara* – “clear, bright”);
- (e) masculine names derived from a participle: *Valentinus* (< *valens* – “strong, sound, vivid”¹⁷);
- (f) masculine names derived from a combination between an adjective and a noun: *Bonaventura* (< *bona* – “good” and *ventura* – “chance, fate”¹⁸), *Bonifatius/Bonifacius* (< *bonum* – “good” and *fatum* – “destiny”¹⁹);
- (j) masculine or feminine names derived from the form for Nom. sg. of the Latin appellative: *Agricola*, *Albanus*, *Amabilis*, *Bonaventura*, *Felix*, *Franciscus*, *Hilarius*, *Patricius/Patritius*, *Peregrinus*, *Sebastianus*, *Urbanus*, *Clara*, *Felicitas*;
- (h) masculine or feminine names derived from the working base, i. e. the form for Gen. sg. without the case ending, of the Latin appellative: *Augustinus*, *Bonifatius/Bonifacius*, *Clarus*, *Claudius/Clodius*, *Laurentius*, *Longinus*, *Quintinus*, *Valentinus*, *Vitus*, *Bibiana/Viviana*, *Christina*, *Francisca*, *Iuliana/Juliana*, *Iulitta/Julitta*, *Lucia*, *Petronilla*, *Scholastica*.

According to etymology there are:

- (a) masculine or feminine names with more than one etymology: *Antonius* (with an Etruscan origin with unknown meaning or with a Greek origin, derived from *ανθος* – “flower”²⁰ or from *αντέω* (<*αντιάω* < *αντιάω* – “take part”²¹), *Benedictus* (< *benedictus* – “blessed”²² or from *benedico* – “talk good things about someone”²³), *Blasius* (< *blaesus* – “mumbling”²⁴, from *blatio* – “babble”²⁵ or from the Greek *βλάσιος* – “bowlegged”²⁶), *Cornelius* (< *cornu* – “horn”²⁷ or from *cornum* – “strawberry”²⁸), *Mauricius/Mauritius* (< *Maurus*²⁹ or from *mauricius* – “Moorish”³⁰), *Maurus* (< *maurus* – “dark-skinned”³¹ or from *mauricius* – “Moorish”³²), *Maximilianus* (< *Maximus* (< *maximus* – “big; great”³³) or from combination between the names *Maximus* and *Aemilianus* (< *Aemilius* < *aemulus* – “enemy”³⁴), *Vitus* (< *vita* – “life”³⁵ or from *via* – “way, road”³⁶), *Nona/Nonna* (< *nonus* – “ninth” or from *nonna* – “nun”), *Silvia* (< *Silvius* (< *silva* – “forest”) or directly from *silva* – “forest”).
- (b) masculine or feminine names with unknown etymology, for example *Caius/Cajus/Gaius*³⁷.

The examined names are canonized only by the Catholic Church (*Agricola*, *Albanus*, *Amabilis*, *Bonaventura*, *Clarus*, *Franciscus*, *Peregrinus*, *Quintinus*; *Bibiana/Viviana*, *Clara*, *Scholastica*), or by the both Churches, the Catholic and the Orthodox one (*Antonius*, *Augustinus*, *Benedictus*, *Blasius*,

Bonifatius/Bonifacius, Caius/Cajus/Gaius, Claudius/Clodius, Cornelius, Felix, Hilarius, Laurentius, Longinus, Mauricius/Mauritius, Maurus, Maximilianus, Patricius/Patritius, Sebastianus, Urbanus, Valentinus, Vitus; Christina, Felicitas, Francisca, Iuliana/Juliana, Iulitta/Julitta, Lucia, Nona/Nonna, Petronilla, Silvia.

The bigger part of the masculine names is derived from an adjective, while the bigger part of the feminine ones is derived from nouns (and in almost all of the cases from a masculine proper name, which is a typical model for coining a female proper name in the Latin anthroponimical system).

In most of the cases masculine by gender names are derived from the form for Nom. sg. of the appellative used as a basis in the name-forming process, while just the opposite is true for the feminine names.

The bigger part of the observed masculine and feminine names of saints is canonized by the both Churches, the Catholic and the Orthodox one.

Notes

¹Petrovsky, 1966.

²Knappová, 1985, <http://kurufin.ru/>

³www.behindthename.com, <http://kurufin.ru/>

⁴Dzyatkovskaya *et alii*, 1986, Ilchev, 1959, Knappová, 1985, Petrovsky, 1966, www.behindthename.com, <http://kurufin.ru/>

⁵Knappová, 1985, Petrovsky, 1966, www.behindthename.com, <http://kurufin.ru/>

⁶Knappová, 1985, www.behindthename.com, <http://kurufin.ru/>

⁷www.behindthename.com, <http://kurufin.ru/>

⁸Doichinovich, 2010, Dzyatkovskaya *et alii*, 1986, Knappová, 1985, Kol *et alii*, 2011, Petrovsky, 1966, www.behindthename.com, <http://kurufin.ru/>, www.leksykony.interia.pl

⁹Dzyatkovskaya *et alii*, 1986, Knappová, 1985, Petrovsky, 1966, www.behindthename.com, <http://kurufin.ru/>, www.leksykony.interia.pl

¹⁰Ilchev, 1959, www.behindthename.com, <http://kurufin.ru/>

¹¹Dzyatkovskaya *et alii*, 1986, Ilchev, 1959, Knappová, 1985, Petrovsky, 1966, www.behindthename.com, www.leksykony.interia.pl

¹²Dzyatkovskaya *et alii*, 1986, Ilchev, 1959, www.behindthename.com, <http://kurufin.ru/>, www.leksykony.interia.pl

¹³Knappová, 1985, Petrovsky, 1966, www.behindthename.com, www.ksiegaimion.com, <http://kurufin.ru/>, www.leksykony.interia.pl

¹⁴www.behindthename.com, <http://kurufin.ru/>

¹⁵Knappová, 1985, Petrovsky, 1966, www.behindthename.com, <http://kurufin.ru/>

¹⁶Knappová, 1985, Petrovsky, 1966, www.behindthename.com, <http://kurufin.ru/>, www.leksykony.interia.pl

¹⁷Doichinovich, 2010, Ilchev, 1959, Knappová, 1985, Kol *et alii*, 2011, www.behindthename.com, <http://kurufin.ru/>

¹⁸<http://kurufin.ru/>, www.leksykony.interia.pl

¹⁹Dzyatkovskaya *et alii*, 1986, www.behindthename.com, www.leksykony.interia.pl

²⁰Ilchev, 1959, <http://kurufin.ru/>

²¹Dzyatkovskaya *et alii*, 1986, Kol *et alii*, 2011.

- ²²Dzyatkovskaya *et alii*, 1986, Ilchev, 1959, Knappová, 1985, Petrovsky, 1966, www.behindthename.com, <http://kurufin.ru/>, www.leksykony.interia.pl
- ²³www.leksykony.interia.pl
- ²⁴www.behindthename.com, <http://kurufin.ru/>
- ²⁵www.leksykony.interia.pl
- ²⁶Dzyatkovskaya *et alii*, 1986, www.behindthename.com, <http://kurufin.ru/>
- ²⁷Doichinovich, 2010, Dzyatkovskaya *et alii*, 1986, Knappová, 1985, Petrovsky, 1966, www.behindthename.com, <http://kurufin.ru/>, www.leksykony.interia.pl
- ²⁸Dzyatkovskaya *et alii*, 1986; Petrovsky, 1966.
- ²⁹Knappová, 1985, www.behindthename.com, <http://kurufin.ru/>
- ³⁰Garkovich, 1966, <http://kurufin.ru/>
- ³¹www.behindthename.com
- ³²Dzyatkovskaya *et alii*, 1986, Knappová, 1985, <http://kurufin.ru/>
- ³³Dzyatkovskaya *et alii*, 1986, www.behindthename.com, <http://kurufin.ru/>
- ³⁴Dzyatkovskaya *et alii*, 1986, Knappová, 1985, Kol *et alii*, 2011, www.leksykony.interia.pl
- ³⁵Doichinovich, 2010, Kol *et alii*, 2011, www.behindthename.com, <http://kurufin.ru/>
- ³⁶Knappová, 1985, Kol *et alii*, 2011.
- ³⁷www.behindthename.com, <http://kurufin.ru/>

References

- БАТАКЛИЕВ, Георги. *Антична митология* (Справочник). София: „Д-р Петър Берон“, 1979 [=Batakliiev, 1979].
- ДОЈЧИНОВИЋ, Биљана. *Књига имена (водич за будуће родитеље и кумове)*. Београд: Креативни центар, 2010 [=Doichinovich, 2010].
- дворецкий, И. Х. *Латинско-русский словарь*. Москва: Русский язык, 1976 [=Dvoretzky, 1976].
- СКРИПНИК, Л. Г., ДЗЯТКОВСКАЯ, Н. П. *Власні імена людей (словник-довідник)*. Київ: Наукова думка, 1986 [=Dzyatkovskaya *et alii*, 1986].
- ГРКОВИЋ, Милица. *Речник личних имена код Срба*. Београд: Вук Караџић, 1966 [=Garkovich, 1966].
- ИЛЧЕВ, Стефан. *Речник на личните и фамилните имена у българите*. София: Издателство на БАН, 1969 [=Ilchev, 1969].
- KNAPPOVÁ, Miloslava. *Jak se bude jmenovat?* Praha: Academia, 1985 [=Knappová, 1985].
- КОЛ, Петра, РАНЧИЋ, Ана. *Именар – лексикон српских имена*. Београд: Јован, 2011 [=Kol *et alii*, 2011].
- ВОЙНОВ, Михаил, МИЛЕВ, Александър. *Латинско-български речник*. София: Наука и изкуство, 1990 [=Voinov *et alii*, 1990].
- ПЕТРОВСКИЙ, Н. А. *Словарь русских личных имен*. Москва: Советская энциклопедия, 1966 [=Petrovsky, 1966].

www.behindthename.com

www.leksykony.interia.pl

www.ksiegaimion.com

<http://kurufin.narod.ru/>

<http://patronii.w.interia.pl/>

ДЕТЕРМИНОЛОГИЗАЦИЯ НОМИНАНТА КОНЦЕПТА ЮРОДИВЫЙ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Вячеслав ДОЛГОВ,

магистр филологии, старший преподаватель
(Бэлцкий государственный университет им. Алеку Руссо)

Rezumat

În articol, cercetăm unitățile limbii ruse, care servesc la nominalizarea conceptului de „юродивый”.

Cuvinte-cheie: *unitate, nominalizare, concept.*

Традиционно под языковой картиной мира понимают совокупность знаний о мире, запечатленных в лексике, фразеологии, грамматике. В. А. Маслова, подчеркивая метафоричность данного термина, отмечает, что «в реальности специфические особенности национального языка, в которых зафиксирован уникальный общественно-исторический опыт определенной национальной общности людей, создают для носителей этого языка не какую-то иную, неповторимую картину мира, отличную от объективно существующей, а лишь специфическую окраску этого мира, обусловленную национальной значимостью предметов, явлений, процессов, избирательным отношением к ним, которое порождается спецификой деятельности, образа жизни и национальной культуры данного народа»¹.

Наряду с языковой картиной мира лингвисты выделяют и концептуальную картину мира, вопрос о соотношении которых до сих пор является дискуссионным. Отметим лишь, что некоторые исследователи, как например, А. В. Медведева, З. Д. Попова, И. А. Стернин, В. И. Убийко, заменяют термин концептуальная картина мира синонимичным «концептосфера», который был введен в российскую науку Д. С. Лихачевым. Концептосфера, по его определению, это «совокупность концептов нации». Она образуется всеми потенциями языка. И чем богаче культура нации, ее фольклор, литература, наука, изобразительное искусство, исторический опыт, религии, тем богаче концептосфера народа².

Лингвокультурный концепт как метальное образование связан с вербальными и невербальными средствами выражения. Так, например, В. П. Нерознак под концептом понимает «знаменательный образ, отражающий фрагмент национальной картины мира, обобщенный в слове»³. Очевидно, что слово выступает главным объективатором концепта в языке и открывает доступ к концептуальному знанию. Другой важной характеристикой концепта является структурная

организация, выступающая необходимым условием его существования и включающая ядерную и периферийную зону.

Анализ данных словарей позволяет выявить некоторые ядерные компоненты концепта *юродивый* (однако не дает полного представления о его структуре и содержании).

Этимологические знания об имени концепта представляют эволюцию концептуального развития и отражают диахронические «глубины» ядра. Слово «юродивый» возникло в общеславянский период. В «Этимологическом словаре» Фасмера сказано: «*Юродивый*, др.-русс. *ЮРОДИВЪ*, начиная с XIV в. до этого – *УРОДИВЪ*»⁴. Древнерусское «оуродъ» происходит от слова «род» с отрицательной частицей. П. Я. Черных в «Историко-этимологическом словаре современного русского языка» поясняет: «Русская, восточнославянская форма *урод*, из *у-* – приставки, обозначающей «ущербность», «недостаток», «убыль», «уменьшение»... и корня *-род-*»⁵. По сути то же объяснение, но более обстоятельное, находим у иеромонаха Алексия, который приводит также сравнение со словом «выродокъ» (приставка *в-* и корень *-род-* передают значение «человек выкинутый, выброшенный из рода, отвергнутый родом»)»⁶.

Признак ущербности физического характера, заложенный в значении этимона, впоследствии вытеснит признак ущербности ментальной. Детерминологизация понятия произойдет, по верному замечанию С. А. Иванова, к XVII веку, когда обозначение «юродивый» закрепилось именно за святым, из благочестивых побуждений скрывавшимся под личиной безумца, а первоначальное «урод» – за калекой.

Обратимся к данным словарей современного русского языка. Примечательно, что В. Даль разделяет юродивых «отроду», т.е. «уродов» в древнем смысле этого слова, и «Христа ради». В его толковом словаре сказано, что «народъ считаетъ юродивыхъ Божиими людьми, находя нередко въ бессознательныхъ поступкахъ ихъ глубокой смыслъ, даже предчувствіе или предвѣденіе», а церковь признает «и юродивыхъ Христа ради, принявшихъ на себя смиренную личину юродства», в церковном же значении⁷.

Практика лексикографических описаний показывает, что толковые словари исходят из имеющихся на сегодняшний день и зафиксированных контекстов употребления слова. Для анализа структуры значения привлекается словарная статья «Словаря русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой⁸ как одного из наиболее авторитетных и современных изданий, а также данные «Толкового словаря русского языка» Д. Н. Ушакова (ТСРЯ)⁹ и академического 17-томного издания «Словарь современного русского литературного

языка» (ССРЛЯ)¹⁰. В словаре под редакцией А.П. Евгеньевой «юродивый» толкуется так:

1. Психически ненормальный: «Нельзя было назвать его совершенным идиотом или *юродивым*, но он был до того наивен, что иногда действительно его можно было счесть дурачком» (Ф. Достоевский, *Село Степанчиково*), с пометой «устаревшее»; ССРЛЯ – психически больной, помешанный, сумасшедший; в переносном значении – о непрактичном, неприспособленном к жизни человеке, чудаке, фантазере.
2. Блаженный, аскет-безумец или принявший вид безумца, обладающий, по мнению религиозных людей, даром прорицания: «Он с пятнадцатого года стал известен как *юродивый*, который зиму и лето ходит босиком, посещает монастыри, дарит образочки тем, кого полюбит, и говорит загадочные слова, которые некоторыми принимаются за предсказания» (Л. Толстой, *Детство*); ТСРЯ - христианский аскет-безумец или принявший вид безумца и обладающий, по мнению верующих, даром прорицания; ССРЛЯ – блаженный; аскет-безумец или принявший вид безумца, обладающий, по мнению религиозных людей, даром прорицания.

Список признаков номинанта исследуемого концепта может быть дополнен на основе абстрактно-собирающего деривата «юродство» и глагола «юродствовать». В ССРЛЯ «юродство» трактуется как:

1. Состояние невменяемости, умопомешательство: «[В Новгороде] толпа детей на улицах стала ругаться над его *юродством*, бросая в него камни» (Муравьев, *Путешествие по святым местам*).
2. Бессмысленный, нелепый поступок; безумное поведение: «Удушливая пустота и немота русской жизни, странным образом соединенная с живостью и даже бурностью характера, особенно развивает в нас всякие *юродства*» (Герцен, *Былое и думы*).
3. Нарочито ненормальное, неестественное поведение, вызванное чаще всего религиозными мотивами: «В некоторых из этих униженных судьбою скитальцев, ваших шутов и *юродивых*, самолюбие не только не приходит от унижения, но даже еще более распаляется именно от этого же самого унижения, от *юродства*» (Ф. Достоевский, *Братья Карамазовы*).

«Юродствовать» определяется в ССРЛЯ как:

1. Быть юродивым (во 2 значении), вести себя как юродивый: «– Как веруети? – прокричал отец Ферапонт, *юродствуя*» (Ф. Достоевский, *Братья Карамазовы*).
2. Совершать бессмысленные, нелепые, глупые поступки; чудить: «Коли ты холостой, на тебя и суда нет, *юродствуй*, как знаешь.

Пожалуй, хоть и жалованья не бери» (Островский, *Доходное место*).

Понятийный признак «лицо» исследуемого номинанта концепта нередко вербализуется словами *святой, аскет, подвижник, блаженный*: Юродивый = святой: «Тогда же был в Москве юродивый, уважаемый за действительную или мнимую святость: с распущенными волосами ходя по улицам нагой в жестокие морозы, он предсказывал бедствия и торжественно злословил Бориса...» (Н.М. Карамзин, «История государства Российского»).

Как верно заметил И. Ковалевский, юродство является уделом «совершенных», т.е. последовательно и истинно реализующих заповеди Бога, следовательно, святых. Святость юродивого, нередко не столь очевидная для обывателей, не подвергалась сомнению в церковной среде. Известно, что канонизации некоторых адептов данного «противуканонического» подвига предшествовал период их народного (местного) почитания.

Юродивый = подвижник и аскет: «Их поведение было исполнено соблазна, и это демонстрировало то совершенное бесстрашие, неподверженность соблазнам, которых они достигали своим аскетическим подвигом» (В. М. Живов *Святость. Краткий словарь агиографических терминов*). Православию известны различные чины святости: страстотерпцы, мученики, великомученики, святые князья, жены и т.д. В качестве одного из оснований для такого разделения выступает, в том числе, содержание подвига. Специфика подвига юродивого заключается не просто в отвержении всего мирского (благ, родственных связей, ценностей и пр.). Этот путь воздержания и строгий образ жизни, предполагающий ограничения в получении удовольствий и использовании материальных благ и позволяет его называть аскетом. Нравственный смысл аскетизма, таким образом, заключается в культивировании воздержания, ведущего к господству над страстями с целью содействия силам добра. Христианская аскетика - это путь приобретения добродетелей и достижения религиозно-нравственного совершенства, ведущего к **обожению** и спасению. Однако подвиг юродства являет собой нечто большее. Достигнув абсолютного «бесстрастия», преодолев греховное в себе, юродивый должен, победив гордыню, надеть маску безумца и, навлекая на себя «поношение» и унижение, своеобразной проповедью возвращать людей к абсолюту (аксиологический ряд: Бог, дух, истина, спасение, свет).

Юродивый = блаженный: «Больше ничего от него не могли добиться, потому что, выговоривши свою нескладицу, юродивый тотчас же скрылся (точно сквозь землю пропал), а задержать блаженного

никто не посмел» (М. Е. Салтыков-Щедрин, *История одного города*). В основном, это слово используется в значении «в высшей степени счастливый». Но в церковной среде закрепились традиция его применения к святым, почитание которых не было распространено в России (блаженный Августин, блаженный Феодорит Киррский и т.д.). А также наименование «блаженный» до сих пор применяется по отношению к юродивым (святой блаженный Андрей, Христа ради юродивый).

Лексема «блаженненький», вступающая на современном этапе наряду с «юродом», «блаженным», «юродивцем» в синонимические отношения со словом «юродивый», имеет те же значения, что и последнее: «— Вот что, — опять напал Гришка, — ходит тут такой юродивый блаженненький Иванушка-братец... Не я, а он эти слова говорит. «Да, — говорит, — будет в этих местах великое землетрясение и огненный вихорь». — Да ну?» (М. М. Зощенко, *Гришка-Жиган*). Примечательно, что данный дериват был образован с помощью уменьшительно-ласкательного суффикса *-еньк-*, что отражает особенности народного восприятия представителей данного чина святости.

«Цементирующим» и, одновременно, создающим основания для двойственных оценок является признак «безумие»: «Он, провидец этот, скромно жил, тихонечко, в баньке брошенной у Днепра. В рубище ходил, акридами да росой питался, аки святой. А на деле-то, — Гурий Терентьевич вдруг заговорщицки понизил голос до шепота, — на самом деле умнейший был человек. Гордость свою как язву из души выжег, в смердящие одежды облачился, юродивым дурачком прикинулся, а всеми помыкал» (Борис Васильев, *Были и небыли*).

В различных культурах на различных исторических этапах концепт безумия, безусловно заслуживающий отдельного глубокого исследования, трактуется по-разному. В русской культуре присутствует представление о безумии как о болезни, а также «божьем наказании», которое, однако, может быть и признаком некой отмеченности. Доказательством первого отчасти может служить этимология слова «юродь», второго паремийный комплекс (поговорки и пословицы типа «Бог долго ждет, да больно бьет»; «Бог не Никитка, повыломает лытки» (т. е. накажет); «Бог накажет, никто не укажет»; «От бога не уйдешь»; «От божьей власти (или: кары) не уйдешь»; «Суда божьего околицей не объедешь»; «Кого бог любит, того и наказует»; «Наказуя, наказал мя господь, но смерти не предаде» и т.п.).

Библейское же понимание безумия, ставшее христианским основанием для духовного подвига юродства, выразил Апостол Павел в послании к Римлянам и Первом послании к Коринфянам. Он четко

противопоставляет «мудрость» земную и мудрость во Христе на том основании, что мудрость в мирском понимании оборачивается безумием в системе морально-этических ценностей, утверждаемых свыше: «...называя себя мудрыми, обезумели» (Рим, 1:22); «Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие?» (1 Кор, 1:20); «Ибо мудрость мира сего есть безумие пред Богом» (1 Кор, 3:19). И наоборот: то, что является мудростью в системе духовных координат «мира горнего» есть безумие для «мира дольнего»: «...слово о кресте для погибающих юродство есть» (1 Кор, 1:18); «...благоугодно было Богу юродством проповеди спасти верующих» (1 Кор, 1:21); «...мы проповедуем Христа распятого... для Еллинов безумие» (1 Кор, 1:23); «...потому что немудрое Божие премудрее человеков» (1 Кор, 1:25). Следовательно, путь такого мнимого безумца является стезей избранных подвижников, уподобляющихся Богу. Отсюда, очевидно, и традиция обозначения юродивых как «божьих людей», а также их стереотипное восприятие как исполнителей и глашатаев высшей воли, божевольных.

Также следует обратить внимание на фрагмент Второго послания к Коринфянам (6:8–10) и одну из заповедей блаженства (Мф, 5:11): «в чести и бесчестии, при порицаниях и похвалах: нас почитают обманщиками, но мы верны; мы неизвестны, но нас узнают; нас почитают умершими, но вот, мы живы; нас наказывают, но мы не умираем; нас огорчают, а мы всегда радуемся; мы нищи, но многих обогащаем; мы ничего не имеем, но всем обладаем»; «Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня». Все, о чем идет речь, юродивые стремятся исполнить на своем пути. И главная причина их отречения от ума заключается в том, что они всецело подчинены ценностям той духовной системы координат, которую проповедовал Христос¹¹.

Признак «прозорливость» также обусловлен сакральной сущностью юродивого: «По другим известиям, юродивый предрекал ему беду, если он начнет свирепствовать во Пскове, и вслед за тем у Ивана издох его любимый конь» (Н. И. Костомаров, *Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей*). Известно, что юродивого воспринимали как личность, находящуюся в непосредственном общении с Богом. Что делало его носителем неких знаний, недоступных обывателям, об истинном положении вещей в настоящем и последствиях тех или иных поступков, действий в будущем. Данное обстоятельство обусловило возможность использования применительно к юродивому слов к корневыми морфемами «ясновид-», «пророк(ч)-», «провид-» и т.п.

Признак «особая мотивированность действий» (поступки юродивого, как правило, не согласуются в обстоятельствами времени и места, противоречат здравому смыслу, лишены, как кажется логики)

обусловлен, с религиозно-философской позиции, христоцентричностью юродивого. «Юродивый Христа ради стремится следовать за распятым Христом», - поясняется в «Истории русской святости». И далее: «...в сердце юродивого жива память о Кресте и распятом, о пощечинах, плевках, бичевании, она-то и побуждает его в любой момент переносить Христа ради поношения и угнетение». Во-вторых, как носитель «иной» системы ценностей, явно противопоставленной мирской, он своими действиями призван указывать на любые нарушения установленного богом закона (что в богословии и трактуется как грех).

В целом, периферийные для номинанта исследуемого концепта в рамках церковно-религиозного дискурса признаки объединяются на том основании, что отражают отход от некоей умозрительной нормы: «Видеть, как твой друг, пусть даже бывший... из искателя истины превратился в *юродивого* с постоянно мокрыми от страха Божия штанами... отвратительно» (Вячеслав Рыбаков, *Трудно стать Богом*). В данном случае, номинант исследуемого концепта может заменяться словами, объединенными семой «с отклонениями ментальной природы», например, сумасшедший, больной, чекнутый, тронутый, шизанутый, свихнувшийся, того, тю-тю и др. (наиболее распространенным из числа невербальных знаков, выражающих обозначенный смысл, является покручивание пальцем у виска).

Признак «глупый» и близкий по смыслу «непрактичный», связаны с уже обозначенным выше религиозно-философским противопоставлением мудрости мирской и божественной, а также противопоставленных систем ценностей. Логика мышления обывателя проста и понятна: юродивый не стремится к материальному накопительству, не извлекает личной выгоды из ситуации или положения, бежит от житейского комфорта и т.д., следовательно, он глуп, непрактичен, не приспособлен к жизни. Этот смысл выражают слова «дурак», «идиот», «чудак», «простак» и др. Положительная оценка номинанта концепта автоматически меняется на отрицательную.

Учитывая, что по установившейся традиции первыми в лексикографических описаниях даются наиболее актуальные значения, можем сделать вывод: признаки, определяющие сущность данного религиозного феномена в языковой картине мира рядовых носителей языка в обыденном сознании переместились на второй план. Что становится ещё более очевидным при сопоставлении с фактом вербализации рассматриваемого номинанта концепта в религиозно-философской картине мира, в рамках которой он сохраняет изначальную смысловую определенность. Так, например, в словаре

агиографических терминов В. М. Живов дает следующую дефиницию: «Юродивый (гр. [греч] σαλός), разряд святых подвижников, избравших особый подвиг – юродство, т.е. облик безумия, принимаемый ради “поругания миру”, радикального отвержения ценностей мирской жизни и служения Христу через свидетельство о внеположности Христова пути мирской мудрости и мирскому величию»¹². «Юродивые, люди, принимавшие на себя из любви к Богу и ближним один из подвигов христианского благочестия – юродство о Христе»¹³, - так начинается статья о самом парадоксальном чине святости в трехтомном энциклопедическом словаре «Христианство». В энциклопедическом справочнике «Мир русской культуры» определение понятия «юродивый» дается через синоним, также бытующий в церковно-религиозных кругах: «Блаженные – особый разряд подвижников и подвижниц, иначе называемых юродивыми. Этот вид подвижничества состоит в том, что избравший его отказывается от общепринятого образа жизни, делается скитальцем и нищим и добровольно принимает вид человека, лишённого здравого рассудка»¹⁴.

Чем обусловлены трансформации, приведшие к тому, что в сознании носителей языка фигура святого, из благочестивых побуждений надевающего маску безумия, редуцировалась до образа безумца или глупца? Не вызывает сомнений, что факторы, приведшие к изменениям, носят экстралингвистический характер и связаны с процессом секуляризации культуры, начавшимся в эпоху петровских преобразований.

Также следует принимать во внимание и одно из главных условий феномена юродства. Под маской умалишённых, как известно, адепты этого парадоксального вида подвижничества обязаны скрывать свое духовное совершенство. Лишить юродивого маски безумца невозможно, иначе духовный подвиг теряет смысл (в том числе и сакральный). К примеру, в самом первом из дошедших до нас житий юродивой Христа ради Исидоры Ефрема Сирина, рассказывается о том, что дева вынуждена была тайно бежать из Тавенского монастыря сразу после обнаружения ее святости. Так будут поступать в дальнейшем все блаженные, воспринимающие безумие способом борьбы с гордыней, средством духовного возвышения. Следовательно, любой очевидец поступков и речей блаженного, не согласующихся с местом, временем и обстоятельствами, естественным образом воспринимал его умалишённым, а не святым. Примечателен в этом отношении также тот факт, что Церковь за более чем 10-вековую историю русского юродства так и не выработала критериев идентификации адептов этого чина святости. Все это, в конечном

итоге, определило изменения в понятийной составляющей номинанта концепта «юродивый».

Примечания

¹Маслова, 2001, с. 66.

²Лихачев, 1993, с. 3-9.

³Нерознак, 1998, с. 81.

⁴Фасмер, 1996, с. 534.

⁵Черных, 1999, с. 461.

⁶Иеромонах Алексей, 2000, с. 59.

⁷Даль, 1994, с. 669.

⁸СРЯ, 1999, с. 775-776.

⁹ТСРЯ, 1935-1940, с. 1448.

¹⁰ССРЛЯ, 1965.

¹¹Подробно вопрос о противоположности мирской и христианской мудрости изложен в работах И. Брючанинова «Аскетические опыты» (М., 1993, т. 2, с. 362-412) и Г. Паламы «Триады в защиту священнобезмолствующих» (М., 1995, с. 7-40).

¹²Живов, 1994, с. 106.

¹³ХЭС, 1995, с. 286.

¹⁴МРК, 1997, с. 598.

Литература

ДАЛЬ, В. *Толковый словарь живого великорусского языка*. В 4 т. Москва, 1994. Т. 4 [=].

ЖИВОВ, В. М. *Святость. Краткий словарь агиографических терминов*. Москва: Гнозис, 1994 [=Живов, 1994].

ИЕРОМОНАХ АЛЕКСИЙ (Кузнецов). *Юродство и столпничество. Религиозно-психологическое, моральное и социальное исследование*. СПб., 1913. Репринтное издание. Москва, 2000 [=Иеромонах Алексей, 2000].

ЛИХАЧЕВ Д. С. *Концептосфера русского языка* // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. Москва: Наука, 1993. Т. 52. № 1 [=Лихачев, 1993].

МАСЛОВА, В. А. *Лингвокультурология. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений*. Москва, 2001 [=Маслова, 2001].

Мир русской культуры. Энциклопедический справочник. Москва, 1997 [=МРК, 1997].

НЕРОЗНАК, В. П. *От концепта к слову: к проблеме филологического концептуализма* // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. Омск, 1998 [=Нерознак, 1998].

Словарь русского языка. В 4-х т. /РАН, Ин-т лингв. Исследований. Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. Москва: Рус. яз. Полиграфресурсы, 1999, Т. 4 [=СРЯ, 1999].

Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. Москва–Ленинград: Наука, 1965. Том 17 [=ССРЛЯ, 1965].

Толковый словарь русского языка. В 4 т. Под ред. Д. Н. Ушакова. Москва: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935–1940, Т. 4 [=ТСРЯ, 1935-1940].

ФАСМЕР, М. *Этимологический словарь русского языка*. В 4 т. Москва, 1996 [=Фасмер, 1996].

Христианство. Энциклопедический словарь. В 3 т. Москва, 1995 [=ХЭС, 1995].

ЧЕРНЫХ, П. Я. *Историко-этимологический словарь современного русского языка*. В 2 т. Москва, 1999, Т. 2 [=Черных, 1999].

СЕМАНТИКО-ГРАМАТИЧНІ ТИПИ ФРАЗЕОЛОГІЗМІВ
В ХУДОЖНІЙ ТКАНИНІ НОВЕЛИ ВАСИЛЯ СТЕФАНІКА
„КАМІННИЙ ХРЕСТ”

Марина ТУНИЦЬКА,

конференціар, доктор педагогічних наук

(Бельцький державний університет ім. Алеку Руссо, Республіка Молдова)

Rezumat

Articolul este axat pe cercetarea semantico-gramatică a frazeologismelor, întrebuintate în nvela lui Vasili Stefanik „Crucea de piatră”.

Cuvinte-cheie: *frazeologism, tip semantico-gramatical, caracteristică.*

Найхарактернішою особливістю природної мови є не тільки її спроможність за допомогою всіх своїх одиниць адекватно інформувати про оточуючу дійсність, а й висловлювати наше ставлення до довкілля. Така можливість, як відомо, забезпечується за допомогою експресивно „заряжених” з наявним оцінним компонентом незалежно від контексту вживання фразеологічних одиниць, далі ФО.

Вивчення фразеологічної системи через призму художніх творів дозволяє з'ясувати активні процеси у фразеології і динаміку форм усталених висловів у різних функціональних умовах, простежити елементи трансформації фразеологічних одиниць.

Підкреслюючи необхідність аналізу значень мовних одиниць у тісному зв'язку з функціонуванням їх у мові, О. О. Потєбня зазначав „За звичаєм ми розглядаємо слово в такому вигляді, як воно дається в словниках. Це все одно, якби ми розглядали рослину, якою вона є в гербарії, тобто не так, як вона насправді живе, а як штучно приготовлена з метою пізнання”¹. Тож зрозуміло, що дослідження текстів художньої літератури надає можливості для спостережень над функціонуванням ФО.

У Василя Стефаніка в „Камінному хресті” еміграція — один із виходів для селян з нестерпного становища, пошуки кращої долі. Безземелля, занепад селянських господарств, загроза смерті — це штовхає селян до еміграції. Але й втрата батьківщини для багатьох була рівноцінною смертю. Так і з'явився камінний хрест на „могілі” живих людей як символ трагедії у житті українців.

Відтворюючи індивідуальне значення світу, В. Стефанік уводить в літературний текст різні ФО, співвідносні зі структурою словосполучення і речення. Фразеологізми новели нами розподілено на дієслівні (42), адвербіальні (16), вигуківі (11 фраземовживань) та ад'єктивні (6).

Дієслівні ФО в творі письменника переважно називають дії й процеси, джерелом яких є людина: «брав на сміх (Івана)»; «не маю часу

з тобою панькатися»; «узявся свою пайку копати і сіяти»; «спадав з горба крик Івана»; «розлетишся по нитці»; «збути вік на горбі»; «зібгати у дугу»; «хрестом стелилася (Івануха)»; «не знав стола; не годен слова заговорити»; «мати за газду» (поважати); «пообсаджувати за стіл» (пригощати); «не одну нічку збавив за вами» (не спав, томився, страждав); «крутити головою» (думати, мислити); «шанувати образи в хаті, шанувати вас» (поважати); «перейти на жіночий розум» (слухатися жінку); «згинуті від бука» (померти); «ноги носять» (живу); «викорінювати з хати» (виганяти); «обмикати сиві кіски» (побити); «втираю на жінку» (сварю); «дотиснули мене» (переконали, примусили); «пилили стару» (сварили); «нема що порядній рибі на один зуб узяти» (їсти); «дай нам хліба» (нагодуй); «покажете дорогу» (допоможете); «брати туск до серця» (жаліти); «ймити в руки» (притиснути); «пускати землю на гендель» (торгувати); «сяде маком» (заспокоїться); «гадати у своїй голові» (думати, мислити); «покласти в могилу» (поховати); «вибратися в далеку дорогу» (вирушити); «брати шлюб» (одружитися); «пустити на пошту в село» (сповісти); «покласти хрест» (увіковічити); «микати чупер» (тужити); «не виходить з голови» (не забувається); «закопати просьбу у серці» (затямити); «підтягати вгору» (підспівувати); «витріщити очі» (здивуватися); «пустився в танець» (затанцював); «не мав гадки» (не думав); «доки ноги носять» (живу).

Численними є ФО із семами *мати*, а також компонентами *дати*, *давати*.

Дієслівні фразеологізми найчисленні у новелі. Серед них виявляємо бінарні, тобто сталі вирази, що містять два компоненти у своєму складі: «сяде маком» (потрапить в безвихідне становище); «дати хліба» (нагодувати); «напитися до когось» (випити горілку чи вино за чиє-небудь здоров'я, звертаючись до когось); «викорінювати з хати» (викинути).

Проте в новелі зустрічаються й складніші утворення, тобто ФО, до складу яких входить більш двох слів: «не дай, боже, нікому на жіночий розум перейти» (слухатися жінку); «обмичу сиві кіски» (поглумлюся); «не одну нічку збавив (за вами)» (не спав, томився); «туск до серця бере» (стає млосно).

Особливість дієслівних фразем новели полягає також у тому, що в більшості випадків вони є одновидовими, майже відсутні такі, що утворюють корелятивну видову пару. Їх кілька у новелі: «не пив до нікого — хоч до вас *напитися*; *здавали* туги — *здавали* жалю».

Інші вживаються або в формі лише доконаного виду: «витріщив очі (Іван), поклав голову в долоні, очі замиготіли великим жалем, туск напав»; або у формі недоконаного виду: «куска хліба не дають; в ярма

запрягали, чиколонки гриз, чупер микав»; «не виходить (горб) з голови».

Деякі ФО вживаються в наказовому способі: «най ім Бог помагає їсти той хліб»; «А візьміть, газди, же без церемонії, та будьте вибачні». Однак переважна кількість ФО представлена дійсним способом у теперішньому, майбутньому та минулому часі, частотнішими є фраземовживання в минулому часі: «Не маю часу з тобою панькатися. Де тебе покладу в могилу? Іван узявся свою пайку копати..., спадав з горба його крик... Іван витріщив очі, але так дивно, що син побілів».

Отже, дієслівні ФО новели є різними за структурою, граматичними параметрами стрижневого компонента, але їх об'єднують суттєві спільні ознаки процесуальності та стилістичного навантаження.

Адвербіальні фразеологізми представлені в основному компаративними конструкціями:

— *якісно-означальними*: «сонце пражить, аж вогнем сипле»; «колінкою, аж шкіра з колін обскакує»; «тручає долину стрімголов»; «слова не годен був заговорити» (нічого не міг сказати); «глядиць з берега на воду, як на утрачене щастя» (сумно), «потряс сивим волоссям, як гривую, кованою із ниток сталевих» (відчайдушно замотав головою), «мусилося сказати, хоч би на вітер» (даремно); «Іван дивився на людей, як камінь на воду» (відчужено).

— *способу дії*: «звівав (горб) ярами та печерами під небеса, як страшний велетень» (був високий, як велетень); «на кожне слово головою потакував» (погоджувався повністю); «в танці ходили, як сновавка» (веретено), «так рівно»; «заскреготав зубами, як жорнами»; «баную за горбом, як дитина за цицькою»².

— *часу*: «де наші роки» (швидко все минулося); «Я тебе *викорінював* на старість із твоєї хати?»; «розвіємося світами на старість, як лист по полю»; «Минув вік як у батіг *траснув*» (швидкоплинно)³.

Усі адвербіальні ФО об'єднуються спільною синтаксичною роллю обставини способу дії чи часу, якщо дорівнюють словосполученню.

Таким чином, адвербіальні ФО новели побудовані за моделлю і словосполучення, і речення: «Не договорював *не пив до нікого*, лише тупо глядів *наперед себе і хитав головою*, як молитву говорив, і на кожне її слово *головою потакував*. Іван *заскреготав зубами*, як жорнами, *погрозив жінці кулаком*, як довбнею».

Використання вигукових ФО в новелі В. Стефаніка зумовлене потребою регламентувати різноманітні ситуації людського спілкування, увиразнюючи тяжіння автора до стихії розмовної мови. Поширенішими є *емоційні*: «Господня воля, Бог не гнівається на таких, відки таким дітям має Бог благословити, Бог знає, як з нами буде»; *імперативні*: «Най вам Бог дасть, що собі в нього жадаєте; Просю за це

вас дуже гречно, буду за вас Бога на тім світі просити»⁴. «Коби Бог позволив⁵... не дай, Боже, нікому... доброму на жіночий розум перейти»⁶. «Та будьте вибачні, бо ми вже подорожні»⁷. «Най їм Бог помагає їсти той хліб»⁸.

Серед вигуківих ФО значне місце посідають у новелі формули мовленнєвого етикету: «дякую вам файно, газди»; «дякую вам красно, вибачайте за решту»; «дякувати Богу, дай вам, Боже, здоров'я, діду Михайле,.. куме Іване, дай Вам, Боже, прожити ще на цім світі... Най Господь милосердний щасливо запровадить вас на місце»⁹.

У структурі ФО вигуківого типу найчисленнішими є лексема *Бог*— *Боже*, а також особові форми дієслова *дати*. Вигуківі ФО допомагають глибше проникнути в душу головного героя, підкреслити трагічність його долі.

Ад'єктивні ФО представлені в новелі лише декількома фраземовживаннями: «лиш шкіра та кості»¹⁰ (худа); «ціле тіло мозиль»¹¹ (тверде); «котре чорний; коли б учинився серед такої пустині»¹² (одинокий); «то як сріблом посипав по чорну, а котре білий, то як маслом сніг помастив»¹³; «такий песій горб»¹⁴ (незрозумілий, непідвладний).

Отже, ядром корпусу Стефаникових ФО є дієслівні, адвербіальні та вигуківі звороти, а периферійну зону займають фраземи ад'єктивні. Зовсім відсутні в аналізованій новелі субстантивні фразеологічні одиниці.

Частиномовна співвіднесеність ФО зумовлює їхню синтаксичну та функціонально-стильову роль у реченні.

Фразеологізми новели несуть велике підтекстове навантаження. Вони створюють широкі можливості для класифікації об'єктів довкілля, адже допомагають актуалізувати індивідуально-мовну картину світу майстра слова.

Чимало фразеологізмів, вжитих у новелі, не зафіксовано відповідними словниками, це значить, що вони є або трансформованими, або авторськими, або взяті з діалектної мови селян. Удаючись до трансформації ФО, автор, з одного боку, досягає оновлення образності, експресивності, а з іншого, — сприяє перебудові традиційних.

Фразеологічні трансформації в новелі В. Стефаніка відбивають індивідуально-авторське сприйняття дійсності і є ознаками ідіостилу автора. На основі проаналізованого матеріалу нами виявлено два різновиди трансформацій ФО в новелі: семантичні та структурно-семантичні.

Серед *семантичних трансформацій* фразеологічних одиниць помічено:

1) власне семантичні ФО, які в контекстуальних умовах змінюють фразеологічне значення: «Вік свій збув на тім горбі¹⁵ зістарівся»; взагалі існує ФО: «збути ряд» — тобто одружитися; тут має місце контамінація двох ФО. «А може, як нам, *дорогу покажете*, та й усі за вами поїдемо»¹⁶. Традиційна ФО «показати дорогу» має значення відмовити, у цьому контексті новеліст вживає її з протилежним значенням — «допоможете».

«Як коли б хотів *рядном простелитися*, хотів *навіки закопати в серцях гостей свою просьбу*»¹⁷. Існує ФО «стелитися під ноги», тобто догоджати. Новеліст об'єднує «мокрим рядном накрити» з попередньою ФО і утворює свою ФО із значенням догодити. «Закопати просьбу» — має значення зятимити, запам'ятати навічно.

2) структурно-семантичні оказіональні зміни ФО представлені лексичною субституцією (заміною) компонентів ФО. «Та тут порядній рибі нема на один зуб узяти» (пор.: «кинути на зуб»); «Я не маю часу з тобою *панькатися*» — в зн.: витрачати час; поширенням компонентів складу «Іван узявся свою пайку копати і сіяти»¹⁸ «...Видко, каменів бо слова не годен був заговорити»¹⁹. «То я тебе *викорінював* на старість із твоєї хати?»²⁰.

Фон новели експресивно-емоційний, вона сповнена внутрішнього динамізму. Фразеологічні одиниці є одним із художніх засобів, що беруть участь у творенні цього фону.

Індивідуально-авторськими ФО новели є «хрестом стелилася»: «Хоч би Іваниха *хрестом стелилася*, то не допомгло»²¹. «Іван ходив все *зібганий у пояс*»²². «Не лізли *натарапом*, чужого зеренця не порунтали»²³.

У таких ФО часто обігрується семантика певної лексеми в спеціально створеному новелістом контексті: «— Потім мене *такий туск напав*, що *чиколонки гриз і чупер собі микав*, качався на соломі, як худобина»²⁴. У рядках: «Іван та Михайло отак співали за молодії літа, що їх на *кедровім мості* здогонили, а вони вже не хотіли назад вернутися до них, навіть у гості»²⁵. Тут ФО «на кедровім мості» переплітається з ФО «на калиновім мості», що пов'язана з національною символікою, Калиновий міст — символічний образ, що позначає «наприкінці життя». Отже, автор утворив своєрідні асоціативно-сміслові об'єднання.

Таким чином, зібраний і проаналізований нами фактичний матеріал дає підстави стверджувати, що новела «Камінний хрест» — неперевершене творіння В. Стефаніка й в плані влучно використаних ФО, які в поєднанні з контекстом, діалектними виразами, метафорами слугують створенню художніх образів, здійсненню ідейного задуму. Кожне слово, кожна фразеологічна одиниця стає згустком людського болю і звучить повноголосом.

Примечания

- ¹Потебня, 1993, с. 26.
²Євтушина, 2005, с. 55.
³Стефаник, 1950, с. 57.
⁴Стефаник, 1950, с. 56.
⁵Стефаник, 1950, с. 52.
⁶Стефаник, 1950, с. 53.
⁷Стефаник, 1950, с. 53.
⁸Стефаник, 1950, с. 54.
⁹Стефаник, 1950, с. 52.
¹⁰Стефаник, 1950, с. 55.
¹¹Стефаник, 1950, с. 54.
¹²Стефаник, 1950, с. 57.
¹³Стефаник, 1950, с. 57.
¹⁴Стефаник, 1950, с. 51.
¹⁵Стефаник, 1950, с. 51.
¹⁶Стефаник, 1950, с. 54.
¹⁷Стефаник, 1950, с. 57.
¹⁸Стефаник, 1950, с. 50.
¹⁹Стефаник, 1950, с. 52.
²⁰Стефаник, 1950, с. 53.
²¹Стефаник, 1950, с. 51.
²²Стефаник, 1950, с. 51.
²³Стефаник, 1950, с. 57.
²⁴Стефаник, 1950, с. 56.
²⁵Стефаник, 1950, с. 58.

Література

ДОРОШКО, Л. *Слово, сказане самим буттям (Природа слова В. Стефаника)* // Слово і час. 2004, № 12. С. 8-12 [=Дорошко, 2004].

ЄВТУШИНА, Т. О. *Лінгвостилістичний потенціал фразеології у творах В. Стефаника*. Автореферат дис. на здобуття наук. ступеня канд. філ. наук. Київ: 2005 [=Євтушина, 2005].

ПОСТОВАЛОВА, В. И. *Картина мира в жизнедеятельности человека* // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. Москва: Наука, 1988. С. 27 [=Постовалова, 1988].

ПОТЕБНЯ, О. О. *Мова і думка*. Київ: СИНТО, 1993 [=Потебня, 1993].

СТЕФАНИК, Василь. *Моє слово*. Вибрані твори. Київ: Молодь, 1950 [=Стефаник, 1950].

ШТЕРН, І. Б. *Вибрані топіки та лексикон сучасної лінгвістики*. Енциклопедичний словник. Київ: АртЕк, 1998 [=Штерн, 1998].

ЯРЕМЕНКО, Василь. *Любив свою дорогу* // Українське слово. Хрестоматія української літератури та літературної критики ХХ ст. у трьох книгах. Книга перша. Київ: Рось, 1994. С. 184-195 [=Яременко, 1994].

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СЕМАНТИКО- ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ РУССКОГО ГЛАГОЛА ИМЕТЬ И ЕГО ИНОЯЗЫЧНЫХ ЭКВИВАЛЕНТОВ

Сталина СТЕПАНЮК,

конференциар, доктор филологических наук
(Бэлцкий государственный университет им. Алеку Руссо)

Rezumat

Articolul este axat pe cercetarea comparată a particularităților semantico-funcționale ale verbului rusesc „иметь“ și ale echivalentelor acestuia în alte limbi.

Cuvinte-cheie: *cercetare comparată, particularitate, verb, echivalent.*

Функционально-семантический (семантико-функциональный) подход к изучению языковых явлений получил широкое распространение в лингвистических исследованиях; он позволяет не только выявить специфику значений и функционирования языковых единиц в акте коммуникации, особенно в билингвистическом и полилингвистическом социуме, но и объяснить те явления интерференции, которые приводят к речевым ошибкам, стилистическим погрешностям при употреблении, казалось бы, четко выделяемых эквивалентных единиц, и предупредить их в процессе изучения неродного языка.

Сопоставительный анализ дает возможность обнаружить точки совпадения и расхождения как систем в целом родного и изучаемого языка, так и микросистем лексики и грамматики.

Особый интерес в этом плане вызывает глагольная подсистема, представляющая собой богатейшее поле семантического разнообразия, морфологического своеобразия и синтаксических возможностей в сопоставляемых языках (русский, румынский, английский), входящих соответственно в группы восточнославянских, романских и германских языков индоевропейской языковой семьи.

Грамматические свойства глаголов и их «поведение» в русском и других языках тесно связаны с их семантикой. Этой стороне глагольного слова уделяли и уделяют большое внимание многие лингвисты¹.

Объектом наших наблюдений является глагольное слово «иметь», его место и роль в языках (русский, румынский, английский). В русском языке этот глагол относят к лексико-грамматическому разряду полнозначительных неакциональных глаголов «отношения» (любить, иметь, принадлежать)². По данным словарей (толковых, двуязычных), основные значения глагола «иметь» и эквивалентных – рум. «a avea», англ. – «to have» совпадают. Так, в словаре В. Даля «иметь» – что, владеть чем, пользоваться...»³, в Словаре русского языка

в 4-х томах: «иметь» – несов., перех. 1) владеть чем-либо на правах собственности (иметь машину), 2) обладать...⁴; эти же основные значения (владеть, обладать) свойственны и румынскому, и английскому глаголам («**a avea copii**», «**a avea talent**»; «**to have a very good flat**»). Обнаруживается некоторое сходство и в других лексико-семантических вариантах, например, в английском и русском – «содержать» (Ср. англ. «**June has 30 days**» = русск.букв. «июнь имеет (содержит) 30 дней»; рум. «**...are trei metri lungime**» = русск. «имеет (содержит) 3 метра длины»). В английском языке различают ЛСВ: «испытывать (что-либо)», «подвергаться (чему-либо)», «получать (**we had news**)», в определенных случаях – значения: «обмануть, разочаровать»; «победить, утверждать, знать, понимать». Все эти оттенки значений оказываются реализованными в сочетаниях с определенными лексемами или формами, образуя своеобразные фразеологизированные сочетания, причем нередко стилистически отмеченные как разговорные⁵ – в словаре таких значений дано 15, кроме собственно фразеологизмов типа: «**I had better...**» (я предпочел бы...), «**to have one's own way**» (поступать по-своему), «**haves and have-nots**» (разг.) – имущие и неимущие и т.д. Значения многозначного слова, которые характеризуются ограниченной сочетаемостью, важны для раскрытия семантической структуры слова. Сочетания в таких случаях выступают как «свернутые»⁶. Такие «свернутые» сочетания, по данным названного словаря, передают значения указания на вес, цвет, размер, на связь с кем-либо, чем-либо, на значимость чего-кого-либо, осведомленность и др. («иметь 5 м в длину», «иметь влияние на кого-либо», «иметь значение для...», «иметь понятие о чем-ком-либо» и под.), – значения, которые могут быть переданы и часто передаются универбами: «влиять», «значить», «разбираться», «знать» (=иметь понятие, представление). Семантически многим английским фразеологизированным сочетаниям в русском языке соответствуют универбы: «**she has got a cold**» = «она простудилась», «**to have a tooth out**» = «вырвать» (зуб), «**to have one's phototaken**» = «сфотографироваться» и др. Лексическое значение англ. «**to have, had**» оказывается в подобных случаях ослабленным, стертым. Такая же картина наблюдается и при сопоставлении с румынским языком: «**a nu avea obiecții**» = «не иметь возражений» (= «не возражать»); «**a avea intenția de a**» = «иметь намерение» (= «намериваться»).

Рассматривая системные связи глаголов «иметь», «**a avea**» и «**to have**» в соответствующих языках, можно заметить, что более отчетливо выступают их синонимические отношения, которые, однако, проявляются тоже своеобразно. Как отмечают лингвисты, «Синонимизация глаголов, в отличие от других частей речи, в большей

мере зависит от их грамматических и лексико-грамматических значений, и поэтому глагольные синонимические группы обычно совпадают по своему составу лишь в формах инфинитива, спрягаемых формах лица, числа, времени, наклонения, так как только они являются до конца обобщенными (универсальными)⁷. Семантико-грамматические особенности анализируемых глаголов не дают богатых синонимических рядов. В русском словаре синонимов это ряды: «иметь – владеть (кем-чем) – обладать»; «иметь что (о наличии чего-либо у кого-либо) – обладать – располагать (иметь свободное время)»; «иметься – быть – разг. водиться (имеются денeжки) – существовать, наличествовать, бытовать»⁸.

В румынском языке синонимический ряд с разными оттенками значений, в разных сочетаниях: «**a avea (copii)**», «**a poseda (bani)**», «**a stăpâni (câteva limbi)**», «**a cunoaște (pe de rost)**» – «познавать, знать наизусть»⁹; в английском языке «**to have**» (в значении «иметься») – «**there is...**», «**there are...**», «**to own**», «**to possess**» (в сочетании с определенными словами; например, «владеть языком» = «**to know a language**»).

Чаще же всего глаголы, в отличие от других частей речи, синонимизируются с фразеологизмами и фразеологизированными сочетаниями¹⁰. Объем фразеологизмов и сочетаний с элементом «иметь» в этих языках достаточно велик, разнообразен и может стать объектом отдельного исследования.

С лексическим значением анализируемых слов тесно связаны те грамматические характеристики, которые свойственны глаголу. Русские глаголы, как и глаголы румынского и английского языков, обладают категориями времени, наклонения, лица, числа, переходности/непереходности, хотя и проявляемыми своеобразно в данных языках: разное количество временных форм и особенности их образования, способы выражения значений наклонения, лица и числа. В русском языке, например, глагол «иметь» образует формы трех времен (с будущим аналитическим) изъявительного наклонения; формы родовые, а не лица, в прошедшем времени и в сослагательном наклонении; форма повелительного наклонения единственного числа (реже множественного числа) употребляется только в устойчивых сочетаниях («имей в виду», «имей совесть»), с модальным оттенком («не имей **100** рублей, а имей **100** друзей»), в значении условного наклонения (перен.): «имей я такую возможность, уехала бы...» В румынском и английском языках данный глагол в разных формах лица и числа участвует в качестве *вспомогательного глагола* в образовании особых *аналитических временных форм*.

Но специфической особенностью русского глагола является категория вида. Какой бы точки зрения ни придерживались аспектологи (классифицирующая это категория или словоизменительная), как показали результаты сопоставительных и типологических исследований видовременных систем в различных языках, виды глагола в славянских языках уникальны во многих отношениях. Особенностью русского вида является его тесная связь с лексическим значением глагола¹¹. От лексико-семантических особенностей глагола зависит способность или неспособность иметь формы совершенного/несовершенного вида (СВ - НВ), частные видовые значения, наличие соотносительных по значению глаголов другого вида, коррелятивных видовых оппозиций¹². В основе категории вида лежат такие объективные, природные признаки процессов, как мера (продолжительность, кратковременность, мгновенность, полный или частичный охват предела), исчисление (одноразовость, многократность – целостность, повторяемость), порядковая последовательность (одновременность, предшествование-следование, внепорядковость)¹³. Эти характеристики свойственны глаголам безвидовых языков (в том числе румынского, английского), но они рассредоточены в этих языках между другими явлениями языка. «...видовые оттенки, рассредоточенные в других языках между временами глаголов, лексическими значениями отдельных глаголов, типом сказуемого, обстоятельственными словами и контекстом вообще, оказались в русском языке собранными воедино, сосредоточены в одной категории»¹⁴. Глагольная система русского языка (в основе своей язык синтетический) отличается частотностью использования разнообразных аффиксов, особенно префиксов, выполняющих как словообразующую функцию (образуют новые лексемы), так и формообразующую (образуют формы СВ). Глагол «иметь» является одновидовым, производными у него отмечены в словарях только причастные формы с суффиксом *-ущ-*, *-вш-*, возвратная форма «иметься»: «иметься» – книжн. (с предлогами: «у» - у меня, в наличии), «на» - ...на заводе, на прилавке...; «при» - при вокзале...; с наречиями там, здесь...»¹⁵, употребление которых не частотно. Приставочное образование дается в словаре одно – «поиметь», с пометой «просторечное», - которое в сочетании с отвлеченным существительным обозначает законченное действие по значению существительного («поиметь знакомство» = «познакомиться»), и фразеологизм, тоже просторечное – «поиметь в виду». В словаре В. Даля отмечены: «возымел охоту учиться», «переимел я много лошадей». В современном употреблении эти формы могут выступать как устаревшие или просторечные.

Русский глагол «иметь» (и его иноязычные эквиваленты) не употребляется абсолютивно, т.е. без субъектно-объектных распространителей: кто? – имеет – что? – (И.п.+ «имеет» + В.п.); без обязательных позиционных распространителей он становится семантически неполноценным. Возвратная форма обязательно требует формы И.п. со значением субъекта и предложно-падежных или наречных распространителей (обычно субъект назван в постпозиции): «на фабрике имеются недостатки», «у меня имеется нужная справка...» Но одна и та же экстралингвистическая ситуация может передаваться разными способами. Многочисленны случаи соответствия русскому глаголу английского глагольно-именного сочетания с перфектным значением: «**to have a cry**» = «поплакать», «**to have a talk**» = «поговорить», «**to have breakfast (dinner)**» = «позавтракать», «пообедать». Будучи по природе своей глаголом неопределенным, «иметь» (англ. «**to have**») в сочетании таким передает значение перфектное, соответствует значению русского СВ, образуя так называемые «фразовые глаголы» с отглагольным существительным. Если действие, выраженное отглагольным существительным, носит неконкретный (абстрактный) характер со значением «испытывать чувство, ощущение», то в сочетании с таким существительным глагол «**to have**» передает видовой параметр **Proc.** (процессуальность), что соответствует в русском языке значению НВ: «**to have a smell**» = «пахнуть (буквально иметь запах)», «**to have pity**» = «жалеть». Сочетания с существительным частотны и в румынском языке: «**a avea talent**», «**a avea loc**», «**a avea succes**» и т.д. В современном русском языке сочетания «иметь» + сущ. в нейтральном стиле речи нечастотны. Уже в словаре В. Даля примеры «Я имею недостаток в деньгах», «Он имеет о тебе дурное мнение» определяются так: «Все эти, чужие нам книжные и приказные обороты выходят из обычая»¹⁶. В сочетаниях «иметь+сущ.+инф.» глагол «иметь» обозначает исполнение действия, выраженного неопределенной формой и являющегося результатом свойства, состояния, обозначенного в форме существительного: «он имел дерзость возражать...», «имел глупость обижаться». Подобные сочетания также стилистически окрашены.

Особого внимания заслуживает сочетание данного глагола с формой инфинитива. Сочетание русского «иметь» с инфинитивом отмечено у В. Даля, где этот глагол как *вспомогательный* «с неопределенным наклонением означает будущее»: «Он имеет быть» = «будет», «он имеет находиться там-то» = «будет или обязан быть».

Вопрос о статусе «иметь+инфинитив» рассматривается Н.С. Авиловой. Автор приводит данные БАС, где «иметь+инфинитив» приравнивается к простому будущему: «имеет сказать» = «скажет»,

«имеет быть» = «будет». МАС видит здесь аналитическую форму будущего времени со вспомогательным глаголом «иметь», часто с оттенком долженствования или возможности. Н.С. Авилова подчеркивает, что значение долженствования, возможности, желания, т.е. *значение модальности* при выражении будущего времени этой конструкцией *обязательно*. «При этом имеется стилистический оттенок устарелости, иногда официальности»¹⁷.

Эти же модальные значения передаются и английскими соответствующими сочетаниями («**I have to go**» = «я должен идти»; «**he had to help me**» = «он должен был помочь мне» и под.), причем возможно сочетание с дополнением, показывающим, что действие должно быть выполнено не субъектом, а другим лицом, но по желанию субъекта: «**Please, have your brother bring my books**». Возможны они и в румынском языке: «**Ce are a face?**» (= «что надо делать?» или разг. «Ну и что ж?»).

Самым существенным отличием румынского и английского языков от русского является тот факт, что в этих языках глаголы «**a avea**» и «**to have**» выступают как вспомогательные при образовании разных временных форм, в частности форм прошедшего времени, при этом «**a avea**» семантически ослабляется, превращается во вспомогательный компонент, который изменяется по лицам и числам и выступает в сокращенном варианте: „**am, ai, a, am, ați, au** + форма причастия» (**Partic.**), образуя форму **Perf.Comp.**: «**eu am cântat**», «**tu ai cântat**» и т.д.; „**am, ai, are, avem, aveți, au** + **să** + форма **Prezent**” образуют одну из форм будущего времени: «**am să învăț**», «о (=авем) **să învățăm**» и др. (= «я выучу», «мы выучим»); при образовании формы прошедшего времени **Imperfectul** сокращенный вариант вспомогательного «**a avea**» (как специальное окончание) прибавляется к основе инфинитива: «**eu așteptam**», «**tu așteptai**». Они переводятся нормативно формами СВ или НВ русских универбов (= «я ждал», «ты ждал»).

В английском языке «**to have**» как вспомогательный глагол употребляется для образования перфектной формы (при этом изменяется по лицам и числам и сочетается с формой причастия): «**I have done**» (=«я делал»), «**I had done**» (=«я сделал»), «**I shall have done**» (=«буду делать», «сделаю»), которые тоже переводятся соответствующими формами СВ или НВ в зависимости от предельности/непредельности процесса, связи его результата с настоящим или отсутствием таковой, что обуславливается контекстом. В современном русском языке глагол «иметь» *не участвует* в образовании ни одной из временных форм. Оказывается, таким образом, что эквивалентные по смыслу слова, занимающие в разных

языках неравное положение, выполняющие в них неодинаковые функции, не являются абсолютно тождественными.

Сокращение системы времен русского языка, утрата спряжения в прошедшем времени и сослагательном наклонении в связи с исчезновением вспомогательного глагола у древнего перфекта, появление категории вида, что привело к упрощению системы времен и наклонений, упрощение системы сказуемых за счет развития видов, исчезновения в настоящем времени связки «быть» («золото – металл», «она красива»), употребление инфинитива в роли сказуемого («Мне начинать?» «Поехать бы к морю!» и т.д.) привели к различиям в употреблении эквивалентных глагольных лексем «иметь» – «**a avea**» – «**to have**». Перенося особенности родного языка на русский язык, носители румынского языка говорят: «я имею пойти» (= «я должен, мне надо...»), «он имел сказать» (= «сказал, хотел сказать»), «он есть учитель» (= «он учитель»), «я имею детей» (= «у меня есть дети, у меня дети»), «ему имели сделать операцию» (= «ему сделали...»), «он не имеет образования» (= «у него нет...»), «я имею вам что-то сказать» (= «мне надо...», «я хочу...», «я должен...»). Подобные выражения можно услышать и в речи русских в русско-румынском социуме при длительном языковом контактировании. Такой «буквальный» перевод возможен и в речи англо-русских билингвов: «я имею обед в 3 часа» (= «я обедаю, у меня обед») - англ. «**I have dinner at three o'clock**»; «я имел встретить его» (= «я встретил, должен был встретить») – англ. «**I had met him**». Такие конструкции рассматриваются или как ненормативные, или как стилистически окрашенные (устаревшие, канцелярские, официальные, не свойственные непринужденной речи).

Невнимание к национальному своеобразию лексических и грамматических значений, отождествление словарных эквивалентов, их дистрибутивных возможностей в разных языках приводит к ошибкам, употреблению их в сочетаниях, чуждых нормам современного русского языка, что необходимо помнить как преподавателям языков в разнонациональных социумах, работая над культурой речи, так и составителям учебников и учебных пособий, чтобы не ограничиваться формальным, кажущимся сходством языковых явлений разных языков и предупреждать случаи возможной интерференции.

Примечания

¹Апресян, 1967; Авилова, 1976; Гуревич, 1979; Гиро-Вебер, 1990; Падучева, 1996.

²Лекант, 2000, с. 305.

³Даль, 1978, с. 43.

⁴Словарь, 1981, с. 661.

⁵Мюллер, 1970, с. 356.

⁶Словарь сочетаемости, 2005, с. 13.

⁷Васильев, 1982, с. 40.

⁸Словарь синонимов, 1975, с. 183, 567.

⁹Dictionar, 2006, p. 187.

¹⁰Васильев, 1982, с. 47.

¹¹Современный русский язык, 2007, с. 388.

¹²Современный русский язык, 2007, с. 386, 388.

¹³Мигирин, 1973, с. 174-177.

¹⁴Никулеску, 1984, с. 115.

¹⁵Словарь сочетаний, 2005, с. 245.

¹⁶Даль, 1978, с. 43.

¹⁷Авилова, 1976, с. 65.

Использованная литература

Dictionar român-rus/rus-român. Kiev, 2006 [=DRR-RR, 2006].

АВИЛОВА, Н.С. Вид глагола и семантика глагольного слова. Москва, 1976
[=Авилова, 1976].

Англо-русский словарь. Сост. проф. В.К. Мюллер. Москва, 1970 [=].

АПРЕСЯН, Ю.Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола.
Москва, 1967 [=Апресян, 1967].

ВАСИЛЬЕВ, Л.М. Некоторые особенности синонимизации глаголов //Сб.
«Исследования по семантике». Уфа, 1982 [=Васильев, 1982].

ГИРО-ВЕБЕР, М. Вид и семантика русского глагола //Вопросы языкознания.
№2, 1990 [=Гиро-Вебер, 1990].

ГУРЕВИЧ, В.В. Вид и лексическое значение глагола //Филологические науки.
№5, 1979 [=Гуревич, 1979].

ДАЛЬ, В. Толковый словарь живого великорусского языка. Москва, 1978 [=Даль,
1978].

ЛЕКАНТ, П.А., ДИБРОВА, Е.И. и др. Современный русский язык. Москва, 2000
[=Лекант, 2000].

МИГИРИН, В.Н. Язык как система категорий отображения. Кишинев, 1973
[=Мигирин, 1973].

НИКУЛЕСКУ, Р.И. От очевидного языка к видовому //Вопросы языкознания.
№2, 1984 [=Никулеску, 1984].

ПАДУЧЕВА, Е.В. Семантические исследования семантики времени и вида в
русском языке. Семантика нарратива. Москва, 1996 [=Падучева, 1996].

Словарь русского языка в 4-х томах. Москва, 1981. Т.1 [=Словарь, 1981].

Словарь синонимов. Под ред. А.П. Евгеньевой. Ленинград, 1975 [=Словарь
синонимов, 1975].

Словарь сочетаемости слов русского языка. Под ред. П.Н. Денисова, В.В.
Морковкина. Москва, 2005 [=Словарь сочетаемости слов русского языка, 2005].

Современный русский язык. Морфология. Препринт. Спб, 2007 [=Современный
русский язык, 2007].

UNELE CONSIDERAȚII DE ORDIN GENERAL
ASUPRA SISTEMELOR VOCALICE
ALE LIMBILOR FRANCEZĂ ȘI GERMANĂ

Angela COȘCIUG,

doctor în filologie, conferențiar universitar,
(Universitatea de Stat „Alec Russo” din Bălți, Republica Moldova)

Rezumat

În articol, ne propunem să prezentăm un studiu comparat de ordin general al sistemelor vocalice ale limbilor franceză și germană.

Cuvinte-cheie: *sistem, monoftong vocalic, diftong, caracteristică.*

1. Introducere

Sistemele fonetice ale limbilor, diferite unele de altele în multe privințe, s-au constituit treptat. Astăzi, cercetătorii disting în ele, de comun acord și în baza diferitor criterii – calitativ, cantitativ etc. -, vocale și consoane, adică tonuri și bruitaj¹, în pofida afinităților unor limbi, de exemplu, aramaica care nu înglobează vocale identificate drept unități opuse consoanelor, ci incorporate acestora într-o oarecare măsură.

Sistemele fonetice ale limbilor franceză și germană, limbi care provin, în bună parte, de la latină, gotică, francică, galică etc. și care au împrumutat sau mai continue să împrumute, masiv sau mai puțin masiv, unități și structuri din limbile engleză, spaniolă, arabă etc., au copiat, în multe privințe, și structura fonetică a acestor limbi, cumulând, la ora actuală, sunete de diferită poziționare articulatorie, intensitate, calitate etc.

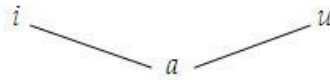
Prezintă interes, în acest sens, sistemele vocalice ale acestor limbi, mai cu seamă, din perspectivă comparativo-contrastivă, dată fiind originea lor comună, în multe privințe, și interferența lor de-a lungul timpului ca limbi vorbite pe teritorii învecinate geografic.

E bine cunoscut faptul că caracterul sau calitatea fonemului vocalic depinde atât de măsura în care organele de vorbire - *limba, buzele, maxilarul inferior, epiglota* și *uvula* - participă la sonorizarea lui, cât și de poziția acestora în cadrul acestei sonorizări.

Astfel, participarea (deplină sau parțială), la sonorizarea fonemului vocalic, a limbii și maxilarului inferior determină *apertura* (parțială sau totală) și *profunzimea*² (sau *superficialitatea*) acestuia. Participarea sau neparticiparea, la sonorizarea fonemului vocalic, a buzelor determină *labialitatea/non-labialitatea* acestuia; participarea sau neparticiparea, la sonorizarea fonemului vocalic, a uvulei determină *nazalitatea/oralitatea*³ acestuia, iar participarea sau neparticiparea, la sonorizarea fonemului vocalic, a epiglotei determină *faringalitatea/non-faringalitatea* acestuia.

Caracteristicilor calitative ale fonemelor vocalice li se alătură cele cantitative: *lungimea* sau *durata* și *caracterul mono-, di- sau triftongic*.

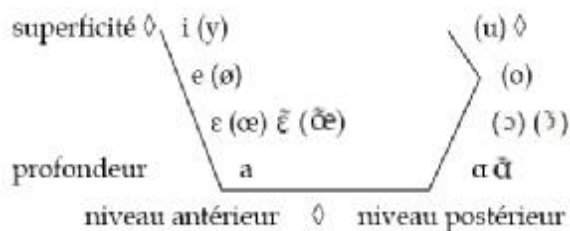
După cum sublinia, la timpul său, încă cercetătorul rus V. Gak, fonemele vocalice ale unei limbi „nu posedă [luate împreună sau separat – A.C.] toate caracteristicile enumerate mai sus”⁴, dar „compararea sistemelor vocalice din toate limbile permite evidențierea unei *triade nucleare unice*, formate din unități care se disting din perspectiva aperturii, profunzimii/superficialității și labialității/non-labialității”⁵:

Reiese că *conturul vocalic minimal* al limbilor este format, ținându-se cont doar de trei caracteristici - apertura, profunzimea/superficialitatea și labialitatea/non-labialitatea -, numite și trăsături *universale* de o bună parte de foneticieni. Celelalte caracteristici - *nazalitatea/oralitatea, faringalitatea/non-faringalitatea* - se întâlnesc doar la fonemele vocalice ale unei limbi sau la cele ale unui grup de limbi.

1. Sistemul vocalic al limbii franceze

În limba franceză, înregistrăm 15 monoftongi. Din perspectiva caracteristicilor enumerate mai sus cu raportare la monoftongii limbilor, cei din franceză constituie un tablou care poate fi reprezentat sub forma unui trapez⁶:

Sch. 1: *Sistemul vocalic al limbii franceze*

În Schema 1, locul monoftongului semnalează, în același timp, caracterul lui profund sau superficial și nivelul lui anterior sau posterior. Parantezele semnalează labialitatea acestuia, iar semnele ~ și ◊ - nazalitatea lui și unitățile care constituie conturul vocalic minimal al limbilor lumii.

Reiese că, în limba franceză, identificăm monoftongi:

- (1) superficiali: [i], [y], [e] etc.;
- (2) profunzi: [a], [ɑ], [ɑ̃];
- (3) anteriori: [i], [y], [e], [a], [œ̃] etc.;
- (4) posteriori: [u], [o], [ɑ] etc.;
- (5) labiali: [u], [y], [o], [ɑ] etc.;
- (6) non-labiali: [i], [a] etc.;
- (7) nazali: [œ̃], [œ̃], [ɔ̃], [ɑ̃];
- (8) orali: [i], [y], [e], [u], [o], [ɑ] etc.

Din cele prezentate, observăm că unul și același fonem vocalic cumulează câteva caracteristici. De exemplu, fonemul [y] se prezintă, în același timp, drept unul superficial, anterior, labial și oral.

Monoftongii [i], [y], [u], urmați de un alt monoftong oral ([i], [y], [e], [ø], [ɛ], [œ], [ɔ], [a], [o] sau [ɑ]) sau unul nazal ([ɛ̃], [ɔ̃] sau [ɑ̃]), sau fiind precedați și urmați de unul și același monoftong (ex.: *royal* [ʁwa-ˈjal]) pot sta la baza formării diftongilor limbii franceze care sunt foarte numeroși. Astfel, am identificat 32 de diftongi în limba franceză contemporană [ˈjy], [ˈje], [ˈjø], [ˈjo], [ˈjɛ], [ˈjœ], [ˈjɔ], [ˈja], [ˈjɑ], [ˈjɛ̃], [ˈjɔ̃], [ˈjɑ̃], [ˈʷi], [ˈʷe], [ˈʷø], [ˈʷo], [ˈʷɛ], [ˈʷœ], [ˈʷɔ], [ˈʷɑ], [ˈwɛ̃], [ˈwɔ̃], [ˈwɑ̃]:

- (1) [i]+[i]=[i-ˈj...]: *criez* [kʁi-ˈje], *priiez* [pʁi-ˈje] etc.;
[y]+[i]=[ʷi]: *lui* [ˈʷi], *suit* [ˈsʷi], *cuit* [ˈkʷi], *puis* [ˈpʷi] etc.;
[u]+[i]=[wi]: *Louis(e)* [ˈlwi(:z)], *boui-boui* [bwi-ˈbwi] etc.;
- (2) [i]+[y]=[ˈjy]: *sciure* [ˈsjy:ʁ] etc.;
- (3) [i]+[e]=[i-ˈje]: *criez* [kʁi-ˈje], *priez* [pʁi-ˈje] etc.;
[y]+[e]=[ʷe]: *tuer* [ˈtʷe], *suer* [ˈsʷe] etc.;
[u]+[e]=[we]: *louer* [ˈlwe], *doué* [ˈdwe] etc.;
- (4) [i]+[ø]=[i-ˈjø]: *pieux* [ˈpjø], *cieux* [ˈsjø] etc.;
[y]+[ø]=[ʷø]: *respectueux* [ʁɛs-pek-ˈtʷø] etc.;
*[u]+[ø]=[u-ˈø]: *boueux* [ˈbu-ˈø] etc.;
- (5) [i]+[ɛ]=[ˈjɛ]: *ciel* [ˈsjɛl], *fiel* [ˈfjɛl] etc.;
[y]+[ɛ]=[ʷɛ]: *ruelle* [ˈʁʷɛl], *sensuel* [sɑ-ˈsʷɛl], *sanctuaire* [sɑ-k-ˈtʷɛ:ʁ] etc.;
[u]+[ɛ]=[wɛ]: *rouelle* [ˈʁwɛl] etc.;
- (6) [i]+[œ]=[i-ˈjœ]: *sieur* [ˈsjœ:ʁ] etc.;
[y]+[œ]=[ʷœ]: *tueur* [ˈtʷœ:ʁ] etc.;
[u]+[œ]=[wœ]: *joueur* [ˈʒwœ:ʁ] etc.;
- (7) [i]+[ɔ]=[i-ˈjɔ]: *senior* [se-ˈnjɔ:ʁ], *solarium* [sɔ-la-ˈbjɔm] etc.;
[y]+[ɔ]=[ʷɔ]: *fluor* [ˈflʷɔ:ʁ] etc.;
- (8) [i]+[a]=[i-ˈja]: *cria* [kʁi-ˈja], *pria* [pʁi-ˈja] etc.;
[y]+[a]=[ʷa]: *tua* [ˈtʷa], *sua* [ˈsʷa] etc.;
[u]+[a]=[wa]: *loua* [ˈlwa] etc.;
- (9) [i]+[o]=[i-ˈjo]: *sybiose* [sɛ-ˈbjo:z] etc.;
[y]+[o]=[ʷo]: *dua* [ˈdʷo];
- (10) [i]+[ɑ]=[i-ˈjɑ]: (*tu*) *crias* [kʁi-ˈjɑ] etc.;
[y]+[ɑ]=[ʷɑ]: (*tu*) *tuas* [ˈtʷɑ] etc.;
[u]+[ɑ]=[wɑ]: (*tu*) *jouas* [ˈʒwɑ], *trois* [ˈtwɑ] etc.;
- (11) [i]+[ɛ̃]=[i-ˈjɛ̃]: *tiens!* [ˈtjɛ̃] etc.;
[u]+[ɛ̃]=[wɛ̃]: (*tu*) *joins* [ˈʒwɛ̃] etc.;
- (12) [i]+[ɔ̃]=[i-ˈjɔ̃]: *question* [kɛs-ˈtjɔ̃] etc.;
[y]+[ɔ̃]=[ʷɔ̃]: (*nous*) *tuons* [ˈtʷɔ̃] etc.;
[u]+[ɔ̃]=[wɔ̃]: *jouons* [ˈʒwɔ̃] etc.;
- (13) [i]+[ɑ̃]=[i-ˈjɑ̃]: *criant* [kʁi-ˈjɑ̃] etc.;
[y]+[ɑ̃]=[ʷɑ̃]: *tuant* [ˈtʷɑ̃] etc.;

[u]+[œ]=[wœ]: *jouant* [ˈʒwœ] etc.;

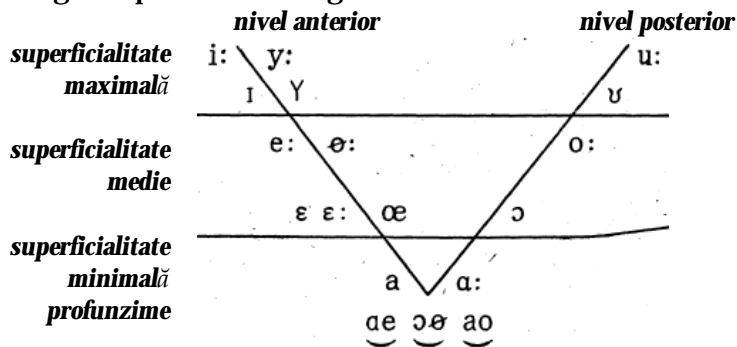
Atât monoftongii, cât și diftongii pot fi lungi și scurți. Comparați: *rare* [ˈʁaːʁ] - *Marc* [ˈmaʁk], *piano* [pjɑ-ˈno] - *riante* [ʁi-ˈjɑːt].

Pe lângă caracteristicile prezentate mai sus cu raportare la monoftongi, o bună parte dintre acestea, dar și dintre diftongi, necesită un efort considerabil din partea organelor de fonație atunci, când sunt sonorizate. Astfel, monoftongii [i], [y] și [e] necesită o tensiune musculară considerabilă din partea buzelor în cadrul sonorizării, pe când diftongii [wi], [we], [wa], [ʷi], [ʷe] și [ʷa] - un efort considerabil atât din partea buzelor, cât și din partea maxilarului inferior. Sonorizarea corectă a monoftongilor anteriori ai limbii franceze și, mai cu seamă, a lui [a] cere ca limba să fie poziționată la alveolele inferioare, adică să fie strâns lipită de dinți, ceea ce face ca și alte organe de vorbire - buzele, uvula - să ocupe, în acest caz, o poziție specială, deplasată parcă „înainte”. Sonorizarea corectă a monoftongilor posteriori și, mai cu seamă, a celor nazali cere ca limba să nu fie în contact cu dinții, adică să fie trasă maximal în urmă.

2. Sistemul vocalic al limbii germane în raport cu cel al limbii franceze

Sistemul vocalic al limbii germane înglobează 15 monoftongi și doar 3 diftongi, fiind mai săracă în diftongi decât franceza.

În acord cu principiile expuse mai sus, relația acestor unități poate fi prezentată grafic printr-un triunghi:

Monoftongii anteriori și superficiali ai limbii germane se împart în non-labiali - [i:], [ɪ], [e:], [ɛ], [ɛ:] - și labiali - [y:], [ʏ:], [ø:], [œ]. Comparând-i cu cei din limba franceză, observăm unele asemănări în acest caz și anume prezența, în ambele limbi, a unor monoftongi asemănători, dacă nu identici. E vorba de monoftongul non-labial [ɛ] și de cel labial [œ]. Faptul în sine se explică prin originea parțial francică, adică germanică, a limbii franceze contemporane.

Toți monoftongii posteriori ai limbii germane sunt labiali, cu excepția lui [ɑ:] și [a]. Aceștea sunt monoftongi non-labiali posteriori, deoarece se manifestă în raport cu fonemul [x]. Din exemplele expuse mai sus, se vede

clar că monoftongii în cauză se întâlnesc și în limba franceză aproape sub aceeași formă cu excepția lui [ɑ:] care este lung în franceză, fiind întrebuințat doar înaintea lui [ɐ], [vɐ], [v] și [ɔ], și doar în silabă acceptuată. În această limbă, ca și în germană, unitățile date sunt non-labiale, fiind însă una ([a]) anterioară și alta ([ɑ]) - posterioară.

Din triumphiul vocalelor limbii germane, se vede ușor faptul că acestea se deosebesc și după apertură. Astfel, [i:] este mai închis decât [ɪ]. În germana contemporană, monoftongii lungi și scurți se opun unul altuia nu doar din perspectiva lungimii, ci și din cea a aperturii: monoftongii lungi sunt unități închise, iar cei scurți – deschise. Acest fapt este foarte important, căci ajută la diferențierea semantică a unităților lexicale din această limbă. Comparați: *legt* [le:kt] – „el (ea) pune” și *leckt* [lɛkt] – „el (ea) linge”.

În franceza contemporană însă, monoftongii lungi pot fi închiși și deschiși (*rose* [ʁo:z], *père* [pɛ:ʁ] etc.), la fel ca și cei scurți, care pot fi închiși sau deschiși – *des* [dɛ], *sotte* [sɔt]. Ceea ce importă, în acest caz, este faptul că monoftongii dați ajută și ei la diferențierea semantică a unităților lexicale franceze. Comparați: *mes* [mɛ] - *mets* [mɛ].

În germană, fiecare dintre diftongii [ae], [ao] și [ɔɔ] este conceput ca fonem unitar, însă accentul cade întotdeauna pe primul element al diftongului, spre deosebire de limba franceză, în care accentul cade pe elementul al doilea din monoftong: [ˈdwa], [ˈpʰi] etc.

Atât monoftongii, cât și diftongii limbii germane cer și ei un efort considerabil din partea organelor de fonație atunci, când sunt sonorizați, dar acest efort este ceva mai mic decât cel cerut de fonemele vocalice ale limbii franceze, date fiind, în primul rând, apertura și tensiunea lor articulatorie diferită.

Spre deosebire de limba franceză, la sonorizarea tuturor fonemelor vocalice ale limbii germane, limba se află într-un contact mai strâns sau mai slab cu dinții. În linii generale, fonemele vocalice din limba germană sunt mai deschise decât cele din limba franceză, iată de ce maxilarul inferior se poziționează, de cele mai dese ori, relativ mai jos la sonorizarea lor decât la sonorizarea fonemelor franceze. Buzele nu sunt foarte strânse la sonorizarea fonemelor în cauză, așa cum se înregistrează la sonorizarea unor foneme din franceză, de tipul [y] sau [ø].

Cele menționate mai sus ne permit să presupunem să persoanele de origine franceză, care studiază germana ca limbă străină, ar întâmpina inițial probleme anumite în articularea vocalelor care se deosebesc de cele franceze, în pofida faptului că franceza are și origine germană prin superstratul francic.

Note

¹Remarcăm că o consoană înglobează atât ton, cât și zgomot, dar zgomotul, spre deosebire de ton, este întotdeauna prezent în ea.

²Profunzimea/superficialitatea fonemului vocalic este strâns legată de nivelul lui anterior/posterior. Atât profunzimea/superficialitatea, cât și nivelul fonemului în cauză se datorează participării, la articularea lui, a limbii. Unui cercetător concepu profunzimea/superficialitatea fonemului vocalic și nivelul lui drept una și aceeași caracteristică a acestei unități. Nu putem împărtăși această poziție, deoarece cercetarea pe care am efectuat-o cu raportare la unele limbi (vezi, în acest sens, Coșciug, 2011, p. 108-115) demonstrează că fonemele vocalice care înregistrează una și aceeași profunzime pot să fie raportate la diferite niveluri.

³marcate de prezența sau lipsa rezonanței nazale.

⁴Гак, 1976, с. 37.

⁵Милевский, 1963, с. 8; Navarro, 1957, p. 38.

⁶După cum subliniază cercetătorul V. Gak, relația monoftongilor limbii franceze poate fi reprezentată grafic sub forma unui trapez, dată fiind prezența, în această limbă, a unităților [a] și [ɑ]. Trapezul în cauză are formă oblică, deoarece, în franceză, fonemul vocalic [u] este mai anterior decât fonemul [o] [Гак, 1976, с. 37].

Referințe bibliografice

COȘCIUG, A. A. *Étude comparée des systèmes vocaliques du français, espagnol, roumain et russe* // Limbaj și context. Vol. 1(III)2011. P. 108-115 [=Coșciug, 2011].

NAVARRO, Thomás. *Manual de pronunciación española*. New York: Hafner Publishing Company, 1957 [=Navarro, 1957].

ГАК, В.Г. *Сравнительная типология французского и русского языков*. Ленинград: Просвещение, 1976 [=Гак, 1976].

МИЛЕВСКИЙ, Т. *Предпосылки типологического языкознания. Исследования по структурной типологии*. Москва: Просвещение, 1963 [=Милевский, 1963].

ШИШКОВА, Л., ДЕТИНИНА, А., БИБИН, О. *Вводный фонетический курс немецкого языка*. Ленинград: Просвещение, 1977 [=Шижкова *et alii*, 1977].

LIMBAJ (LITERAR) ȘI CONDIȚIONARE SOCIALĂ

(LITERARY) LANGUAGE AND SOCIAL CONDITIONING

ALGUNAS REFLEXIONES SOBRE CONTAMINACIÓN EXCESIVA
CON UNIDADES EXTERNAS: CASO DEL ESPAÑOL,
RUSO Y RUMANO

Tatiana GOREA,

catedrática

(Universidad de Estado “Alecú Russo” de Bălți, República Moldova);

Maia SLIVINSCHI,

maestría

(Universidad de Estado “Alecú Russo” de Bălți, República Moldova);

Diana NICOV,

maestría

(Universidad de Estado “Alecú Russo” de Bălți, República Moldova)

Rezumat

Cercetările în domeniul apariției și răspândirii fenomenului „spanglish” permit identificarea a trei tipuri principale de unități care pot fi raportate acestui fenomen: (1) unitățile lexicale luate concomitent, într-o propoziție sau frază, din spaniolă și engleză; (2) împrumuturile semantice din engleză în spaniolă și (3) unitățile lexicale engleze care apar în discursul spaniol, fiind adaptate, în prealabil, la normele limbii spaniole.

În articol, ne propunem o cercetare mai aprofundată a fenomenului în cauză, în baza unor exemple, luate din discursul cotidian central- și sudamerican, făcând, totodată, referință la situația lingvistică pe teritoriul Republicii Moldova unde se observă un fenomen similar celui de „spanglish”, și anume „rumaruso” și „rumañol”.

Cuvinte-cheie: *spanglish, tip, unități, împrumut semantic, anglicism, rumaruso, rumañol.*

Cada día utilizamos frases como “Haz click aquí” o “Sí, I know” y ni siquiera nos damos cuenta que se trata de un fenómeno, conocido en el mundo lingüístico como *spanglish*.

Hay muchas definiciones de este concepto. Wikipedia por ejemplo lo define como “la fusión morfosintáctica y semántica del español con el inglés”¹. “El spanglish es un “idioma híbrido formado a partir del español al introducir términos anglosajones sin traducir o traducidos incorrectamente”², según Javier Valenzuela. Por su parte, José Castro Roig lo define como...“especie de jerga que hablan algunos hispanos de los Estados Unidos, en la que se mezcla inglés y español”³. O como lo afirma Lizette Alvarez es: “An effortless dance between two languages”⁴ (=un baile sin esfuerzos entre dos lenguas).

¿Donde encontramos las raíces de ese fenómeno? ¿Como que le ocurrió ascender a tal tamaño y atraer la atención de los lingüistas más famosos del mundo hispano? La respuesta se esconde en la historia de la emigración de los hispano-latinos en los estadounidenses. En los Estados Unidos la cultura latinoamericana ha tenido tal presencia durante tantos años, que su influencia surgió en una fusión cultural y lingüística. Viviendo en un mundo

inglés la gente tenía que hacerse comprendida. Así fue como empezaron a utilizar palabras inglesas en su vocabulario. Mientras pasaba el tiempo las lenguas se intercalaron tanto que los hablantes ya no pudieron observar la diferencia.

Pero también es muy importante analizar las consecuencias del *spanglish* en la cultura estadounidense y establecer como se ha ido extendiendo su uso, tanto en la vida cotidiana de los habitantes de tal país, como en los medios de comunicación masiva, con lo cual sobrepaso las fronteras estadounidenses para dejar sus huellas lingüísticas en varios países alrededor del mundo.

Para poder entender este proceso, es necesario retroceder al establecimiento de las colonias y misiones españolas en California y Florida, lo cual provocó la presencia del español en UUEE. Después de esto, los Estados Unidos obtuvo del gobierno mexicano el territorio de Texas en 1845 y en 1848 fueron incorporadas las regiones del Rio Grande: Nuevo Mexico, Utah, Nevada y California. A través de los años estas zonas han estado pobladas por gente que hablaba español.

Los primeros ejemplos de esta habla fueron recogidos por el “Dictionary of American Regional English” en 1972. Pero la mayoría de los autores consideran que fue en realidad en los años ´60 cuando en los barrios hispanos de Miami, Nueva York y Los Ángeles se produjo la explosión del «mock», antecedente del *spanglish* y que luego se difundió por las ciudades⁵.

Hoy día, el *spanglish* puede ser oído por todas partes: en la calle, en la escuela y en el Internet, la radio y la televisión. Ya que la minoría latina está constituida por individuos de proveniencias diversas (mexicanos, puertorriqueños, dominicanos, cubanos, colombianos, etc.), el *spanglish* tiene características únicas según la región de la cual proviene el hablante, su edad, su clase social, su extracción nacional y su momento de llegada a los Estados Unidos. El *spanglish* mexicano no es homogéneo: sus posibilidades incluyen el pocho, el pachuco, el chicano, el tex-mex, y demás. El hablado por los puertorriqueños es conocido como *nuyorriqueño*, el de los dominicanos - como *dominicanish* y el de los cubanos como *cubonics*, para mencionar sólo alguna riqueza⁶.

Por eso hay que notar que no existen unas reglas estrictas del uso de *spanglish*, sino que como hemos ya mencionado depende del hablante y de la zona en la cual se encuentra. Por eso es obvio que hay una variedad de formas lingüísticas. Pero se observan tres direcciones más importantes en el proceso de formación del *spanglish*:

- frases donde se mezclan ambos idiomas: “Lo siento for being late, pero i couldn’t llegar mas pronto. Yo tuve a meeting con mi compañero de bussiness”⁷.

- frases donde hay una confusión de significados entre palabras castellanas y otras inglesas que suenan de forma parecida. Un ejemplo de esto sería la frase «vacunar la carpeta» (del inglés: “vacuum the carpet”) en lugar de “aspirar/pasar la aspiradora a la alfombra”.
- palabras inglesas adaptadas por español. Como español es una lengua multisilábica resulta más fácil sustituir las palabras largas y difíciles del español por las más cortas y sencillas del inglés (*to park* - *parquear* en vez de “estacionar”).

Hay dos zonas spanglish-parlantes dominantes en el mundo. La primera es, precisamente, Puerto Rico, cuyo estatus diplomático es amorfo: un Estado libre asociado, que, como lo explica esta caracterización, ni es Estado norteamericano, ni es libre, y su asociación sigue siendo un dolor de cabeza tanto en la isla como en la diáspora. La otra zona es la frontera México-norteamericana que va de la costa del Océano Pacífico al Golfo de México y la cuenca del Atlántico y que cuenta, según estadísticas, con una población total de casi 30 millones de personas de ambos lados de la línea⁸.

Pero si hasta ahora el fenómeno del spanglish no fue tan importante y no sobrepasaba los límites de una jerga, entonces ahora las cosas han cambiado un poco. Porque observamos que ese fenómeno ya empezó a crear unos criterios de estándar. En efecto, podemos afirmar que el spanglish se encuentra en una etapa de transición del nivel oral a un formato escrito. Asimismo, la estandarización está representada por un deseo colectivo por normalizar su ortografía y establecer los parámetros de su gramática y sintaxis. A grandes rasgos, el spanglish se caracteriza por tres estrategias de uso: el cambio de códigos verbales, es decir el ir y venir en una misma frase, ni hablar de un párrafo o una página, entre el castellano y el inglés. Ese cambio de códigos es a tal grado espontáneo que no hay dos spanglish-parlantes que construyan una frase de la misma manera. Un ejemplo cualquiera es el enunciado “Yo voy a la marketa to buy el bacon para cocinar el breakfast”⁹.

Una estrategia aparece cuando el spanglish-parlante piensa en un idioma pero se comunica en otro, juego que conlleva consecuencias extrañas. Otro ejemplo cualquiera: “Te llamo para atrás”, una expresión utilizada frecuentemente que proviene del inglés “I will call you back” y que en castellano estándar sería “Te devuelvo la llamada telefónica”.

Una otra estrategia es la creación de neologismos: *naife* (cuchillo), *frikiado* (asustado), y *janguear* (divertirse).

Hay más estrategias: traslación de adjetivos, uso de cognados falsos, tergiversación de sinónimos, etc.¹⁰

Adelante vamos a ver una lista de palabras creadas de acuerdo a los métodos mencionados antes: *coger un break*, *cambiar el look*, *echar un looking*, *comer un bistec*, *parquear el carro*, *atachar* (del verbo inglés *to attach*) *información*,

*resetear (del verbo inglés to reset) la computadora, formatear la computadora (del nombre inglés format), clickear (del verbo inglés to click) en el link, el show del cabaret, hablar por el walkie-talkie, una película de cowboys, escanear (del verbo inglés to scan) un documento, ver el making de una película, O.k, all right, men, recibí un email (y no un correo), bye-bye (y no hasta la vista, hasta pronto etc.), living la vida loca (canción de Ricky Martin)*¹¹.

También vamos a ver un diálogo que lo podemos oír por las calles, y en cualquier lugar de los EEUU:

Maite: «Hola, *good morning*, cómo estás?»

Joaquin: «*Fine*, y tú?»

Maite: «Todo bien. Pero tuve problemas *parqueando my car this morning*».

Joaquin: «Sí, I know. Siempre hay problemas *parqueando* in el área at this *time*»¹².

El ejemplo propuesto anterior representa un diálogo cotidiano entre gente ordinaria. Pero aunque el término *spanglish* no está incluido en el “Diccionario de la Real Academia Española”, hay escritores que sólo escriben en puro *spanglish*. Entre sus exponentes más ilustres están las puertorriqueñas Giannina Braschi y Ana Lydia Vega. La novela “Yo-Yo Boing!” por Giannina Braschi tiene muchos ejemplos del *spanglish*.

Pero hay que admitir que el *spanglish* no es el único caso en el mundo de la mezcla de dos lenguas distintas. Por ejemplo, los científicos hablan del *franglais* - la mezcla del francés con el inglés y del *runGLISH* - la mezcla del ruso con inglés.

Nuestro país, la República Moldova, no fue una excepción en el proceso de la fusión de los idiomas. En este territorio hay dos lenguas de mayor uso: el rumano y el ruso. Es que observamos muy bien la mezcla de estas dos lenguas que aun no está denominada, pero que tiene un difundimiento bastante grande. Nosotros intentamos denominarlo como “rumaruso”. De la misma manera que en el *spanglish* en nuestro territorio también se utilizan frases mezcladas de ambos idiomas y palabras adaptadas al rumano. Como ejemplo de palabras adaptadas del ruso al rumano podemos ofrecer la frase ya muy conocida y utilizada “a da o întrebare”, lo que es pura traducción incorrecta del ruso “задать вопрос”, mientras la forma correcta es “a pune (a adresa) o întrebare”. Por ver más bien el fenómeno de la mezcla de los idiomas en nuestro país, os proponemos el equivalente rumano-ruso del diálogo en *spanglish* presentado anteriormente:

Maite: “Привет, cum delurile (de la unidad rusa дела)?”

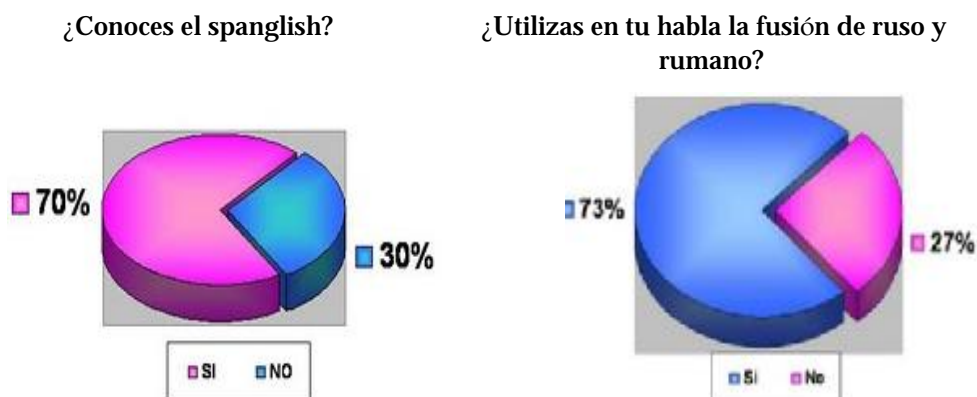
Joaquin: “Хорошо și tu?”

Maite: “Totul *хорошо*, doar că am avut probleme la *парковка* de mașini *dimineața*”.

Joaquin: “Да eu *знаю*. Всегда sunt probleme la *парковкэ* în *квартал*-ul acesta la această oră.”

Entonces podemos ver que la situación del spanglish es una muy parecida a la situación dentro de nuestro país. Tenemos que admitir que la fusión de las lenguas ha alcanzado un punto cuando ya no puede ser eliminada. Pero hay una diferencia entre los dos países que nos parece muy interesante y extraña. Si vamos a observar quien son las personas que utilizan el spanglish en los Estados Unidos, vamos a ver que son mayoritariamente los emigrantes hispanohablantes que intentan ser comprendidos. Pero si analizamos la situación en nuestro país, vamos a ver que las cosas son muy diferentes. Los utilizadores de la lengua mezclada son los moldavos, que en efecto representan la mayoría y su lengua es la lengua del estado. Pero la situación es así que la lengua rusa, aunque no es la lengua del estado, se impone con más fuerza y efectividad que el rumano hablado en la República de Moldova. Nunca puedes oír a un ruso utilizando palabras rumanas, mientras los moldavos casi siempre recurren a las palabras rusas para expresarse. No sabemos si es la influencia de la Unión Soviética o simplemente la incapacidad de los moldavos de defender su identidad, pero así es la realidad.

Vamos a ver como está la situación en los ambos países, según nuestras investigaciones sobre 100 personas:

Pues podemos ver que según los estudios la gran mayoría de la población conoce y utiliza las jergas nuevamente formadas. Pero debemos tener en cuenta que el spanglish es conocido por 70% de la población de los EEUU, mientras en nuestra república la fusión del rumano y ruso, el “rumaruso” es utilizada por los 73% de la población.

Otro fenómeno de este tipo como “spanglish”, “rumaruso” es el “rumañol” en cual se mezclan las lenguas rumana y española. Son los emigrantes de Rumania en España que a veces sin saber mucho del español mezclan dos lenguas. Puedes a menudo en diferentes comentarios en internet encontrar muchísimos ejemplos como: “am o *sitã*” - del esp.: *tengo una sita* (correctamente en rum.: *am o întâlnire*), „nu mă mai lia” – del esp.: *no*

me lîes más (correctamente en rum.: *nu mă mai încurca*), „m-a *pegat*” – del esp.: *me ha pegado* (=m-a lovit). No hace mucho tiempo en *Facebook* apareció el anuncio como: „Por el placer *de a reuni a toată* mundo *care vorbește* rumañol! En *acest* grupo, *comentați* vuestras frases originale. *Bine* venidos *toți*”.

Aunque en el mundo lingüístico hablan mucho sobre las ventajas y desventajas de los fenómenos de “spanglish” y menos de los de “rumaruso” y “rumañol”, y los culpan por ser unos invasores de la lengua y cultura hispana, rumana, rusa. Hay que admitir que en un final se pueden convertirse en unos catalizadores del progreso de la lengua. Pueden favorecer y agilizar la comunicación aunque esto es verdad sólo entre aquellos que conocen ambas lenguas; dar rapidez a la incorporación de tecnologías nuevas, sin tener que esperar que se realicen las traducciones y se creen equivalentes en español. Como prueba de esa afirmación, puede servir el ejemplo del latín que invadió todas las lenguas romances y es verdad que sin su influencia no hubieran existido ni francés, ni italiano, ni español.

Spanglish, rumañol y rumaruso son muestras de creatividad, de dinamismo lingüístico, capacidades mayores que Dios dio a los humanos - capacidades de adaptarse a las condiciones de la vida. Y en un fin es muy difícil culpar a las personas por el simple y natural deseo de comunicar y ser comprendidas.

Notas

¹<http://es.wikipedia.org/wiki/Spanglish>

²<http://www.monografias.com/trabajos25/spanglish/spanglish.shtml>

³<http://www.buenastareas.com/temas/hispanos-en-estados-unidos/0>

⁴<http://books.google.md/books> “Visible differences”, p. 91.

⁵http://librinsula.bnjm.cu/secciones/261/expedientes/261_exped_1.html

⁶<http://factorserpiente.ning.com/profiles/blogs/codex-espanglesis>

⁷<http://speedygonzalezdesdeladea.blogspot.com/2010/03/codex-espanglesis.html>

⁸<http://speedygonzalezdesdeladea.blogspot.com/2010/03/codex-espanglesis.html>

⁹elpaisweb2.elpais.com.uy/.../cultural_478187.asp

¹⁰http://elpaisweb2.elpais.com.uy/suple/cultural/10/03/26/cultural_478187.asp

¹¹<http://www.hispanicla.com/archive/lexico-spanglish/>

¹²<http://www.hispanicla.com/archive/lexico-spanglish/>

Bibliografía:

<http://es.wikipedia.org/wiki/Spanglish>

<http://www.monografias.com/trabajos25/spanglish/spanglish.shtml>

<http://www.buenastareas.com/temas/hispanos-en-estados-unidos/0>

<http://books.google.md/books> “Visible differences”

http://librinsula.bnjm.cu/secciones/261/expedientes/261_exped_1.html

<http://factorserpiente.ning.com/profiles/blogs/codex-espanglesis>

<http://speedygonzalezesdeladea.blogspot.com/2010/03/codex-espanglesis.html>

elpaisweb2.elpais.com.uy/.../cultural_478187.asp

http://elpaisweb2.elpais.com.uy/suple/cultural/10/03/26/cultural_478187.asp

<http://www.hispanicla.com/archive/lexico-spanglish/>

РАССКАЗ А. П. ЧЕХОВА «ЧЁРНЫЙ МОНАХ» И ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Лариса ПОХ,

старший преподаватель

(Бэлцкий государственный университет им. Алеку Руссо)

Rezumat

Autoarea își propune să interpreteze povestirea lui A. Cehov „Călugărul negru“ din perspectivă literară.

Cuvinte-cheie: *operă, interpretare, caracteristică, semnificație.*

Рассказ А. П. Чехова «Чёрный монах», написанный в 1894 году, был создан в период творческой зрелости писателя и с той поры не только неизменно привлекал к себе внимание читателей и критики, но и становился объектом разноречивых его интерпретаций.

Как замечают современные исследователи-чеховеды, в обширном наследии писателя нет другого произведения, интерпретаторы которого так расходились бы во мнениях, что, в конечном итоге, приводит к детальному изучению чеховского текста.

Так, в первых отзывах о «Чёрном монахе» можно прочесть о том, что „никакой идеи из этого произведения читатель вынести не может»; что «фантастическая часть рассказа не удалась», что остаётся непонятным добрый или злой гений чёрный монах, что у писателя необыкновенно сильна потребность в мечте пусть даже это мечта сумасшедшего.

В дальнейшем исследователи чаще всего обращались к характеристике главных героев рассказа, магистра Коврина и садоводов Песоцких, представляя их как антагонистов.

При этом одни утверждали, что автор сочувствует магистру, а другие - Тане Песоцкой и её отцу.

В. Б. Катаев справедливо говорит о неправомерности такого противопоставления. С его точки зрения авторское отношение к героям иное, так как Чехов «не отдавая предпочтения ни одному из противостоящих в рассказе персонажей, уравнивая и Коврина и Песоцких одинаковой страдательной зависимостью от жизни, судьбы, «...подвергает аналитическому освещению сами точки зрения героев...».

Их ошибки и заблуждения, как показывает исследователь, «имеют гносеологический характер, они связаны с попытками понимания действительности, ориентации в ней»¹.

Г.А. Бялый полагает, что «ненормальной в глазах Чехова оказывается сама норма современных ему жизненных отношений, а не её

нарушение. Ненормально состояние мира, в котором величие, дерзновенность и счастье остаются только в мечтах маньяков»².

В. Я. Линков делает акцент на философском значении рассуждений главного героя и говорит о двойственности как о главной черте чеховской поэтики, а И. Н. Сухих видит в «Черном монахе» стремление оспорить попытку оценки человека «по заранее заданной абстрактной нравственной шкале»³.

Известно также, что в своё время «Чёрный монах» очень нравился Л. Н. Толстому, который, восхищаясь этим произведением, с живостью и какой-то особенною нежностью сказал: «Это прелесть! Ах, какая это прелесть!»⁴.

А один из выдающихся композиторов 20-го столетия Д. Д. Шостакович писал, что он воспринимает повесть «Чёрный монах» «как вещь, построенную в сонатной форме».

Оба эти высказывания, как нам представляется, могут послужить своеобразным вектором, определяющим направление исследования «Чёрного монаха» и особенности его истолкования.

Например, Н. М. Фортунатов, анализируя рассказ «Чёрный монах», приходит к выводу, что «резко выраженные черты сонатности» в архитектонике этой новеллы позволяют говорить не только о музыкальности чеховской прозы, но и о принципе «всеобщности законов, лежащих в основе всякого подлинно художественного высказывания, к какому бы виду искусства оно ни принадлежало»⁵.

Действительно, сонатная форма как форма музыкального произведения, «основанная на развитии двух тем, излагаемых в разных тональностях и объединённых затем одной тональностью»⁶ прослеживается в композиционной структуре «Чёрного монаха».

Так, в начале рассказа, в его первой части, представлено описание имения Егора Семёныча Песоцкого со старинным парком и роскошным фруктовым садом, «который вместе с питомником занимал десятин тридцать» и в котором было «весело и жизнерадостно даже в дурную погоду»⁷.

И хотя это описание возвышенно и величаво («хоть садись и балладу пиши»), оно включает и грустные ноты: громадный дом хозяина имения украшен колоннами со львами, «на которых облупилась штукатурка». В декоративной части сада (в детстве она призывала на Коврина «сказочное впечатление») каких только не было «причуд», «изысканных уродств и издевательств над природой!»⁸.

Вторая часть рассказа открывается сообщением о том, что в деревне Коврин «много читал, учился итальянскому языку, с удовольствием думал о том, что скоро сядет за работу, чувствовал себя бодро и весело».

Повторился мотив светлого и радостного ощущения жизни, уже знакомой читателю по первой главке.

Именно в этом контексте впервые зарождается один из ведущих мотивов всего повествования, связанного с рассказанной магистром легендой о чёрном монахе, удивительном мираже-фигуре старика в чёрной одежде с седой головою и чёрными бровями, облик которого как бы «вышел из пределов земной атмосферы и теперь блуждает по всей вселенной, всё никак не попадая в те же условия, при которых он мог бы померкнуть»⁹.

Эта легенда занимает Коврина и нравится ему: именно с нею он в дальнейшем будет связывать лучшие минуты своей жизни, когда ему кажется, что «весь мир смотрит на него, притаился и ждёт, чтобы он понял его».

С этого момента мотив черного монаха как бы вступает в контрастные отношения с мотивом сада, любви, красоты естественной жизни природы, уводя размышления Коврина в другую сторону: к мыслям об его исключительности, необычности и противоположности толпе.

Далее мотив чёрного монаха становится всепроникающим в структуре текста и связывается с изображением болезни Коврина, его галлюцинациями, счастливыми обретениями и жестокими разочарованиями, вплоть до его смерти в финале рассказа.

Появившись в конце второй главы, черный монах пронёсся мимо Коврина, который спустился к реке и залюбовался открывшимся перед ним видом широкого поля, «покрытого молодую, ещё не цветущей рожью».

В III и IV частях рассказа повествуется о радостных событиях в жизни магистра: его дружеском разговоре с отцом Тани Песоцкой, его влюблённости. Он вновь испытывает радостное, спокойное чувство удовлетворения, думая о том, что «его полубольным, издёрганым нервам, как железо магниту, отвечают нервы этой девушки: «бледная, слабая, несчастная Таня ему нравилась». И даже мысль о том, что «если только он один видел монаха, то «значит, он болен», испугала его ненадолго».

В V главе вновь состоялась «встреча» Коврина с монахом, на этот раз в парке, как только он вспомнил о легенде. Призрак ласково смотрел на магистра, рассеивал его сомнения: «Я существую в твоём воображении, а воображение твоё есть часть природы, значит, я существую и в природе»¹⁰.

Говорили о бессмертии, о цели жизни, о болезни и здоровье. Монах льстил Коврину, называл его одарённой свыше благородной натурой, утверждал, что, как всякий гениальный человек, он психически болен

и, наконец, заключил: «Если хочешь быть здоров и нормален, иди в стадо». Коврин с благодарностью сказал монаху, что тот подслушал его сокровенные мысли. Монах исчез, а магистр, счастливый и весёлый, объясняется Тане в любви и признаётся, что сейчас он пережил «светлые, чудные, неземные минуты».

«Она была ошеломлена, согнулась, съежилась и точно состарилась сразу на десять лет, а он находил ее прекрасной и громко выражал свой восторг: Как она была хороша!»¹¹.

Таково содержание V части, где мотив черного монаха пересекается с мотивом любви к женщине, и оба они предстают перед читателем в одной тональности радостного и счастливого восприятия жизни главным героем произведения, а мотив ковринских галлюцинаций достигает своей кульминации. С одной стороны, он уже часто (раза два в неделю) «встречается» с черным монахом, беседует с ним, уже «был крепко убежден, что подобные видения посещают только избранных, выдающихся людей, посвятивших себя служению идее»¹². С другой – думал о своей любви к Тане, как о глубоком и подлинном чувстве, хотя, потом оно оказалось призрачным и недолговечным.

Современный чеховед В. Б. Катаев, говоря о заблуждениях и ошибках обоих чеховских героев как Тани, так и Коврина, пишет, что они не умеют понять жизнь, поставлены в конфликтную ситуацию «казалось – оказалось», которая и составила сюжетную основу произведения: «Она была..., а он находил ее...». «Я приняла тебя..., но ты оказался...»¹³.

Именно такой конфликт становится основой трагического разлада между героями чеховских произведений, как повествовательных, так и драматургических.

Финал VI части звучит как противостояние мотиву любви и мотиву черного монаха. Она представляет собой краткое описание свадьбы Тани и Коврина, которая по настоянию Егора Семеныча прошла «с треском», «то есть с бестолковой гульбой, продолжавшеюся двое суток. Съели и выпили тысячи на три, но от плохой наемной музыки, крикливых тостов и лакейской беготни, от шума и тесноты не поняли вкуса ни в дорогих винах, ни в удивительных закусках, выписанных из Москвы»¹⁴.

VII и VIII главки в своей совокупности могут быть поняты как своеобразный «рассказ в рассказе», основным содержанием которого становится драма ковринского «выздоровления».

Бедная Таня и ее отец явились свидетелями ковринских галлюцинаций и убеждаются в его страшном психическом заболевании, а попытка вылечить Коврина приводит к страданиям не только самого главного героя, но и Песоцких.

Жизнь всех троих, исполненная взаимного непонимания и недоверия, становится мучительной и невыносимой: «Не могу, не могу понять! – проговорила Таня, сжимая себе виски и глядя в одну точку. – Что-то непостижимое, ужасное происходит у нас в доме. Ты изменился, стал на себя не похож... Ты, умный, необыкновенный человек, раздражаешься из-за пустяков, вмешиваешься в дразги...»¹⁵.

Заключительная, IX часть выступает в качестве эпилога и образует ту музыкальную коду, которая завершает развитие каждой из тем и объединяет их в одной, трагической тональности.

«Коврин получил самостоятельную кафедру, но не может прочитать вступительную лекцию»: «У него шла горлом кровь...». Настроение у него было мирное, покорное. Он согласился поехать на лечение в Крым.

Свою женитьбу на Тане он считал ошибкой, а воспоминание о ней возбуждало в нем одну только жалость и досаду на себя, напоминало ему, что он был несправедлив к ней и ее отцу, вымещая на ни в чем не повинных людях свою душевную пустоту, скуку, одиночество и недовольство жизнью...»¹⁶.

Он вспомнил, как однажды разорвал на мелкие клочки свою диссертацию и все статьи, написанные во время болезни. В своих научных трудах он находил теперь «легкомысленный задор», «дерзость», «манию величия».

И когда в гостинице послышалась музыка, а женские голоса пели серенаду, ему послышалось что-то знакомое» в их пении он вспомнил имя Песоцких, свои встречи с черным монахом...

И вот он явился к нему в последний раз: «Отчего ты не поверил мне..., - спросил он ласково, и Коврин припомнил свои разговоры с ним, вновь верил, что он «божий избранник» и хотел говорить, но кровь текла у него из горла прямо на грудь... Он хотел позвать Варвару Николаевну, но сделал усилие и проговорил: «Таня».

Он умирал и звал то лучшее, что было в его жизни: «большой сад с роскошными цветами, обрызганными росой, звал парк, сосны с мохнатыми корнями, ржаное поле, свою чудесную науку, свою молодость, смелость, радость, звал жизнь, которая была так прекрасна»¹⁷.

И хотя черный монах шептал ему, что он гений и что умирает он только потому, что его слабое тело «не может служить оболочкой для гения», «невыразимое, безграничное счастье наполняло все его существо...»

На этой высокой ноте завершается рассказ о черном монахе, чей образ стал связующим в художественной структуре текста, организованного по законам сонатной формы и звучащего как музыка

самой жизни, которую зовет умирающий Коврин и которая заглушает шепот черного монаха.

Примечания

¹Катаев, 1979, с. 195.

²*apud* Бавин, 2009, с. 46.

³*apud* Бавин, 2009, с. 47.

⁴Чехов, 1986, с. 493.

⁵*apud* Паперный, 1976, с. 145.

⁶*Энциклопедический музыкальный словарь*, 1959, с. 253.

⁷Чехов, 1986, с. 226.

⁸Чехов, 1986, с. 227.

⁹Чехов, 1986, с. 233.

¹⁰Чехов, 1986, с. 241.

¹¹Чехов, 1986, с. 244.

¹²Чехов, 1986, с. 247.

¹³Катаев, 1979, с. 197.

¹⁴Чехов, 1986, с. 247.

¹⁵Чехов, 1986, с. 252.

¹⁶Чехов, 1986, с. 254.

¹⁷Чехов, 1986, с. 257.

Использованная литература

ЧЕХОВ, А. П. *Сочинения*. Т. VIII. Москва, 1986 [=Чехов, 1986].

БАВИН, С. П. *Творчество А. П. Чехова в панораме мнений: литературно-критические материалы*. Библиографический аннотационный указатель. Российская гос. Библиотека. НИО библиографии. Москва, 2009 [=Бавин, 2009].

ПАПЕРНЫЙ, З. С. *Записные книжки Чехова*. Москва, 1976 [=Паперный, 1976].

КАТАЕВ, В. Б. *Проза Чехова: проблемы интерпретации*. Москва, 1979 [=Катаев, 1979].

СУХИХ, И. Н. «Смерть героев» в мире Чехова //Чеховиана. Москва: Наука, 1990. С. 65-76 [=Сухих, 1990].

Энциклопедический музыкальный словарь. Москва, 1959 [=Энциклопедический музыкальный словарь, 1959].

СИЛА ЛЮБВИ — «ОБЫКНОВЕННОЕ ЧУДО»?!
(на материале пьесы Евгения Шварца «Обыкновенное чудо»)

Екатерина НИКУЛЧА,

преподаватель

(Бельцкий государственный университет им. Алеку Руссо, Республика Молдова)

Rezumat

Autoarea cercetează, din perspectivă literară, problema dragostei în piesa lui E. Șvarț „O minune tradițională“.

Cuvinte-cheie: *factor, sentiment, esență, caracteristică.*

В период античности сильное влечение представителей разных полов друг к другу рассматривалось как один из важнейших факторов человеческого существования, вследствие чего любовь приняла конкретно-чувственный образ богини Иштар в Месопотамии, Афродиты в Греции, Венеры в Риме. В эпоху средневековья чувство, которое в древнем мире не раз воспевалось поэтами (любовная лирика Сафо, Алкея, песни Анакреонта, поэзия Катулла, Овидия), изображалось прозаиками (романы Апулея, Петрония), трактовалось драматургами (трагедии Софокла, Еврипида, комедии Плавта), заклеямили, как греховное и противопоставили ему любовь к Богу, любовь возвышенную, лишённую всех мирских/суетных желаний.

Постепенно любовь, приобретая дополнительные оттенки, отвоевывает свои позиции: в эпоху классицизма она предстает как верность долгу и интересам государства, любовь к возвышенному, идеальному пронизывает произведения романтиков, на любви как одном из важнейших основ межличностных отношений строятся произведения писателей и поэтов-реалистов, любовь как плотское наслаждение красной нитью проходит по текстам авторов-модернистов.

К многогранной сущности любви, которую писатели, поэты, драматурги раскрывали на протяжении ряда столетий, обращается и Евгений Шварц в пьесе «Обыкновенное чудо», впервые опубликованной в 1956¹ году. Любовь предстает в произведении как сложное явление, которое включает разнообразные ее проявления, такие как:

- любовь мужчины и женщины («Пятнадцать лет я женат, а влюблен до сих пор в жену свою, как мальчик»²);
- страдания как проявления любовного томления («И каждый раз я, как дурак, надеюсь, что каким-то чудом она вдруг войдет

---

¹Шварц, 1984, с. 185.

²Шварц, 1988, с. 364.

- сюда. Она уже седая теперь, наверное. Седая. Давно замужем... И все-таки я мечтаю хоть голос ее услышать. Эмилия, Эмилия ...»³);
- ненависть, родившееся из любви, как результат нанесенной обиды («Вы так обидели меня, что я все равно отомщу вам! Я докажу вам, как вы мне безразличны. Умру, а докажу!»⁴);
  - отказ от любви во имя блага другого — апогей любви («А ты что сделал из любви к девушке?» — «Я отказался от нее.»⁵);
  - умение прощать как неотъемлемый признак любви («Так люблю, что все прощу вам»⁶);
  - любовь родителей к детям, детей к родителям («Уж вы не обижайте мою дочку»⁷, «В траве буду прятаться от родной дочери, но не брошу ее»⁸ и «Я очень тебя люблю, отец»⁹);
  - любовь как физиологический процесс («То, что вы называете любовью, – это немного неприлично, довольно смешно и очень приятно»¹⁰ и «от любви приключаются болезни потешные, для анекдотов, как я это называю, и вполне излечимые, если их не запустить, конечно»¹¹);
  - верноподданническое почитание вышестоящих чинов («Я люблю министров»¹²);
  - любовь к «братьям меньшим» («Терпеть не могу, когда для собственной забавы мучают животных. Слона заставляют танцевать в кисейной юбочке, соловья сажают в клетку, тигра учат качаться на качелях»¹³);
  - любовь к мелким житейским радостям («Но вы должны любить мед...»¹⁴);
  - любовь к славе («Борется за свою славу. Он добыл уже пятьдесят дипломов, подтверждающих, что он знаменит, и подстрелил шестьдесят хулителей своего таланта»¹⁵);

---

³Шварц, 1988, с. 383.

⁴Шварц, 1988, с. 390.

⁵Шварц, 1988, с. 403.

⁶Шварц, 1988, с. 411.

⁷Шварц, 1988, с. 370.

⁸Шварц, 1988, с. 382.

⁹Шварц, 1988, с. 382.

¹⁰Шварц, 1988, с. 396.

¹¹Шварц, 1988, с. 409.

¹²Шварц, 1988, с. 409.

¹³Шварц, 1988, с. 366.

¹⁴Шварц, 1988, с. 367.

¹⁵Шварц, 1988, с. 384.

- любовь к своему делу/искусству («Охотники ... делают ... все это не из любви к наживе, не из честолюбия, нет, нет! Их ведет благородная страсть!»¹⁶);
- самодовольство, тщеславие («Люблю рассказывать о делах, которые удались»¹⁷);
- отрицание любви («Нет никакой любви на свете!»¹⁸);
- любовь как средство познания или преобразования мира («Нищие, безоружные люди сбрасывают королей с престола из любви к ближнему. Из любви к родине солдаты попирают смерть ногами, и та бежит без оглядки. Мудрецы поднимаются на небо и ныряют в самый ад — из любви к истине. Землю перестраивают из любви к прекрасному»¹⁹).

Перечисленные проявления в большинстве случаев невозможно однозначно определить как положительные или отрицательные. Их морально-этические характеристики меняются в зависимости от ситуации, но несомненно то, что каждое из них в большей или меньшей степени является неотъемлемой частью человеческой жизни.

Центральное место в пьесе занимает чувство, вспыхнувшее в сердцах молодых людей Медведя и Принцессы. Об этом зрителям сообщает в прологе «человек»: «у нас — речь пойдет о любви»²⁰ и продолжает: «Юноша и девушка влюбляются друг в друга»²¹. Развитие их чувств друг к другу проходит несколько четко выраженных стадий, разработанных немецким теоретиком Густавом Фрейтагом²². Первоначально они влюбляются друг в друга (завязка), расстаются, при новой встрече узнают о препятствиях на их пути к счастью (кульминация), а долгожданная встреча в доме Хозяина и Хозяйки приносит им заслуженное счастье (развязка).

Зародившиеся при первой встрече у Медведя и Принцессы чувства переданы имплицитно. Медведь называет принцессу «милая девушка»²³, а она говорит о нем: «вы такой спокойный, радостный, простой»²⁴. Но и этих намеков достаточно, чтобы привести молодых людей в смятение. Это понимает и Хозяйка, невольно подслушавшая их

---

¹⁶Шварц, 1988, с. 387.

¹⁷Шварц, 1988, с. 398.

¹⁸Шварц, 1988, с. 396.

¹⁹Шварц, 1988, с. 403.

²⁰Шварц, 1988, с. 363.

²¹Шварц, 1988, с. 363.

²²Wilpert, 2001, S. 188.

²³Шварц, 1988, с. 373.

²⁴Шварц, 1988, с. 374.

беседу: «Ну вот и налетел ураган, любовь пришла. Бедные дети, счастливые дети!»²⁵.

Счастье, которое испытывают юноша и девушка, недолговечно. Пока молодые люди ничего не знают друг о друге, они остаются беззаботными детьми. Возврат к привычной обстановке и домашнему окружению в миг разрушает их мимолетное счастье. Медведь узнает о социальном статусе своей спутницы, а Принцесса узнает, что ее друг терпеть не может принцесс. Высокое положение пугает и отталкивает молодого влюбленного в силу условия Хозяина, согласно которому он «превратится в дикого зверя», как только Принцесса его поцелует. И хотя девушка представляется ему кем-то особенным, доброй, очаровательной, несколько наивной, Король с уверенностью утверждает: «Она совсем не похожа на королевскую дочь»²⁶, юноша отказывается от своих чувств к ней. При встрече в гостинице, когда Принцесса, переодетая в мальчика, беседует со своим любимым, Медведь открыто высказывается о своих чувствах к Принцессе: «Я очень серьезно влюбился!»²⁷ и о ее любви к нему: «в довершение беды я вдруг увидел ясно, что и она влюбилась в меня тоже»²⁸.

Неожиданный поворот происходящему придают слова Принцессы: «я все равно отомщу вам! Я докажу вам, как вы мне безразличны. Умру, а докажу!»²⁹. Глубоко уязвленная и сильно страдавшая от того, что ее любовь отвергнута, она хочет отомстить Медведю, не понимая мотивов, побудивших его к этому шагу. Юноша знает об истинных чувствах Принцессы, но в то же время поддается своему «уязвленному» самолюбию: ведь Принцесса нанесла ему оскорбление своим намеренным пренебрежением к его любви. Так постепенно, шаг за шагом, Е. Шварц изображает переход от любви к ненависти.

Противостояние Медведя и Принцессы построено в последующих сценах по принципу «действие — контрдействие». Их каждый поступок ставит своей целью причинить страдание любимому. Желание мучить и стремление отомстить за мнимое унижение, каким юным влюбленным представляется отказ ответить любовью на любовь, побудило Принцессу выбрать в мужа первого встречного, а Медведя сделать предложение фрейлинам принцессы Оринтии и Аманде.

Но в этой игре, причиняющей столько страданий обоим влюбленным, побеждает не любовь, не взаимное влечение, заставившее их испытать столько страданий, а их пассивность. Кульминационный

---

²⁵Шварц, 1988, с. 375.

²⁶Шварц, 1988, с. 371.

²⁷Шварц, 1988, с. 389.

²⁸Шварц, 1988, с. 389.

²⁹Шварц, 1988, с. 390.

момент беседы, завершающийся трагически для молодых людей, раскрывает их неумение бороться и преодолевать препятствия. Они отступают, сдаются, хотя и прикрывают свою беспомощность глубиной чувств. Медведь объясняет Принцессе: «Ведь я поклялся, что скорее умру, чем обижу вас. Простите!»³⁰, девушка отвечает Королю: «Я его слишком люблю»³¹. Лишь слова Хозяина раскрывают перед Медведем истинную суть любви, заставляют его устыдиться своего малодушия, подталкивают к решительному действию. Поэтому закономерным представляется внезапное решение Медведя разыскать Принцессу.

Но разобралась ли Принцесса в своих чувствах? Лишь когда «Смерть подошла так близко»³², что переход в небытие становится неизбежным, потому что «нет ... счастья»³³, и девушка готова простить Медведю все, она постигает тайну любви: умение прощать — основа любви. К своему удивлению, Принцесса осознает, что ее ощущения еще прекраснее, чем она ожидала. Ее переполняет радость и счастье, ведь благодаря произошедшим в ней изменениям она может быть рядом с любимым. С этого момента готовность к прощению объединяет влюбленных и позволяет им совершить чудо — «обыкновенное чудо». Именно теперь, когда и Медведь, и Принцесса прошли свой путь страданий, свой катарсис, они становятся достойны друг друга.

Итак, первоначально молодые люди в порыве чувств принимают за любовь свое влечение друг другу, к этому их побуждают молодость, красота, горячность, страстность, а так же сходство во взглядах на мир. Но лишь в конце пьесы они начинают познавать и другие аспекты любви: любить другого ради него самого, т.е. таким, каков он есть, а также умение прощать и жертвовать ради блага другого.

Конец пьесы допускает, на наш взгляд, несколько трактовок. Одна из них предложена «человеком» из пролога: «Юноша и девушка влюбляются друг в друга... Едва не умирают от любви. И наконец, сила их чувства доходит до такой высоты, что начинает творить настоящие чудеса»³⁴. Принцесса полюбила молодого человека в его человеческом облики и приняла его животную природу, как одну из его особенностей, как изначальную, неизменную данность, как часть ее. Медведь не превратился в дикое животное, потому что для влюбленной в него девушки он был медведе-человеком, которого она полюбила во всей противоречивости его натуры. При такой трактовке становится понятной реплика Охотника: «Но я видел, видел, как он превратился в

---

³⁰Шварц, 1988, с. 402.

³¹Шварц, 1988, с. 402.

³²Шварц, 1988, с. 410.

³³Шварц, 1988, с. 405.

³⁴Шварц, 1988, с. 363.

медведя!»³⁵. Даже если юноша и превратился в Медведя, то для Принцессы его новое обличие, которое он обрел согласно условию Хозяина-волшебника, ничего не значит, потому что она любила его самого.

Рассмотрим еще один вариант трактовки «сцены поцелуя», на наш взгляд наиболее соответствующий замыслу автора. Сила любви, которая пробудилась в Медведе, превращает его в настоящего человека, венчая таким образом творение Хозяина, и без того счастливого тем, что он сделал «из живого ... еще более живое»³⁶. Любовь возвышенная и чистая — это чувство, которое составляет сущность человека, отличает его от животного. Поэтому Хозяин в восхищении замечает: «Любовь так переплавил его, что не стать ему больше медведем»³⁷. Юноша Медведь на какую-то долю секунды действительно превратился в зверя, эту метаморфозу и заметил Охотник, но истинное чувство уничтожило в нем все звериное, и он стал настоящим человеком, человеком чувствующим.

Медведю и Принцессе противопоставлены давние влюбленные Эмиль и Эмилия. В молодости они совершили ошибки, которые привели их к разрыву, такие же, какие могут совершить и молодые герои из ложного самолюбия, непонимания, не умения прощать. Эмиль и Эмилия — это вспомогательные герои, но их история может повториться, и в этой новой истории действующими лицами будут Медведь и Принцесса. Закономерен вывод Эмиля в третьем действии: «Погубил я свое счастье, прозевал»³⁸, даже несмотря на свадьбу со своей любимой и все еще продолжающую гореть в его сердце любовь к ней. Сам Хозяин-волшебник поясняет роль этой взрослой, опытной, много страдавшей пары: «они будут помогать молодым, помня свои минувшие горести»³⁹. И хотя они поступают по-своему: «А они взяли да и обвенчались»⁴⁰, вопреки желанию Хозяина, их пример доказывает, что обрести покой и умиротворенность возможно, если научиться доверять своим чувствам, не мимолетным, а искренним и глубоким. Это еще предстоит Медведю и Принцессе.

История отношений Эмиля и Эмилии не разворачивается перед глазами зрителей, как история Медведя и Принцессы. Большая ее часть — это краткие ретроспекции обоих влюбленных. Эмилия, при дворе известная как Первая дама, после побега Принцессы впервые говорит о

---

³⁵Шварц, 1988, с. 414.

³⁶Шварц, 1988, с. 367.

³⁷Шварц, 1988, с. 414.

³⁸Шварц, 1988, с. 404.

³⁹Шварц, 1988, с. 412.

⁴⁰Шварц, 1988, с. 412.

своей несчастной любви: «Много, много лет назад, государь, я стояла у окна, а юноша на черном коне мчался прочь от меня по горной дороге. Была тихая-тихая лунная ночь. ... Топот копыт все затихал и затихал вдали и наконец умолк навеки... Ни разу с той поры не видела я бедного мальчика»⁴¹. Хотя острота чувств осталась прежней, несчастье сломило ее, она смирилась со своей судьбой. Эмиль, в котором никто больше не узнает представителя высшего света, стал известен, как трактирщик. Тон его воспоминаний о днях своей молодости и об Эмилии совершенно иной, чем у его любимой. Расставшись с дорогой девушкой, он продолжает любить ее, так же сильно, как и прежде. В словах Эмилии сквозит безысходность, в размышлениях Эмиля звучит надежда на новую встречу, побудившая его открыть трактир у дороги: «Трактир «Эмилия»! Трактир «Эмилия»... Эмилия... Да, да... Проходят охотники, проезжают дровосеки, волокут волоком мачтовые сосны, странники бредут неведомо куда, неведомо откуда, и все они позвонят в колокол, постучат в дверь, зайдут отдохнуть, поговорить, посмеяться, пожаловаться. И каждый раз я, как дурак, надеюсь, что каким-то чудом она вдруг войдет сюда. Она уже седая теперь, наверное. Седая. Давно замужем... И все-таки я мечтаю хоть голос ее услышать. Эмилия, Эмилия...»⁴².

Первая встреча Эмиля и Эмилии после долгого расставания демонстрирует глубину их чувств. Несмотря на то, что прямые изъявления чувств в их диалоге отсутствуют, но ряд укоров: «Вы целовались с ним на балконе!», «А вы танцевали с дочкой генерала», «Вы шептали ей что-то на ухо все время!»⁴³, выдает их сожаление о произошедшем, о потерянных годах совместного счастья. Внешние изменения не играют значительной роли для Эмиля: «Что мне маска, которую надело на вас время!»⁴⁴, его больше пугает новый образ Эмилии: «Бедная, гордая, нежная Эмилия! Разве он понимал, на ком женат, проклятый грубиян»⁴⁵. Встреча со светлым прошлым меняет Придворную даму, не сразу, постепенно. Высказанные лишь спустя годы упреки, объяснение истинных мотивов прежних поступков, помогают влюбленным снова соединиться.

Восстанавливая хронологическую последовательность событий, составляющих историю любви Эмиля и Эмили, выделяем следующие этапы: любовь — непонимание и ревность — расставание (боль) — встреча (вспышка/возрождение любви) — воссоединение (свадьба).

---

⁴¹Шварц, 1988, с. 381.

⁴²Шварц, 1988, с. 383.

⁴³Шварц, 1988, с. 392.

⁴⁴Шварц, 1988, с. 391.

⁴⁵Шварц, 1988, с. 393.

Действие пьесы охватывает лишь последние два этапа, первые четыре переданы через картины-воспоминания.

Сравнивая развитие взаимоотношений Медведя и Принцессы приходим к выводу, что история их любви проходит на глазах у зрителя, повторяя во всех стадиях историю Эмиля и Эмили. При этом узы, связывающие молодых людей, характеризуются несколькими дополнительными чертами. Замысел Хозяина, превращение юноши в Медведя, придает всем дальнейшим событиям сильную ноту трагизма, а последующее знакомство юноши и девушки приближает предначертанную трагическую развязку.

Судьба Медведя и Принцессы, Эмиля и Эмили отодвигают на второй план историю Хозяина и Хозяйки, как справедливо отметила Е. Скорospelова в статье «Сказочник и его время»⁴⁶, хотя именно их чувствам друг к другу обязана своим рождением история «обыкновенного чуда», о котором говорит волшебник. На протяжении пятнадцати лет в основе их взаимоотношений лежит любовь. Из желания поговорить с женой о любви родилась история, которая вызвала у Хозяйки смех и слезы. Хозяйка в свою очередь из любви к мужу готова простить его шалости и более серьезные проступки: «Я люблю тебя, я не сержусь»⁴⁷. Отметим, что эту истину постепенно осознают и Медведь с Принцессой⁴⁸.

Хозяйка неоднократно закликает мужа любовью к ней вернуть Медведю его звериный облик, и волшебник, размышляя о своих чувствах к жене, поднимается над своими личными чувствами и переходит к более абстрактным заключениям: «Я, на свою беду, бессмертен. Мне предстоит пережить тебя и затосковать навеки. А пока — ты со мной, и я с тобой. С ума можно сойти от счастья. Ты со мной. Я с тобой. Слава храбрецам, которые осмеливаются любить, зная, что всему этому придет конец. Слава безумцам, которые живут себе, как будто они бессмертны, — смерть иной раз отступает от них»⁴⁹. И хотя он: «взял и собрал людей и перетасовал их, и все они стали жить»⁵⁰, в его власти превратить медведя в юношу, убедить Короля покинуть замок, засыпать гостиницу снегом, не пускать Медведя к Принцессе, он не всемогущ. Пробудить, зажечь чувство любви в ком-то из своих героев, он не в силах.

Хозяин-волшебник сочиняет историю о любви, но в то же время вся драма на экстра-/интер-/интратекстуальном уровне представляется

---

⁴⁶Скорospelова, 1988, с. 14.

⁴⁷Шварц, 1988, с. 412.

⁴⁸Ср.: Шварц, 1988, с. 411.

⁴⁹Шварц, 1988, с. 412.

⁵⁰Шварц, 1988, с. 412.

произведением, написанным для жены драматурга, Екатерины Ивановны Шварц. Так, желание Хозяина поговорить с женой о любви является одновременно возможностью и для автора пьесы выразить свои чувства к любимой женщине⁵¹.

Наряду с благородными чувствами, которые испытывают друг к другу Медведь и Принцесса, Эмиль и Эмилия, Хозяин и Хозяйка, в пьесе присутствует также и другое понимание любви, исповедуемое министром-администратором. Для него любовь, о которой говорят, Медведь, Принцесса, трактирщик, придворные — «это немного неприлично, довольно смешно и очень приятно»⁵², а так как он сам «ни разу не влюблялся. Следовательно, нет любви!»⁵³, а значит «раздуватели чувств, мучители душ человеческих... лгут будто совесть существует в природе, уверяют, что сострадание прекрасно, восхваляют верность, учат доблести и толкают на смерть обманутых дурачков! Это они придумали любовь. Нет ее!»⁵⁴.

Свое неприятие любви Министр-администратор выражает не только посредством нигилистического подхода к ней, выраженного в повторах: «Нет ее!» (2 раза) и его вариантах: «Нет никакой любви на свете!», «Следовательно, нет любви!», но и с помощью эвфемизмов: «от любви приключаются болезни потешные, для анекдотов, как я это называю, и вполне излечимые, если их не запустить, конечно»⁵⁵. В приведенной цитате любовь низводится до средства распространения заразы, не смертельной, но легко отступающей перед врачебным вмешательством.

Все представления Министра-администратора о любви сводятся к физиологическим потребностям: «Приходите к амбару. Мне ухаживать некогда ...»⁵⁶, и являются результатом его жизненного опыта. Не случайно Первый министр его Величества охарактеризовал этого государственного чиновника как мошенника и делягу, человека «без сердца и разума»⁵⁷, а придворная дама, обращаясь к нему, требовательно восклицает: «Замолчите презренный!»⁵⁸. Отметим, что выражение «человек без сердца» подразумевает жестокость, отсутствие сочувствия и пренебрежительное отношение к чувствам других.

---

⁵¹Ср.: Житие, 1991, с. 221.

⁵²Шварц, 1988, с. 396.

⁵³Шварц, 1988, с. 396.

⁵⁴Шварц, 1988, с. 397.

⁵⁵Шварц, 1988, с. 409.

⁵⁶Шварц, 1988, с. 377-378.

⁵⁷Шварц, 1988, с. 408.

⁵⁸Шварц, 1988, с. 396.

Сходную, на первый взгляд, позицию по отношению к любви занимает монах-эконом из ближайшего к трактиру монастыря. О нем мы можем судить лишь по ответам трактирщика на его реплики: «Отец эконом! Ау-у-у-у! ... Здравствуй старик! ... Ну ладно уж, перестань охать да причитать, переходи к делу. Так, так, понимаю. А ты что? А настоятель что? А она что? Ха-ха-ха! Вот пустая бабенка? Понимаю!» и далее: «ты ничего не понимаешь в любви, ты монах! Чего? Ну какая же это любовь, старый бесстыдник!»⁵⁹.

Монах-эконом не отрицает существование любви: для него она неразрывно связана с физическим наслаждением, тем более, что для священнослужителя подобные чувства — запретный плод. Его ответы, в отличие от слов Министра-администратора не вызывают резко отрицательной реакции трактирщика, а лишь его исполненные добрым юмором укоры.

Неоднозначно отношение фрейлин принцессы Аманды и Оринтии к любви. В их словах отсутствует ярко выраженный нигилизм Министра-администратора, но в то же время они не высказываются об этом чувстве определенно. Прямолинейность не характерна в особенности для Оринтии. Сложное отношение к любви — следствие первого неудачного чувственного опыта фрейлин, так что Аманда превратилась в ветреную особу: «Я влюбляюсь теперь во всех кому не лень. Все равно!»⁶⁰, а Оринтия в девушку без собственного мнения, готовую утверждать, все что угодно, чтобы только ее слова соответствовали ожиданиям окружающих: «Я говорю о любви то, чего от меня ждут»⁶¹.

Отношение фрейлин к любви радикально меняется с появлением семьи. И хотя молодые женщины не могут назвать себя хорошими женами: «Думаю, что ничего себе»⁶², признавая тем самым свои недостатки, они страстно любят своих мужей и детей: «я так страшно люблю своего мужа и ребенка... Что мне бывает иной раз трудно, невозможно сохранить разум»⁶³.

Итак, Е. Шварц рассматривает любовь не только как чувство, рождающееся из отношений представителей противоположных полов, т.е. он выходит за рамки интерпретации любви как этической категории, но и обращается к ее проявлениям в общественной жизни, как одной из составляющих существования человека в окружающей его действительности. При этом драматург выделяет ее следующие

---

⁵⁹Шварц, 1988, с. 404.

⁶⁰Шварц, 1988, с. 397.

⁶¹Шварц, 1988, с. 397.

⁶²Шварц, 1988, с. 410.

⁶³Шварц, 1988, с. 410.

аспекты: любовь к родине, верность долгу, любовь к дому, соблюдение веками складывавшихся традиций, демонстрируя, тем самым, политический, социальный, философский аспекты этого чувства.

Неотъемлемой частью человеческой природы является любовь детей к родителям и родителей к детям. Этот аспект можно проследить на примере отношений Принцессы и Короля. Глава государства совмещает государственные и родительские функции. Как отец Король стремится огородить свою дочь от тлетворного влияния придворной жизни, в то время как сам является центром антигуманного отношения к людям.

Для Принцессы Король прежде всего отец и лишь затем монарх. Она исполнена любви к нему как отцу: «Я очень тебя люблю, отец»⁶⁴. Скупые слова, сказанные в минуту эмоционального подъема, выражают самую суть взаимоотношений Короля-отца и Принцессы-дочери. Потрясение девушки, когда она видит в своем отце не справедливого монарха и доброго правителя, а мелочного обманщика, находит выражение в замкнутости и отрешенности, скрывающих ее мучительное прозрение: «Ее, видите ли, поразило, что папа, ее папа может сказать неправду. Стала она скучать, задумываться, томиться»⁶⁵.

Теплые чувства Короля к дочери проявляются в его словах и в характере его поступков. Как отец он готов последовать за ней, куда угодно, чтобы защитить и уберечь тем самым от недоброжелателей. Любовь и забота о дочери звучит в его словах, обращенных к Хозяйке и Хозяину: «Друзья, друзья мои, какое счастье, что я так люблю только родную дочь!»⁶⁶, «Уж вы не обижайте мою дочку»⁶⁷, беспокойством проникнуто его восклицание: «Скачет верхом! Без дороги! В горы! Она заблудится! Она простудится! Упадет с седла и запутается в стремени! За ней! Следом!»⁶⁸. Озабоченный резкой сменой ее настроения и готовностью выйти замуж за первого встречного, Король снова перевоплощается в заботливого отца: «Я потерял сознание, остались одни чувства... Тонкие... Едва определимые... То ли мне хочется музыки и цветов, то ли зарезать кого-нибудь. Чувствую, чувствую смутно-смутно — случилось что-то неладное, а взглянуть в лицо действительности — нечем...»⁶⁹. Так, даже горячая отцовская любовь оказывается бессильной преодолеть врожденную королевскую беспомощность, приближая предрешенный трагический финал.

---

⁶⁴Шварц, 1988, с. 382.

⁶⁵Шварц, 1988, с. 372.

⁶⁶Шварц, 1988, с. 370.

⁶⁷Шварц, 1988, с. 370.

⁶⁸Шварц, 1988, с. 382.

⁶⁹Шварц, 1988, с. 399.

В пьесе присутствует также любовь к природе и в частности к животным. Нежелание, граничащее с неспособностью причинить «братьям нашим меньшим» страдания, предстает как одно из проявлений любви к ним. Так, Хозяйка просит мужа вернуть Медведю его прежний облик, превратить его вновь в медведя: «Сейчас же, сейчас же преврати его в медведя, если ты меня любишь! Отпусти его на свободу!»⁷⁰, потому что она не может выносить, «когда для собственной забавы мучают животных. Слона заставляют танцевать в кисейной юбочке, соловья сажают в клетку, тигра учат качаться на качелях»⁷¹. Сходную мысль высказывает Принцесса: «Я его слишком люблю для этого»⁷², после того как Король предлагает ей оставить Медведя при дворе: «Мы бы его причесывали, приручали. Он бы нам бы иногда плясал бы...»⁷³.

В обычной трактовке любовь характеризуется как положительное чувство, но оно может становиться отрицательным, если выражает склонность к порокам, таким как самовлюбленность, тщеславие, подбострастие, самоуверенность. Носителями этих качеств в пьесе являются Министр-администратор и Охотник. Первый не испытывает теплых чувств к людям и категорически отрицает существование любви, как возвышенного чувства, находя при этом физическую близость особенно привлекательной. Но это не мешает ему восхищаться самим собой, многократно подчеркивать свою значимость в характерной для него манере «говорить с высока», а также бахвалиться своими победами. Так, в беседе с Хозяйкой он утверждает: «я привлекателен»⁷⁴, обращаясь к Королю он называет его уменьшительно-пренебрежительно «королек»⁷⁵, хвастается перед придворными: «Расскажу с удовольствием. Люблю рассказывать о делах, которые удались»⁷⁶.

В образе Охотника нашло выражение раболепное почитание высокопоставленных чиновников. Охотник представлен как подбострастный подданный Короля, заискивающий перед государственными должностными лицами, и хотя его реплика: «Я люблю министров»⁷⁷ имеет комическое продолжение: «но только

---

⁷⁰Шварц, 1988, с. 367.

⁷¹Шварц, 1988, с. 366.

⁷²Шварц, 1988, с. 402.

⁷³Шварц, 1988, с. 402.

⁷⁴Шварц, 1988, с. 378.

⁷⁵Ср.: Шварц, 1988, с. 409.

⁷⁶Шварц, 1988, с. 398.

⁷⁷Шварц, 1988, с. 409.

вежливых»⁷⁸, жизненная позиция этого героя в ней выражена верно. Так, обращаясь к Королю, Охотник старается всячески ему угодить: «Простите, ваше величество. ... Рад служить, ваше величество! Сюда, пожалуйста, ваше величество. Я вас провожу»⁷⁹.

Уничижительное отношение к себе сочетается у Охотника с маниакальным стремлением к славе. Вот как он говорит о себе: «Я сам охотник! Знаменитый!»⁸⁰. На эту черту указывает и Трактирщик: «Борется за свою славу. Он добыл уже пятьдесят дипломов, подтверждающих, что он знаменит, и подстрелил шестьдесят хулителей своего таланта»⁸¹. Возвеличивая себя, Охотник глорифицирует также и охотничье мастерство: «Охотники – это самые достойные люди на земле! Это все честные, простые парни. Они любят свое дело. Они вязнут в болотах, взбираются на горные вершины, блуждают по такой чаще, где даже зверю приходится жутко. И делают они все это не из любви к наживе, не из честолюбия, нет, нет! Их ведет благородная страсть!»⁸². Вследствие чего даже такое благородное чувство как любовь к делу своей жизни становится отрицательным, ведь результатом охотничьей славы является уничтожение зверей: «Не считая мелкой дичи, я подстрелил на своем веку пятьсот оленей, пятьсот коз, четыреста волков и девяносто девять медведей».

Наряду с масштабной интерпретацией любви неожиданным представляется короткий и на первый взгляд ничем не примечательный эпизод: обращаясь к Медведю, Хозяика говорит: «Вы должны любить мед...»⁸³. Эти слова отражают эпикурейский взгляд на жизнь: любовь не рассматривается больше как возвышенное чувство, а как пристрастие к таким обыденным вещам как еда. В случае с Медведем любовь к меду является непреодолимой тягой. Таким образом, любовь, сохраняя интенсивность как свою особенную характеристику, с романтических категорий переносится на приземленные, обыденные процессы, такие как принятие пищи.

В пьесе выделяется любовь, как категория веры, как особая христианская добродетель. Король говорит о себе: «почетный святой, почетный великомученик, почетный папа римский нашего королевства»⁸⁴. Авторская ирония, обращенная на деятельность Короля, выражается тройным повторением прилагательного

---

⁷⁸Шварц, 1988, с. 409.

⁷⁹Шварц, 1988, с. 394.

⁸⁰Шварц, 1988, с. 387.

⁸¹Шварц, 1988, с. 384.

⁸²Шварц, 1988, с. 387.

⁸³Шварц, 1988, с. 367.

⁸⁴Шварц, 1988, с. 401.

«почетный» и иерархически по нисходящей расположенных номинантов, обозначающих степень святости, но несочетающихся с действиями Короля, такими как казни, отравления, ложь. Итак, Король, являясь главой государства и церкви, объединяет светскую и церковную власть. В перечислении церковных званий монарха важным представляется следующая категория: степень святости, которой удостоились религиозные деятели, проповедники христианской веры, великие мученики — это критерий для почитания и поклонения. Таким образом, провозвестники христианства становятся объектами любви в ее религиозном понимании⁸⁵, согласно которому: «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, / не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, / не радуется неправде, а сорадуется истине; / все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. / Любовь никогда не перестает»⁸⁶. Именно поэтому отказ Первого министра видеть в своем государе самого могущественного религиозного деятеля на земле воспринимается как бунт. Король утрачивает значительную долю святости и перестает быть объектом поклонения, которое сказывается на его могуществе как правителя, его понижают до генеральского чина с одной стороны, и до простого аскета, подвижника, отшельника с другой стороны, так что монарх лишается одновременно светской и церковной власти.

Сложное, не поддающееся однозначной интерпретации чувство любовь проходит красной нитью через произведение: оно обуславливает поступки и слова героев пьесы. Яркий неожиданный всплеск эмоций, каким представлена любовь, передается, прежде всего, традиционным номинантом «любовь», его грамматическими формами, однокоренными лексемами, а также однокоренными лексическими единицами с преобразованной семантикой.

№	Часть речи с указанием формы слова	Примеры с указанием частотности употребления
Лексемы с корнем -люб-		
1.	Существительное	любовь (7), о любви (8), от любви (7), за любовь, с любовью (2), из любви (6), нет любви (3), придумали любовь, в любовь (2), в любви (2)
2.	Приставка в- + существительное, образованное от	с влюбленными, для влюбленного, (к) влюбленным (2), от/для влюбленных (2), почтенным влюбленным, влюбленные

⁸⁵ Ср.: Библия, 1994, Кол. 1, 3-8.

⁸⁶ Библия, 1994, 1 Кор. 13, 4-8.

причастия		
3.	Прилагательное	в любовную историю, в любовные дела его любимую жену
4.	Приставка в- + прилагательное	влюбленная девушка, влюбленную девушку, двое влюбленных детей
5.	Приставка в- + краткое прилагательное	влюблен (в жену) (3), были влюблены, была влюблена
6.	Глагол	Любите! (2), любить (2), любишь, (не) люблю (16), любите, не любил (2), любит (2), любят, любить
7.	Приставка в- + глагол	влюбляются, (не) влюбится (2), влюбилась (2), влюбился (3), влюбляться (3), влюблялся, влюбляюсь, влюблялась
8.	Приставка раз- + глагол	разлюбит
9.	Приставка по- + глагол	полюбит, полюбили
10.	Деепричастие	любя
11.	Идиоматическое выражение	Совет да любовь!
Однокоренные лексемы с преобразованной семантикой		
12.	Существительное	вашей любезностью
13.	Существительное, образованное от краткого прилагательного	любезные (6), любезный
14.	Сложное существительное	из честолюбия
15.	Прилагательное	на ... поклоны наших любезных подданных
16.	Глагол	любуюсь
17.	Наречие	любезно
		118 примеров = 0,742 %

По результатам статистического подсчета лексические единицы с корнем *-люб-* и близкие им по значению лексемы (всего **118** примеров) составляют **0,76%** всего текста. При подсчете не учитывались имена героев, названные перед каждой репликой, а также авторские ремарки. Представленные в таблице лексемы составляют незначительную долю текста, но они распределены в пьесе таким образом, что складывается впечатление, будто другие темы, кроме темы любви, выходят за рамки действия.

Обращает на себя внимание и тот факт, что в пьесе используется лишь пять частей речи, обозначающих чувство, которое герои испытывают друг к другу, действие, вызванное этим чувством, качество, приобретенное после вмешательства чувств, образ действия, а также сопутствующие виды деятельности. Вместе с тем языковое оформление темы любви не кажется однообразным, а наоборот поражает своей вариативностью. Подобный эффект достигается словообразовательными приемами, такими как префиксальный способ

и переход одной части речи в другую. Подобной семантической трансформации подвергаются существительные с приставкой *в-*, глаголы с приставками *в-*, *раз-*, *по-*, прилагательные с приставкой *в-*. Особое значение в данном контексте приобретают однокоренные лексемы с преобразованной семантикой. Так, например прилагательное «любезный» означает «милый, дорогой», а «честолюбие» приобретает значение «жажда известности, почестей, стремление к почетному положению».

Таким образом, лексические единицы, обозначающие чувство, передающие его качественную характеристику, выражающее действие, рожденное пробудившимися чувствами, при всей своей немногочисленности создают неповторимую ауру, насыщенную яркими чувственными картинками.

Многочисленные проявления любви намечены автором лишь в общих чертах, при этом каждое упоминание о них приобретает форму афоризма по краткости выражения (форма) и объемности семантической нагрузки (содержание). Реплики героев, как например рассуждения Хозяина, Хозяйки, Медведя, Министра-администратора и др., насыщенные краткими фразами с ярко выраженным афористическим характером, придают действию непрерывно усилывающееся эмоциональное напряжение.

В драме Е. Шварца любовь предстает как комплексный феномен, как неотъемлемая часть межличностных отношений (любовь между юношей и девушкой, детьми и родителями), как черта, присущая религиозному мировоззрению, как имманентная характеристика, определяющая взаимоотношение человека и окружающего мира, природы, как философская категория.

«Обыкновенное чудо» — энциклопедия проявлений любви: мучительного, но в тоже время прекрасного земного чувства, любви к близким, природе, делу своей жизни, с одной стороны, и любви к славе, наживе, сладострастью, тщеславию с другой.

Использованная литература

WILPERT, G. von. *Sachwörterbuch der Literatur* // Gero von Wilpert. 8., verb. u. erw. Aufl. Stuttgart: Kröner, 2001 [=Wilpert, 2001].

Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового завета. Кишинев: Межконфессиональное Библейское общество, 1994 [=Библия, 1994]ю

Житие сказочника. Евгений Шварц. Из автобиографической прозы. Письма. О Евгении Шварце / Сост. Л.В. Поликовская, Е.М. Биневиц. Москва: Кн. палата, 1991 [=Житие, 1991].

ОЖЕГОВ, С. *Словарь русского языка*. 4-е изд., испр. и доп. Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, **1960** [=Ожегов, **1960**].

СКОРОСПЕЛОВА Е. *Сказочник и его время* //ШВАРЦ, Е. *Обыкновенное чудо: Пьесы, сценарии, сказки, автобиогр. проза, воспоминания*/Сост. и вступит. ст. Е. Скороспеловой; Коммент. Е. Девятайкина, Е. Цимбаевой. Кишинев: Лит. артистикэ, **1988** [=Скороспелова, **1988**].

ШВАРЦ, Е. *Обыкновенное чудо: Пьесы, сценарии, сказки, автобиогр. проза, воспоминания*/ Сост. и вступит. ст. Е. Скороспеловой; Коммент. Е. Девятайкина, Е. Цимбаевой. Кишинев: Лит. артистикэ, **1988** [=Шварц, **1988**].

ШВАРЦ, Е. *Позиция*. Коммент. Е. Биневича. В: Современная драматургия. № 4, **1984**. С. 178-185 [=Шварц, **1984**].

Despre autori

Elena Anașkina: 1) doctor în filologie; 2) conferențiar universitar, Universitatea Națională de Cercetări din Moscova, Rusia; 3) autoare a multor lucrări științifice, publicate în țară și peste hotare; 4) participantă la întruniri științifice naționale și internaționale.

Gina Măciucă: 1) doctor în filologia comparată; 2) profesor universitar la departamentul de Limbă și Literatură Engleză al Universității „Ștefan cel Mare” din Suceava, România; 3) co-director al Centrului de cercetare *Inter Litteras*, afiliat Universității „Ștefan cel Mare” din Suceava; 4) autoare a 7 cărți și peste 50 de articole în diverse reviste și volume ale conferințelor din țară și străinătate; 5) participantă la întruniri științifice naționale și internaționale; 6) domeniile de cercetare: filologia comparată, studiile interculturale, traductologia.

Adela Novac: 1) doctor în filologie; 2) conferențiar universitar, Universitatea de Stat „Alec Russo” din Bălți, Republica Moldova; 3) autoare a multor lucrări științifice, publicate în țară și peste hotare; 4) participantă la întruniri științifice naționale și internaționale; 5) domeniile de cercetare: filologia română, filologia comparată.

Marina Teterina: 1) lector universitar, Universitatea de Stat „Alec Russo” din Bălți, Republica Moldova; 2) autoare de lucrări științifice, publicate în țară; 3) participantă la întruniri științifice naționale și internaționale; 4) domeniile de cercetare: filologia engleză.

Elena Ungureanu: 1) doctor în filologie; 2) cercetător științific superior la Institutul de Filologie al AȘM; 3) autor a 1 monografie, 2 dicționare (în colab.), a 1 practicum și a peste 50 de articole publicate în reviste din Republica Moldova, România, Rusia; 4) participantă la peste 20 de conferințe și colocvii din țară și din străinătate; 5) membră al Seminarului de profil al Institutului de Filologie al AȘM; 6) arii de cercetare: semiotica, gramatica și pragmatica textului; ortografie; stilistică și poetică; lingvistica internetului; lingvosemiotica intertextului și a hypertextului.

Ecaterina Isaeva: 1) competitor, Universitatea Națională de Stat de Cercetări din Perm, Rusia; 2) autoare de lucrări științifice, publicate în țară și peste hotare; 3) participantă la întruniri științifice naționale și internaționale.

Gergana Atanasova Petkova: 1) asistent universitar; 2) doctorandă, Universitatea „Paisii Hilendarski” din Plovdiv, Bulgaria; 3) autoare a unor lucrări științifice semnificative; 4) participantă la întruniri științifice naționale și internaționale; 5) domeniile de cercetare: lingvistica istorică.

Veaceslav Dolgov: 1) lector universitar, Universitatea de Stat „Alec Russo” din Bălți, Republica Moldova; 2) doctorand; 3) autor de lucrări științifice, publicate în țară; 4) participant la întruniri științifice naționale și internaționale; 5) domeniile de cercetare: lingvistica rusă.

Marina Tunițchi: 1) doctor în pedagogie; 2) conferențiar, Universitatea de Stat „Alec Russo” din Bălți, Republica Moldova; 3) autoare a multor lucrări științifice și didactice de valoare; 4) participantă la întruniri științifice naționale și internaționale; 5) domeniile de cercetare: lingvistica slavă.

Stalina Stepaniuc: 1) doctor în filologie; 2) conferențiar, Universitatea de Stat „Alec Russo” din Bălți, Republica Moldova; 3) autoare a multor lucrări științifice și didactice de valoare; 4) participantă la întruniri științifice naționale și internaționale; 5) domeniile de cercetare: lingvistica rusă, lingvistica comparată.

Angela Coșciug: 1) doctor în filologie; 2) conferențiar la Catedra de filologie franceză a Universității de Stat „Alec Russo” din Bălți; 3) membră a Seminarului de Profil de Susținere a Tezelor de Doctorat la specialitatea 10.02.05–Limbi romanice (Universitatea de Stat din Moldova); 4) membră a Consiliului Specializat de Susținere a Tezelor de Doctorat la specialitatea 10.02.05–Limbi romanice (Universitatea de Stat din Moldova); 5) recenzent oficial și conducător de teze de doctorat în filologia romanică, expert național al manualelor de limbă franceză pentru instituțiile preuniversitare din Republica Moldova; 6) din 2007, studii de post-doctorat la Universitatea de Stat din Moldova; 7) autoare a 90 de lucrări științifice și didactice (monografii, eseuri, manuale, ghiduri, note de curs, articole, rezumate), publicate în țară și peste hotare (România, Rusia, Canada, Albania etc.); 8) organizatoare de colocvii naționale și internaționale, desfășurate în țară și peste hotare; 9) editoare de volume ale manifestărilor științifice naționale și internaționale; 10) participantă la 85 de întruniri științifice naționale și internaționale; 11) redactor-șef al revistelor „Limbaj și context” și „Glodidactica”; 12) membră a comitetului științific al revistei „Мова те Історія” („Limbă și Istorie”), publicată în cadrul Universității Naționale „Taras Șevcenko” din Kiev, Ucraina; al revistei „Communication Interculturelle et Littérature”, publicată în cadrul Universității „Dunărea de Jos”, Galați, România; al revistei „Concordia Discors vs Discordia Concors”, publicată în cadrul Universității „Ștefan cel Mare” din Suceava, România; al revistei „Interstudia”, publicată în cadrul Universității din Bacău, România; al revistei „Universală”, publicată în cadrul Universității de Arte și Design „Gheorghe Dima” din București, România; al revistei „African Political Science and International Relations” (Nigeria); 13) bursieră a Guvernului Franței (2007); 14) (din 2010) membră a Asociației Rusești de Comunicare și a Asociației de Filologie și Hermeneutică Biblică din România; 15) recenzent permanent al revistelor „Canadian Journal of Communication” și „Russian Journal of Communication”; 16) domeniile de cercetare: lingvistica romanică, semiotica generală, semiotica literară, teoria discursului, limbajul francez specializat, traductologia, literatura francofonă, lingvistica comparată.

Tatiana Gorea: 1) lector universitar, Universitatea de Stat „Alec Russo” din Bălți, Republica Moldova; 2) din 2012, doctorandă în cadrul Universității de Stat din Moldova; 3) autoare de lucrări științifice, publicate în țară; 4) participantă la întruniri științifice naționale și internaționale; 5) domeniile de cercetare: lexicologia limbii spaniole.

Maia Slivinschi: 1) masterandă, Universitatea de Stat „Alec Russo” din Bălți, Republica Moldova.

Diana Nicov: 1) masterandă, Universitatea de Stat „Alec Russo” din Bălți, Republica Moldova.

Larisa Poh: 1) lector superior universitar, Universitatea de Stat „Alec Russo” din Bălți, Republica Moldova; 2) autoare de lucrări științifice, publicate în țară; 3) participantă la întruniri științifice naționale și internaționale; 4) domeniile de cercetare: literatura rusă.

Ecaterina Niculcea: 1) lector universitar, Universitatea de Stat „Alec Russo” din Bălți, Republica Moldova; 2) autoare de lucrări științifice, publicate în țară; 3) participantă la întruniri științifice naționale și internaționale; 4) domeniile de cercetare: filologia germană și cea comparată.

Notes on Contributors

Elena Anashkina: 1) Associate Professor; 2) Ph.D., National Studies University of Moscow, Russia; 3) author of significant scientific works; 4) participant in national and international scientific conferences.

Gina Măciucă: 1) Ph.D.; 2) Associate Professor, English Language and Literature Department, Ștefan cel Mare University of Suceava, Romania; 3) co-director of *Inter Litteras* Scientific Center, Ștefan cel Mare University of Suceava; 4) author of 7 books and over 50 articles published in various national and international conference volumes; 5) participant in national and international scientific conferences; 6) research areas: comparative philology, cross-cultural studies, translation studies.

Adela Novac: 1) Associate Professor, Ph.D., Alecu Russo State University of Bălți, Republic of Moldova; 2) author of significant scientific and didactic publications; 3) participant in national and international scientific conferences; 4) research areas: Romanian philology, comparative philology.

Marina Teterina: 1) Lecturer, Alecu Russo State University of Bălți, Republic of Moldova; 2) author of scientific and didactic publications; 3) participant in national and international scientific conferences; 4) research areas: English philology.

Elena Ungureanu: 1) Ph.D.; 2) Senior Researcher at the Institute of Philology of the Academy of Sciences of Moldova; 3) the author of a monograph, two dictionaries (in collab.), 1 practicum and about 50 articles published in journals in Moldova, Romania, Russia; 4) participant in about 20 conferences and seminars in Moldova and abroad; 5) member of Profile Seminar of the Institute of Philology of the Academy of Sciences of Moldova; 6) research areas: semiotics, text grammar and pragmatics; spelling, stylistic and poetics, Internet language; lingvosemiotics of intertext and hypertext.

Ekaterina Isaeva: 1) Ph.D. Student, National State Studies University of Perm, Russia; 2) author of scientific publications; 3) participant in national and international scientific conferences.

Gergana Atanasova Petkova: 1) Assistant Professor, 2) Ph.D. Student, Paisii Hilendarski University of Plovdiv, Bulgaria; 3) author of significant scientific and didactic publications; 4) participant in national and international scientific conferences; 5) research areas: historical linguistics.

Veaceslav Dolgov: 1) Lecturer, Alecu Russo State University of Bălți, Republic of Moldova; 2) Ph.D. Student; 3) author of scientific publications; 4) participant in national and international scientific conferences; 5) research areas: Russian linguistics.

Marina Tunițchi: 1) Associate Professor, Ph.D., Alecu Russo State University of Bălți, Republic of Moldova; 2) author of significant scientific and didactic publications; 3) participant in national and international scientific conferences; 4) research areas: Ukrainian linguistics.

Stalina Stepaniuc: 1) Associate Professor, Ph.D., Alecu Russo State University of Bălți, Republic of Moldova; 2) author of significant scientific and didactic publications; 3) participant in national and international scientific conferences; 4) research areas: Russian linguistics, comparative linguistics.

Angela Coșciug: 1) Ph.D.; 2) Associate Professor, French Philology Department, Alecu Russo State University of Bălți; 3) member of the Scientific Specialization Seminar for the Defense of the Doctoral Theses, speciality 10.02.05 – Romance languages (Moldova State University); 4) member of the Scientific Specialization Council for the Defense of the Doctoral Theses, speciality 10.02.05 – Romance languages (Moldova State University); 5) scientific adviser (since 2010) and reviewer of doctoral theses in Romance philology, national expert of textbooks of French for pre-university establishments from the Republic of Moldova; 6) since 2007, post-doctoral studies, Moldova State University; 7) author of 80 scientific and didactic works (monographs, essays, studies, textbooks, guides, courses of lectures, articles, abstracts) published in prestigious national and international journals and volumes (in Moldova, Romania, Russia, Canada, Albania etc.); 8) organizer of scientific conferences in Republic of Moldova and abroad; 9) publisher of scientific national and international conference volumes; 10) participant in 85 national and international scientific conferences; 11) editor-in-chief of *Speech and Context* International Journal of Linguistics, Semiotics and Literary Science; editor-in-chief of *Glottodidactica* Biannual Journal of Applied Linguistics; 12) member of the Scientific Board of *Мова та Історія/Language and History* Journal published at Taras Șevcenko National University of Kiev, Ukraine, of the Scientific Board of *Communication Interculturelle et Littérature/Intercultural Communication and Literature* Journal published at Dunărea de Jos University of Galați, Romania, of the Scientific Board of *Concordia Discors vs Discordia Concors* Journal published at Ștefan cel Mare University of Suceava, Romania, of the Scientific Board of *Interstudia* Journal published at the University of Bacau, Romania, of the Scientific Board of *Universalis* Journal published at Gheorghe Dima University of Arts and Design, Bucarest, Romania, of the Scientific Board of *African Political Science and International Relations*, Nigeria; 13) Grant of the French Government (2007); 14) member of Russian Association of Communication and Romanian Association of Bible Philological and Hermeneutical Studies; 15) *Canadian Journal of Communication* and *Russian Journal of Communication* reviewer; 16) research areas: Romance linguistics, general semiotics, literary semiotics, discourse theory, specialized French language, translation studies, Francophone literature, applied linguistics, contrastive linguistics.

Tatiana Gorea: 1) Lecturer, Alecu Russo State University of Bălți, Republic of Moldova; 2) (since 2012) Ph.D. Student at Moldova State University 3) author of scientific publications; 4) participant in national and international scientific conferences; 5) research areas: Spanish lexicology.

Maia Slivinschi: 1) MA Student, Alecu Russo State University of Bălți, Republic of Moldova.

Diana Nicov: 1) MA Student, Alecu Russo State University of Bălți, Republic of Moldova.

Larisa Poh: 1) Senior Lecturer, Alecu Russo State University of Bălți, Republic of Moldova; 2) author of scientific publications; 3) participant in national and international scientific conferences; 4) research areas: Russian literature.

Ecaterina Niculcea: 1) Lecturer, Alecu Russo State University of Bălți, Republic of Moldova; 2) author of scientific publications; 3) participant in national and international scientific conferences; 4) research areas: German philology, comparative philology.